Срым Сапаргалиев

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

крах КПСС

Сапаргалиев С.

Перерождение (крах КПСС)

1994 4тг.

Срым Сапаргалиев

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

(крах КПСС)

Опыт историко-методологического анализа

Алматы
«Казахстан»
1994

Сапаргалиев С.

С 21 Перерождение (Крах КПСС): Опыт историко-методологического анализа.— Алматы: Қазахстан, 1994.— 160 с.

В книге предпринята попытка выяснения причин краха КПСС, истоков кризиса. Всякий политический кризис, независимо от его исхода, приносит пользу уже тем, что делает тайное явным, вскрывает действующие в политике силы, разоблачает обманы и самообманы, фразы и фикции.

Всем, кто интересуется историей политических партий и движений.

С $\frac{0902000000-006}{401(05)-94}$ 9.94 ББК 63.3(2)

ISBN 5-615-01518-7

Памяти моего
отца

ПРЕДИСЛОВИЕ

КПСС и Советский Союз прекратили свое существование.

Этот, быть может, грубый и во многом неожиданный факт — но факт — выразил природу кризиса, разыгравшегося в социалистическом обществе.

Этот кризис, как и всякий кризис, всякий поворотный пункт в каком-либо движении, особенно интересен (и полезен для участников движения) тем, что в нем резко и ясно проявляются основные тенденции, основные законы движения.

Этот кризис рельефно вскрывает суть явлений или процессов, отметает прочь поверхностное, мелкое, внешнее, обнаруживает более глубокие основы происходящего, попытки упрощения сложного вопроса.

Этот кризис, независимо от его исхода, приносит пользу уже тем, что делает тайное явным, вскрывает действующие в политике силы, разоблачает обманы и самообманы, фразы и фикции, показывает наглядно и, так сказать, вбивает насильно в головы то, что есть.

И великое прогрессивное значение всяких кризисов, даже самых тяжелых, трудных и болезненных, состоит, между прочим, именно в том, что они с великолепной быстротой, силой, наглядностью вносят самые коренные перемены в целый ряд прежних представлений о ходе развития политического кризиса, о темпе этого развития, о его диалектике. Учет этого опыта массами — невидный, тяжелый и медленный процесс, играющий гораздо более важную роль, чем многие явления на поверхности политической жизни государства.

Конечно, когда смотришь назад, когда еще не развернулась вся цепь событий, смотришь на борьбу уже

оконченную (по крайней мере, оконченную в ее прямой и непосредственной форме), тогда нет ничего легче, как учесть общий итог из различных, противоречащих друг другу признаков и симптомов кризиса.

Исход борьбы решает все сразу и очень просто устраняет всякие сомнения. Но теперь нужно определить такие признаки явления, которые помогли бы разобраться в положении дел до борьбы.

Исходя из этих методологических принципов, в книге предпринята попытка выяснения причин краха КПСС, истоков кризиса.

Автор

г. Джезказган.
Сентябрь 1991 г.— март 1992 г.

...Мы теперь уже не те,
...Мы за одну ночь совсем переродились.

В. И. Ленин

Познание истины есть перерождение...

Н. А. Бердяев

НАЧАЛО КОНЦА

13 октября 1952 г. XIX съезд партии переименовал Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков (ВКП (б)) в Коммунистическую партию Советского Союза (КПСС). Необходимость такого уточнения названия партии вызывалась несколькими соображениями. Во-первых, следовало точно указать, что действия Коммунистической партии распространяются на определенную страну — Советский Союз. Во-вторых, привести название партии в большее соответствие с наименованиями высших органов государственной власти Союза ССР. В-третьих, устранить двойное наименование партии «коммунистическая» и «большевистская». Понятие «коммунистическая» выражает наиболее точно марксистское содержание задач партии, тогда как понятие «большевистская» отражает лишь исторический факт завоевания ленинцами на II съезде РСДРП большинства голосов по сравнению с оставшимися в меньшинстве[1]. Следовательно, вопрос о названии партии рабочего класса был «не только формальным, но и большой важности политическим вопросом»[2], научно обоснованным, теоретически верным, чтобы и оно помогало «прояснению сознания пролетариата»[3].

Вместе с тем давая характеристику другим партиям, В. И. Ленин писал: «Название партии... вовсе не такая случайная и не такая маловажная вещь, как можно бы подумать с первого взгляда. Иногда самая уже крикливость, манерность названия выдает глубокий внутренний

[1] *Суворов К. И.* Название нашей партии. М., 1973. С. 50.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 210.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр соч. Т. 31. С. 179.

порок всей программы и всей тактики партии. Чем интимнее чувствует идеолог крупной буржуазии свою преданность монархии, тем громче клянется он и божится, уверяя всех в своем демократизме. Чем больше идеолог мелкой буржуазии отражает ее неустойчивость, ее неспособность к выдержанной и неуклонной борьбе за демократическую революцию и за социализм, тем с большим жаром ораторствует он о партии «социалистов-революционеров», о которой верно было сказано, что ее социализм вовсе не революционен, а ее революционность вовсе не связана с социализмом. Остается только, чтобы сторонники самодержавия назвали себя (как они уже и пробовали не раз) «народной партией», и мы будем иметь полную картину того, как классовые интересы преображаются в политических вывесках»[1].

Таким образом, предстояло времени, опыту, практике выяснить, по какому пути пойдет развитие партии в новых исторических условиях. Кроме того, выяснить революционные заслуги партии, ее традиции, исчезнут ли или сохранятся полностью ее способности от переименования. Так как от стремления к какой-то цели до ее выполнения есть еще известное расстояние[2]. Недостаточно заявить себя коммунистической, надо вести действительно коммунистическую политику, действительно выражать интересы рабочих, а то придет день и час, когда народ за фальшивость помянет вас «насмешкой горькою обманутого сына над изболтавшимся отцом»[3].

5 марта 1953 года умер И. В. Сталин. Встали вопросы о том, кто будет руководить КПСС и каково будет содержание ее действий и политической тактики. Является ли партия действительно рабочей партией или нет, зависит не только от того, что она состоит из рабочих, а прежде всего от того, кто ею руководит. Потому что можно по-разному руководить, руководить, внося разложение в партийные ряды или укрепляя их. «Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться. В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партий-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 260

[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 88.

[3] *Лермонтов М. Ю.* Дума. Соч.: В 6 томах. Т. 2. М., 1954. С. 114.

ных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов»[1]. Ведь политика «больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую»[2]. «Политическая деятельность — не тротуар Невского проспекта...»— говаривал еще русский великий социалист домарксова периода Н. Г. Чернышевский»[3].

С точки зрения народнохозяйственного, социально-экономического прогресса к началу 50-х годов была в основном осуществлена в нашей стране индустриализация, коллективизация, культурная революция. Что позволило победить в страшной войне, восстановить страну, наполовину превращенную в руины. В ответ на брошенный империалистами вызов было создано атомное оружие. Победа над фашизмом и преодоление наиболее катастрофических разрушений военного лихолетия устранили многие элементы чрезвычайности. Самое же главное: появилась возможность изменения коренного содержания социально-экономического развития, развертывания современной научно-технической революции и зарождения того, что можно назвать научно-индустриальным, научно-техническим способом производства, обеспечивающим замену экстенсивных факторов экономического развития интенсивными.

Словом, советское общество вступало тогда, в начале 50-х годов, в новый этап своей истории, начиналась новая полоса его развития. Перед КПСС встал вопрос о необходимости разработки и принятия новой Программы партии. Она должна была обобщить накопленный опыт и на основе марксистско-ленинской методологии наметить главные направления деятельности партии в мирных условиях, ответить на основные вопросы стратегии и тактики в новых условиях: в какой форме и где будет проявляться классовая борьба, каким путем пой-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 52—53.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 88.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 55.

дет социалистическое созидание, путем скачков, натиска или эволюционным путем, как будет развиваться через социалистическую промышленность ведущий рабочий класс, как будет действовать его партия, его государство.

Содержание и конкретные формы этого нового этапа определялись главным образом взаимодействием и противоборством двух тенденций: с одной стороны, к дальнейшей реализации ленинской концепции социалистических преобразований на основе накопленного богатого опыта созидания и ошибок, а с другой — под флагом «обновления социализма», «обновления политико-идеологического арсенала самой партии» похоронить, в конечном счете, и социализм, и партию, рассматривая уничтожение их на любом этапе как «благо для народа и общества»[1].

Первую тенденцию питали не только неотложность радикальных преобразований в экономике, но и впервые появившиеся возможности в полной мере реализовать ленинские указания о том, что «с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу...»[2].

Иными словами, вопреки расхожему и усиленно насаждаемому в последние 30—40 лет мнению, согласно которому эта ленинская мысль содержала нечто иное, на самом деле она указывала на необходимость продолжения и углубления прерванного разрушительной и жестокой войной кооперирования крестьянства и культурной революции. А созидательный потенциал социализма был велик. К концу 30-х годов Советский Союз по выпуску промышленной продукции занял первое место в Европе и второе место в мире[3]. По данным Юнеско, СССР по коэффициенту интеллектуализации молодежи с третьего

---

[1] На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и в обществе. М., 1990. С. 13, 22.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.

[3] Страницы истории КПСС. М., 1988. С. 82.

места в 1953 г. переместился на сорок второе в 1990 г. Проще говоря, до войны и сразу после войны в стране хорошо понимали значение науки, школ, культуры, а вот в последние десятилетия это понимание и умение достичь высшего уровня исчезло.

Что касается утверждений, что В. И. Ленин в конце своей жизни отрицал классовую борьбу и при этом ссылаются на Н. Бухарина, то это по крайней мере некорректно. На самом деле Н. Бухарин в 1929 г. говорил: «Это вовсе не значит, что Ленин здесь отрицает классовую борьбу, ибо «мирная организация», «культурническая» работа есть тоже особая форма классовой борьбы»[1]. Он продолжал, что действительный ход жизни, согласно мефистофельскому изречению «Теория, друг мой, сера, но зелено вечно дерево жизни», на самом деле сложнее, сложнее могут оказаться и объективные условия и не совсем идеальной может оказаться наша тактика. Поэтому реально могут быть периоды обострения классовой борьбы и ее форм, связанные с перегруппировками общественных классов. «Мы переживаем сейчас один из таких периодов обострения классовой борьбы, когда не можем сказать, что наша работа «сводится» к «культурничеству». Было бы, конечно, абсолютно неправильно, если бы мы не учитывали особых черт каждого отдельного этапа нашей борьбы. Но в то же самое время основные положения тов. Ленина о характере нашего развития остаются глубоко правильными. И это должно остаться теоретическим фундаментом при определении нашей большой тактической дороги»[2].

Вторую тенденцию питали силы, которые в свое время были разбиты, но сохранили память. К этому времени врагов партии, оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода разбили, но не уничтожили. Остатки их идеологии жили еще в головах отдельных членов партии и нередко давали о себе знать. Остатки идеологии разбитых антиленинских групп далеко еще не потеряли своей живучести и вполне были способны ожить. К тому же не следовало забывать глубокой мысли, «схваченной» Лениным на VIII съезде РКП(б), что даже при социализме капиталистическое товарное про-

---

[1] *Бухарин Н. И.* Избранные произведения. М., 1988. С. 423.
[2] Там же. С. 423.

изводство живет, действует, развивается, рождает буржуазию, как и во всяком капиталистическом обществе. «Вот тов. Рыков, который в области хозяйства факты знает очень хорошо, сказал нам о новой буржуазии, которая у нас существует. Это правда. Она рождается не только из наших советских служащих — ничтожным образом она может нарождаться и оттуда,— она нарождается из среды крестьянства и кустарей... Это факт. Каким же образом вы этот факт хотите обойти? Вы этим только тешите свои иллюзии или вносите недостаточно продуманную книжку в действительность, которая гораздо сложнее...

Тов. Рыков говорил: «Мы боремся с буржуазией, которая нарождается у нас потому, что крестьянское хозяйство пока еще не исчезло, а это хозяйство порождает буржуазию и капитализм». У нас нет об этом точных данных, но что это происходит, это несомненно»[1]. Эти старые истины следовало не только знать, повторять, но и со всей силой осознать.

Причем все это было тогда еще трудно уловимо. Идейными истоками их были, несомненно, социал-демократические тенденции. Это, конечно, не следует понимать грубо и упрощенно. Это, конечно, были не новые меньшевики, но тенденции, которые растут в сторону меньшевизма, у них были. Они вели систематическую, упорную, никогда не прекращающуюся борьбу в мирных формах без звона металлического оружия, «тихой сапой» в неисправимой надежде и потребности в уничтожении Советской власти и партии коммунистов. И сразу же после смерти ненавистного им И. В. Сталина, наиболее активные их элементы протягивали свои щупальца, незаметно и тихонечко пробовали изменить политическую линию партии, и работники всяких и всяческих аппаратов «чего изволите» готовы были выработать какой угодно, хотя бы сверхсоциалистический план, чтобы завтра хихикать в «узком кругу», а послезавтра уже активно влиять на политику. Наиболее умные их идеологи, особенно те, которые были за границей, да и те, которые были внутри страны, хорошо знали историю, знали, например, что реформистское перерождение западно-европейских партий произошло не сразу. В тече-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 177.

ние многих лет внутри них боролись революционное и оппортунистическое направления. Однако революционные социал-демократы не смогли до конца идейно развенчать и организационно отмежеваться от оппортунистических и реформистских элементов.

В 1914 г., когда началась первая мировая война, лидеры западно-европейского оппортунизма и их сторонники в России скатились на позиции социал-шовинизма, помогая империалистической буржуазии раздувать пламя всемирной бойни. Все это привели к краху II Интернационала. «Оппортунисты,— отмечал Ленин в первый месяц войны,— давно подготовляли крах II Интернационала, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; отрицая классовую борьбу, с ее необходимым превращением, в известные моменты, в гражданскую войну, и проповедуя сотрудничество классов; проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества»[1].

Конечно, в данном случае речь шла не о судьбе правящих партий, а об оппортунизме в теории, в условиях борьбы за власть, за пролетарскую диктатуру в капиталистических странах. В нашей же стране тогда укрепилась пролетарская власть, действовала ленинская партия нового типа, тем не менее похожесть была и почему же не попытать счастья. И последующий ход событий, пусть через десятилетия, это подтвердил.

Предстояло все понять, теоретически и практически «схватить», осознать своеобразие момента, прочувствовать до конца, умело применить марксистско-ленинский метод познания и действия, рассматривая его под новым углом зрения и каждый раз открывая в нем то, что раньше оставалось незаметным для организации и достойного продолжения социалистического созидания. Понять и доказать, «что самое оригинальное в ленинском учении связано со строительным периодом нашей социалистической революции, связано с эпохой после укрепления рабочей диктатуры»[2].

Однако — и это обстоятельство определило вторую тенденцию в развитии общества — в руководстве КПСС и Советского государства оказались люди, которым, как

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 2.
[2] *Бухарин Н. И.* Указ. работа. С. 239.

показало время, не по плечу было бремя ответственности, возложенное на них историей. К тому же воистину верно сказано: слово — серебро, а молчание — золото. В последнее время в вышедшей в свет исторической, особенно мемуарной и публицистической литературе, яростно предающей анафеме сталинизм, тоталитаризм и прочее, мимоходом, зачастую помимо воли авторов, как правило апологетов десятилетия «оттепели», показано, как с помощью военной силы (Г. К. Жуков, Н. А. Булганин и др.), а также путем изощренных аппаратных игр Н. С. Хрущев оказался во главе партии и Советского правительства. Мы узнали, что он не любил читать, писать, обладал невысоким интеллектом, но сумел не только вначале своей деятельности «оглушить» партию и страну, мировую общественность «культом личности» умершего И. В. Сталина, но и вероломно «расшвырять» живых своих оппонентов, обвинив кого в антипартийности, кого в бонапартизме, кого зачислить в английские шпионы, не дав им возможности объясниться гласно перед партией и народом, применив к ним те же методы репрессий (расстрел, ссылку, исключение из партии), которые сам так громогласно проклинал.

Если учесть, что в ленинской партии Центральный Комитет, особенно его Политбюро, преобразованное накануне в Президиум ЦК, играл особо решающую роль в определении и реализации внутренней и внешней политики партии и государства, то можно говорить о прерывании преемственности в руководстве в полном смысле и значении этого слова, так как из старой теоретически и практически, опытом закаленной гвардии в руководстве остался только А. И. Микоян, который всегда занимался в основном хозяйственными вопросами.

Этот самый «культ личности» многим не давал и не дает покоя, хотя, как упоминал Ленин, по французскому изречению: брань есть довод того, у кого нет аргументов, и кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает. Размышляя об этом феномене, хочется привести несколько ленинских замечаний: «Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии *были всегда...*»[1]. «Договориться по этому поводу до противоположения *вообще* диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 28.

нелепость и глупость. Особенно забавно, что на деле-то вместо старых вождей, которые держатся общечеловеческих взглядов на простые вещи, на деле выдвигают (под прикрытием лозунга: «долой вождей») *новых вождей,* которые говорят сверхъестественную чепуху и путаницу»[1].

Известно, всякое сравнение хромает. Тем не менее случившееся напоминает многие факты из истории революционного движения, в частности ситуацию, изложенную В. И. Лениным в 1906 г. в работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии», где он отмечал: «Разница между оракулом и Плехановым при этом та, что оракул предсказывает события, а Плеханов изрекает свои вердикты после миновавших событий, преподносит горчицу после ужина. Когда меньшевики до октябрьской революции, до декабрьского восстания говорили о «революционном самоуправлении», говорили до наступления революционного подъема, тогда Плеханов молчал, одобряя однако меньшевистскую тактику вообще, молчал, как будто выжидая, как будто недоумевая, не решаясь составить себе сколько-нибудь определенное мнение. Когда спала революционная волна, когда миновали «дни свободы» и дни восстания, когда сошли со сцены разные Советы рабочих, солдатских, железнодорожных и др. депутатов (Советы, казавшиеся меньшевикам органами революционного самоуправления и относимые большевиками к зачаточным, разрозненным, стихийным, а потому бессильным органам революционной власти),— одним словом, когда вопрос потерял остроту, когда ужин был съеден, тогда Плеханов является с горчицей, тогда он проявляет свою, любезную г. г. Струве и К°, мудрость и дальновидность... насчет вчерашнего дня»[2]. Многое в этом вопросе проясняет и такое ленинское соображение. «Чтобы вам поставить этот вопрос в теоретической, общей форме, я приведу сравнение. Мы говорим о революционном классе, о революционной политике народа, я предлагаю вам взять отдельного революционера. Возьмем хотя бы Чернышевского, оценим его деятельность. Как ее может оценить человек, совершенно невежественный и темный? Он, вероятно, скажет: «Ну, что же, раз-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 26.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 275.

бил человек себе жизнь, попал в Сибирь, ничего не добился». Вот вам образец. Если мы подобный отзыв услышим неизвестно от кого, то мы скажем: «В лучшем случае он исходит от человека безнадежно темного, невиновного, может быть, в том, что он так забит, что не может понять значения деятельности отдельного революционера в связи с общей цепью революционных событий; либо этот отзыв исходит от мерзавца, сторонника реакции, который сознательно хочет отпугнуть трудящихся от революции. Я взял пример Чернышевского, потому что, к какому бы направлению ни принадлежали люди, называющие себя социалистами, здесь, в оценке этого индивидуального революционера, расхождения по существу быть не может. Все согласятся, что, если оценивать отдельного революционера с точки зрения тех жертв, внешне бесполезных, часто бесплодных, которые он принес, оставляя в стороне содержание его деятельности и связь его деятельности с предыдущими и последующими революционерами, если оценивать так значение его деятельности,— это либо темнота и невежество безысходное, либо злостная, лицемерная защита интересов реакции, угнетения, эксплуатации и классового гнета. На этот счет разногласий быть не может»[1].

Н. С. Хрущев, как и тогда Г. В. Плеханов (хотя это, конечно, не сравнимые исторические личности), после совершенного им «героизма» лгал, вертелся, лавировал, вилял, отделывался софизмами от многих, многих простых, прямых и очевидных вопросов, предоставляя возможность отвечать на них тем, кому это было выгодно, тем, кто обрадовался такому повороту событий, кто подхватил, поддержал его, на руках носил и превозносил до небес, похваливая его как смелого, дальновидного деятеля, имевшего мужество восстать против «культа личности» дьявола, параноика и т. п. Но это легко сказать задним числом, сказать это, значит обнаружить, что массам нужны «радикальные» слова, чтобы массы верили в них. Оппортунисты готовы повторять их лицемерно. Ленин заметил, ссылаясь на Энгельса, что «честные» оппортунисты самые опасные для рабочего движения[2].

Однако мудрость, сила, политическая состоятель-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 336.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 106.

ность доказывается делами. Всякая крайность нехороша: все благое и полезное, доведенное до крайности, может стать и даже за известным пределом обязательно становится злом и вредом. Для людей думающих, а не отделывающихся «ловлей момента», политикой «минуты» общество человеческое устроено не так разумно. Они знают, что с большими словами надо обращаться осмотрительно. Трудности превращения их в большие дела громадны. Но именно поэтому непростительно было бы отделываться от этих трудностей фразой, отмахиваться от серьезных задач прожектёрскими выдумками, надевать на глаза шоры прямолинейности движения, общественного развития. Перебарщивание большими словами в оценке прошлого и отдельных личностей, оставивших глубокий след в истории, как и нигилистическое отношение к итогам деятельности целого народа, строившего ценою огромных усилий и жертв новое общество, не только верившего, но и доказавшего себе и всему миру возможность этого построения, безнравственно, это политическое преступление. Не менее безнравственно бросаться большими словами относительно настоящего и будущего народа.

К сожалению, в Программе КПСС, разработанной под руководством Н. С. Хрущева и принятой на XXII съезде партии, без всяких к тому оснований было торжественно провозглашено: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! Планировалось достичь его всего за два десятилетия, уже в 1980 г. мы должны были жить при коммунизме. Было на полном серьезе дано определение: «Коммунизм — светлое будущее всего человечества». «Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потреб-

ностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа»[1].

Такая картинка светлого будущего в этой Программе обрамлялась и соответствующим образом разукрашивалась. Коммунизм обеспечивает непрерывное развитие общественного производства и повышение производительности труда на основе быстрого научно-технического прогресса, вооружает человека самой совершенной и могущественной техникой, поднимает на огромную высоту господство людей над природой, дает возможность все больше и полнее управлять ее стихийными силами. Достигается высшая ступень планомерной организации всего общественного хозяйства, обеспечивается наиболее эффективное и разумное использование материальных богатств и трудовых ресурсов для удовлетворения растущих потребностей членов общества.

При коммунизме не будет классов, исчезнут социально-экономические и культурно-бытовые различия между городом и деревней; по уровню развития производительных сил и характеру труда, форм производственных отношений, бытовых условий, степени благосостояния населения деревня поднимется до уровня города. С победой коммунизма произойдет органическое соединение умственного и физического труда в производственной деятельности людей. Интеллигенция перестанет быть особым социальным слоем, работники физического труда по своему культурно-техническому уровню поднимутся до уровня людей умственного труда.

Таким образом, коммунизм покончит с делением общества на классы и социальные слои, в то время как вся история человечества, за исключением первобытных времен, была историей классового общества. Деление на противоположные классы вело к эксплуатации человека человеком, классовой борьбе, к антагонизму между нациями и государствами.

При коммунизме все люди будут иметь равное положение в обществе, одинаковое отношение к средствам производства, равные условия труда и распределения, активно участвовать в управлении общественными дела-

---

[1] См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962.

ми. Утвердятся гармонические отношения между личностью и обществом на основе единства общественных и личных интересов. Запросы людей при всем их громадном разнообразии будут выражать здоровые, разумные потребности всесторонне развитого человека.

Обеспечить непрерывный прогресс общества, предоставить каждому члену общества материальные и культурные блага по его растущим потребностям, индивидуальным запросам и вкусам — такова цель коммунистического производства. Потребности будут удовлетворяться за счет общественных фондов. Предметы личного потребления будут находиться в полном владении и распоряжении каждого члена общества.

Коммунистическое общество, основанное на высокоорганизованном производстве и развитой технике, изменит характер труда, но не освободит членов общества от труда. Оно отнюдь не будет обществом анархии, безделья и праздности. Каждый трудоспособный будет участвовать в общественном труде и обеспечивать непрерывный рост материальных и духовных богатств. У всех членов общества, благодаря изменению характера труда и росту его технической вооруженности, благодаря высокому уровню сознательности, разовьется внутренняя потребность добровольно и по своим склонностям трудиться для общественного блага.

Коммунистическое производство потребует высокой организованности, четкости и дисциплины, которые будут обеспечены не путем принуждения, а на основе понимания общественного долга, определятся всем укладом коммунистического общества. Труд и дисциплина не будут в тягость человеку: трудовая деятельность перестанет быть только средством к жизни и превратится в подлинное творчество, источник радости.

Коммунизм представляет собой высшую форму организации общественной жизни. Все производственные ячейки, все самоуправляющиеся ассоциации будут гармонически объединены в общем планомерно организованном хозяйстве, в едином ритме общественного труда.

При коммунизме будет происходить все больше и больше всестороннее сближение наций на основе полной общности экономических, политических и духовных интересов, братской дружбы и сотрудничества.

Коммунизм — это строй, где расцветают и полностью

раскрываются способности и таланты, лучшие нравственные качества свободного человека. Семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов и будут целиком строиться на чувствах взаимной любви и дружбы.

Решение задач строительства коммунизма осуществляется последовательными этапами.

В ближайшее десятилетие (1961—1970 гг.) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США; значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в благоустроенном жилище; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня.

В итоге второго десятилетия (1971—1980 гг.) будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения; советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям, произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Таким образом, в СССР будет построено в основном коммунистическое общество.

Вот так утверждалось в Программе КПСС, принятой в 1961 г. на XXII съезде партии и действовавшей до XXVII съезда КПСС в 1986 г. Эта Программа со ссылками на марксизм-ленинизм провозглашала: под руководством партии, под знаменем марксизма-ленинизма советский народ построит коммунистическое общество. Конечно, народ может построить что угодно, в этом никаких сомнений быть не может, но при чем тут марксизм-ленинизм, разве он предписывал советскому народу именно в эти годы построить коммунизм, рисовал его так? Разве партия в своей первой Программе, принятой на II съезде в 1903 г., или во второй Программе, принятой на VIII съезде в 1919 г., позволяла себе так фантазировать и запутывать себя и других? Разве В. И. Ленин не оставил после себя своих представлений и требований к содержанию партийных программ? Разве люди, кото-

рые клялись и божились в верности марксизму-ленинизму, по крайней мере, не должны были учитывать хотя бы основные уроки прошлого опыта, ленинские рекомендации и советы? Вспомним о них вкратце.

В. И. Ленин в докладе о партийной программе 19 марта 1919 г. на VIII съезде РКП(б), отвечая оппонентам, говорил: «...Выскочить из этой печальной действительности посредством создания гладкой и цельной программы, значит выскочить в нечто безвоздушное и заоблачное, написать программу неверную... Надо сказать то, что есть: программа должна заключать абсолютно непререкаемое, фактически установленное, только тогда она — программа марксистская... Идти дальше, на шаг дальше, на волосок дальше — будет уже неверно, и поэтому для программы не годится... Не путем насилия внедряется коммунизм... от декретов до исполнения — дистанция порядочного размера»[1]. На этом съезде в заключительном слове Ленин предостерегал от того, чтобы в программе было сказано: ««Дело партии только проводить социалистическое строительство. Коммунистическая революция сделана, осуществляйте коммунизм». Такая точка зрения несостоятельна в корне, теоретически неверна»[2]. «Так что претендовать сейчас на то, чтобы дать в программе выражение законченного процесса, было бы величайшей ошибкой... Мы обязаны исходить из того марксистского положения, которое всеми признается, что программа должна быть построена на научном фундаменте... Наша программа должна быть сводкой для агитации, такой же сводкой, какой были все программы, какой была, например, Эрфуртская программа... В нашей программе каждый параграф есть то, что должен знать, усвоить и понимать всякий трудящийся... Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически... Потрудитесь научно доказать, что у вас есть экономическая база и что вы строите не на песке. Если вы не можете сделать этого, не беритесь за составление программы... Тов. Пятаков с видимым превосходством говорит: «Вы были отсталы в 1917 году и вы подвинулись теперь». Мы подвинулись тогда, когда вставили в про-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 153, 154, 159, 164.
[2] *Ленин В. И.* Там же. С. 176.

грамму то, что стало соответствовать действительности»[1].

Как видим, при составлении Программы КПСС эти и многие другие ленинские указания были проигнорированы, как были преданы забвению его предупреждения и предвидения, изложенные в классическом труде «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», в частности: «...Коммунизм идет, должен идти и придет, но только через долгий ряд лет. Пытаться сегодня практически предвосхитить этот грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнего ребенка учить высшей математике... Что за детская наивность — выставлять собственное нетерпение в качестве теоретического аргумента!»[2].

Следовательно, Программа КПСС была не марксистско-ленинская, а оторванная от реальной жизни — левацкая, прожектерская, не только дискредитирующая коммунизм, но и разрушающая построенный социализм. Такая программа не могла быть стратегией и тактикой партии в новом историческом развитии. Так как: «Без программы партия невозможна, как сколько-нибудь цельный политический организм, способный всегда выдерживать линию при всех и всяких поворотах событий. Без тактической линии, основанной на оценке переживаемого политического момента и дающей точные ответы на «проклятые вопросы» современности, возможен кружок теоретиков, но не действующая политическая величина. Без оценки «активных», злободневных или «модных» идейно-политических течений программа и тактика способны выродиться в мертвые «пункты», проведение которых в жизнь, применение к тысячам детальных, конкретных и конкретнейших вопросов практики немыслимо с пониманием сути дела, с пониманием того, «что к чему»[3].

Неверный по своей сути и букве важнейший теоретический и политический документ ярко демонстрировал неумение тогдашних руководителей партии правильно применить марксистско-ленинскую теорию к действитель-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 177—181.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 33, 51.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 357.

ности, создав формулы, которые были насквозь фальшивы. А во сколько раз еще усилили эту фальшивость и лицемерие слишком усердные исполнители? КПСС в то время как бы забыла и следующее ленинское фундаментальное положение, что «политический руководитель отвечает не только за то, как он руководит, но и за то, что делают руководимые им. Этого он иногда не знает, этого он часто не хочет, но ответственность ложится на него»[1]. В конечном счете, как мы сейчас знаем, вся эта ответственность легла на партию, которая стала жертвой своей же непродуманной, бессвязной теории и политики, приведшей к тяжелейшему кризису социалистического общества. К тому же тогда произошло не только забегание вперед, но и были неправильно определены средства, с помощью которых собирались построить коммунизм. Альфой и омегой, главными орудиями строительства социализма, как известно, прежде всего были само социалистическое государство диктатуры пролетариата и сама партия рабочего класса. Какую же роль отводила Программа КПСС им? Какая тактика должна была ими применяться, чтобы быстро построить коммунизм? Какие пути, формы и методы должны были применяться, чтобы укрепить государственную власть и повысить созидательную руководящую способность самой партии для успешного решения этой сложной задачи?

В Программе КПСС утверждалось: «В связи с ликвидацией эксплуататорских классов отмерла функция подавления их сопротивления. Обеспечив полную и окончательную победу социализма — первой фазы коммунизма — и переход общества к развернутому строительству коммунизма, диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР. Государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа»[2].

Очень и очень ответственный вывод, потому что вопрос о государстве, как неоднократно подчеркивал Ленин,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 218.

[2] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962. С. 100—101.

«один из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных буржуазными учеными, писателями и философами... ...Ожидать в этом вопросе беспристрастия, подходить в этом вопросе к делу так, будто люди, претендующие на научность, могут здесь дать вам точку зрения чистой науки,— это величайшая ошибка... Для того, чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось... Самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[1].

Не напутали ли чего, не заблуждались ли здесь люди, называвшие себя марксистами-ленинцами «в простоте души (а может быть, и не в простоте, или, может быть, это такая простота, о которой сказано, что она — хуже воровства)»[2]. Тогда на XXII съезде партии, и в силу того, что сейчас к этому вопросу как никогда пробудился интерес и в теоретическом, и в практически-политическом отношениях. С учением Маркса, Энгельса, Ленина происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачивания их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. Сейчас эта история повторяется, идет неслыханное шельмование и искажение марксизма-ленинизма. Одна из причин, приведших к этому,— неправильный вывод, сделанный в начале 60-х годов в

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 64, 66, 67.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 80.

Программе партии о превращении государства диктатуры пролетариата в общенародное государство и направивший партию по ложному пути.

Для того, чтобы доказать это документально и показать наглядно, необходимо привести целый ряд длинных цитат из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина. Конечно, такие цитаты сделают изложение тяжеловесным и нисколько не посодействуют его популярности, но, как говорится... истина дороже.

Что такое диктатура пролетариата по Ленину? Разве он сводил ее только к подавлению, к насилию? Нет. Наоборот.

«...Не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры,— писал В. И. Ленин,— и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму,— и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанию может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата как периоде перехода от капитализма к социализму.

В течение всего этого переходного времени сопротивление перевороту будут оказывать и капиталисты, а равно их многочисленные приспешники из буржуазной интеллигенции, сопротивляющиеся сознательно, и громадная масса слишком забитых мелкобуржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе, сопротивляющихся сплошь да рядом бессознательно. Колебания в этих слоях неизбежны. Крестьянин как труженик тянет к социализму, предпочитает диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин как продавец хлеба тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад к «привычному», старому «исконному» капитализму.

Нужна диктатура пролетариата, власть одного класса, сила его организованности и дисциплинированности, его централизованная мощь, опирающаяся на все завоевания культуры, науки, техники капитализма, его пролетарская близость к психологии всякого трудящегося, его авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог *вести за собой* крестьянство и все мелкобуржуазные слои вообще. Тут фразерством о «демократии» вообще, о «единстве» или о «единстве трудовой демократии», о «равенстве» всех «людей труда» и так далее и тому подобное,— этим фразерством, на которое так склонны омещанившиеся социал-шовинисты и каутскианцы,— фразерством делу не поможешь. Фразерство только засоряет глаза, ослепляет сознание, укрепляет старую тупость, косность, рутину капитализма, парламентаризма, буржуазной демократии.

Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая *после* свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее»[1].

И далее:

«Классовой борьбой против сопротивления буржуазии, против косности, рутины, нерешительности, колебаний мелкой буржуазии должен пролетариат отстоять свою власть, укрепить свое организующее влияние, добиться «нейтрализации» тех слоев, которые боятся отойти от буржуазии и идут слишком нетвердо за пролетариатом, закрепить новую дисциплину трудящихся, товарищескую дисциплину трудящихся, их прочную связь с пролетариатом, их объединенность вокруг пролетариата, эту новую дисциплину, новую основу общественной связи, на место крепостнической дисциплины в средние века, на место дисциплины голода, дисциплины «вольно» наемного рабства при капитализме.

Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 385—387.

одного класса, именно того из угнетенных классов, который способен не только свергнуть эксплуататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией, со всем мещанским фразерством насчет свободы и равенства вообще (на деле, как давно показал Маркс, это фразерство означает «свободу и равенство» *товаровладельцев,* «свободу и равенство» *капиталиста и рабочего»)*[1].

Ленин продолжает:

«Мало того. Только тот из угнетенных классов способен своей диктатурой уничтожить классы, который обучен, объединен, воспитан, закален десятилетиями стачечной и политической борьбы с капиталом,— только тот класс, который усвоил себе всю городскую, промышленную, крупнокапиталистическую культуру, имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальше все ее завоевания, сделать их доступными всему народу, всем трудящимся,— только тот класс, который сумеет вынести все тяжести, испытания, невзгоды, великие жертвы, неизбежно возлагаемые историей на того, кто рвет с прошлым и смело пробивает себе дорогу к новому будущему,— только тот класс, в котором лучшие люди полны ненависти и презрения ко всему мещанскому и филистерскому, к этим качествам, которые так процветают в мелкой буржуазии, у мелких служащих, у «интеллигенции»,— только тот класс, который «проделал закаляющую школу труда» и умеет внушать уважение к своей трудоспособности всякому трудящемуся, всякому честному человеку»[2].

Нечасто встречается эта цитата в современной апологетической литературе. Но даже тогда, когда она все же встречается, ее приводят большей частью вразброс, зачастую для доказательства иной мысли, не только потому, что Программа партии считалась неприкасаемой, истиной в последней инстанции, но и потому, чтобы «не обострять классовую борьбу», отменив ее. Тогда как в этой цитате главное: социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла. Но сразу уничтожить клас-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 387.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 387—388.

сы нельзя. Классы остались и останутся в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата. Кажется, предельно ясно.

«Все мы должны понимать,— писал Н. И. Бухарин,— что у нас классовая борьба будет постоянно уменьшаться и уменьшаться, пока не отомрет в коммунистическом обществе... Это тоже ясно, но отсюда можно сделать такой неправильный вывод, что всякий, кто говорит о классовой борьбе или о том, что она обостряется, делает неправильные, антиленинские выводы. Это было бы архинеправильно. Так рассуждать — это значит поскользнуться на правую ногу и делать крупнейшую политическую ошибку, совершенно сойти с ленинских позиций. Почему? Да потому, что вопрос не стоит так просто»[1].

В общем и целом классовая борьба у нас будет отмирать, но это не значит, что на определенный промежуток времени она не будет обостряться. Нужно иметь достаточно чуткое ухо, достаточно острый взгляд, чтобы сказать, что на этом отрезке времени потому-то и потому-то классовая борьба не только не будет утихать, но и, наоборот, будет обостряться и что наша задача на этой определенной стадии надлежащим образом вести себя в этой обостренной классовой борьбе.

Если в обществе переходящего периода в конечном счете сгладятся противоречия, то из этого вовсе не следует, что в каждый данный момент они сглаживаются. Это может быть такой момент, когда они в силу целого ряда исторических причин будут обостряться. И вот сейчас, кажется, мы переживаем такой момент, когда у нас классовые противоречия, особенно в деревне, обостряются. Они будут обостряться до тех пор, пока мы не найдем в распоряжении нашего государства такое количество материальных благ (говоря просто, денег), которым можно поднять коллективное хозяйство из бедности. Тогда начнется другая полоса, и классовая борьба будет утихать...

Из этих рассуждений нельзя делать глубоко прямолинейных выводов, не обоснованных условиями того исторического конкретного отрезка развития общества, в котором мы живем. «Представьте себе, например, такое

---

[1] *Бухарин Н. И.* Указ. работа. С. 238—239.

положение, что где-нибудь в каком-нибудь из наших уездов или в ряде уездов кулак пошел бы против нас прямо, лобовой атакой. Мы должны были бы в этом случае выставить против него пулеметы и без особых рассуждений и сантиментов «умиротворять» его так, как делали это в 1918 году. И если кто-нибудь в такой обстановке сказал бы: позвольте, это же есть обострение классовой борьбы и пр., то мы говорили бы: ну да, совершенно верно, но надо понимать, что к чему и когда. Самое основное, золотое правило ленинской тактики заключается в том, чтобы понимать — что к чему и когда, чтобы, выражаясь образно, не плясать на похоронах и не голосить заунывных песен на свадьбе. Вот так обстоит дело.

Следовательно, вы видите, товарищи, что поскользнуться здесь страшно легко»[1].

Классики марксизма-ленинизма, как бы предвидя возможность извращения, что их ученики могут «поскользнуться», многократно возвращались к этому вопросу, считали его коренным вопросом всей политики не только в бурное революционное время, но и в самые мирные времена, считали, что только тогда, когда каждый научится самостоятельно разбираться, только тогда он сможет считать себя достаточно твердым в своих убеждениях и достаточно успешно отстаивать их перед кем угодно и когда угодно. Жизнь властно будет требовать и требует от теории неотложных ответов на вопросы практики. Марксисты хорошо понимали это. Перед Великим Октябрем, скрывшись от ищеек Временного правительства, не зная, что с ним может случиться в ближайшие дни, В. И. Ленин посылает записку Л. Б. Каменеву: «Если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная... Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали»[2].

Только в конце июля «Синяя тетрадь» попала в Разлив, где в шалаше за озером нелегально жил Ленин. Здесь поставили потом гранитный памятник. На нем высечены слова: «На месте, где в июле и августе 1917 года в шалаше из ветвей скрывался от преследователей

---

[1] *Бухарин Н. И.* Указ. работа. С. 238—239.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 444.

буржуазии вождь мирового Октября и писал свою книгу «Государство и революция»— на память об этом поставили мы шалаш из гранита. Рабочие города Ленинграда, 1927 год».

Так вот, памятник-то поставили, а многое, что содержится в этой книге забыли или сознательно не следовали ленинскому соображению «при пересмотре программы нашей партии совет Энгельса и Маркса безусловно следует принять во внимание, чтобы быть ближе к истине, чтобы восстановить марксизм, очистив его от искажений, чтобы вернее направить борьбу рабочего класса за его освобождение»[1].

Итак, *«всякое* государство *не*свободно и *не*народно. Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли это своим партийным товарищам в 70-х годах»[2].

«Мелкобуржуазные демократы, эти якобы социалисты, заменявшие классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов, представляли себе и социалистическое преобразование мечтательным образом, не в виде свержения господства эксплуататорского класса, а в виде мирного подчинения меньшинства понявшему свои задачи большинству. Это мелкобуржуазная утопия, неразрывно связанная с признанием надклассового государства, приводила на практике к предательству интересов трудящихся классов, как это и показала, например, история французских революций 1848 и 1871 годов, как это показал опыт «социалистического» участия в буржуазных министерствах в Англии, во Франции, в Италии и других странах в конце XIX и в начале XX века»[3].

Далее. «Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, *а* буржуазией *до* Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, *приемлемо.* Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр соч. Т. 33. С. 65.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 20.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 25.

марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма»[1].

Далее. «Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»[2].

Если Маркс и Энгельс с 1852 по 1891 г., в течение сорока лет учили пролетариат тому, что он должен разбить государственную машину, если Ленин с 1898 по 1924 г. учил его марксизму и установил диктатуру пролетариата, а также доказал, что только диктатура пролетариата должна привести к коммунизму, то в 1961 г., превратившись из большевиков в «полных» коммунистов, приходят к выводу о превращении диктатуры пролетариата в общенародное государство. Откуда это толкование марксистско-ленинского учения о государстве в самом извращенном смысле? Не оттуда ли, что исторически и практически в России, например, бывшего коммуниста Каутского читали больше, чем в Германии, который в вопросе о государстве изменил марксизму. Рассмотрим и это.

Возьмем первое крупное произведение Каутского против оппортунизма, его книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа». В нем он наряду с подроб-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 34.
[2] *Ленин В. И.* Там же. С. 35.

нейшим опровержением бернштейниады не только сказал, что, по Марксу, рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной, но вообще может овладеть ей и только, но и извратил мысли Маркса о роли диктатуры пролетариата.

«Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры,— писал Каутский «против» Бернштейна,— мы вполне спокойно можем предоставить будущему.

Это не полемика против Бернштейна, а, в сущности, *уступка* ему, сдача позиций оппортунизму, ибо оппортунистам пока ничего большего и не надо, как «вполне спокойно предоставить будущему» все коренные вопросы о задачах пролетарской революции»[1].

Вот где зарыта собака. Выходит, программный вывод базируется не на марксизме-ленинизме, а на оппортунизме Каутского, Бернштейна, Плеханова и др.

Для полного представления приведем еще одно фундаментальное положение: «Анархисты колют нам глаза «народным государством»; говоря это, Энгельс имеет в виду прежде всего Бакунина и его нападки на немецких социал-демократов. Энгельс признает эти нападки *постольку* правильными, поскольку «народное государство» есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и «свободное народное государство»[2].

Таким образом, «народное государство» по-марксистски, по-ленински — бессмыслица. Мы знаем на печальном опыте нашей страны, что это не только теоретическая бессмыслица, но и гнусное преступление. Предвидели ли классики марксизма-ленинизма такой поворот событий, крах такого государства? Да, предвидели.

«...Подобная политика может лишь, в конце концов, привести партию на ложный путь. На первый план выдвигают общие, абстрактные политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые сами собою становятся в порядок дня при первых же крупных событиях, при первом политическом кризисе. Что может выйти из этого, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 106.
[2] *Ленин В. И.* Там же. С. 66.

неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались...

Это забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня, это погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему — может быть, происходит из-за «честных» мотивов. Но это есть оппортунизм и остается оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других...»[1].

Далеко, очень далеко в будущее смотрели классики. Ведь так и получилось. Вспомним политическую обстановку перед принятием Программы КПСС. В течение пяти лет на XX, XXI внеочередном, на самом XXII съездах партии в основном в форме критики «культа личности» Сталина обвинялось государство диктатуры пролетариата, оно представлялось кровожадным, жестоким, бесчеловечным. А раз так, значит, надо его превратить в общенародное государство с человеческим лицом. Трудно сейчас сказать, чем руководствовались тогдашние критики, если считать их незнание марксизма-ленинизма не аргументом.

«Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах. Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление против усилившей свое сопротивление буржуазии. Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союз-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 70.

никами, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами. Отделываться от изучения конкретных форм, условий, задач этого союза посредством общих фраз «о свободе», «равенстве», «единстве трудовой демократии», т. е. посредством обрывков из идейного багажа эпохи товарного хозяйства, могут только гнилые герои гнилого «бернского» или желтого Интернационала, вроде Каутского, Мартова и К°»[1].

«Прошли те времена наивного, утопического, фантастического, механического, интеллигентского социализма, когда дело представляли так, что убедят большинство людей, нарисуют красивую картинку социалистического общества и станет большинство на точку зрения социализма. Миновали те времена, когда этими детскими побасенками забавляли себя и других. Марксизм, который признает необходимость классовой борьбы, говорит: к социализму человечество придет не иначе, как через диктатуру пролетариата. Диктатура — слово жестокое, тяжелое, кровавое, мучительное, и этаких слов на ветер не бросают. Если с этаким лозунгом выступили социалисты, то это потому, что они знают, что иначе, как в отчаянной, беспощадной борьбе, класс эксплуататоров не сдается и что он будет всякими хорошими словами прикрывать свое господство»[2]. «Диктатура означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация»[3]. «Если крестьянин увидит, что пролетариат строит свою государственную власть так, что умеет устроить порядок,— а крестьянин его требует, его хочет и в этом он прав, хотя много смутного, много реакционного и много предрассудков связано с этим крестьянским стремлением к порядку,— то крестьянин в конце концов, после ряда колебаний, пойдет за рабочим. Крестьянин «не может просто, легко, сразу выйти из старого общества к новому. Он знает, что старое общество давало ему «порядок» ценой разорения трудящихся, ценою превращения их в рабство. Он не знает,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 377.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 350.
[3] *Ленин В. И.* Там же. С. 368.

может ли пролетариат дать ему порядок. С него, забитого, темного, распыленного и спрашивать нельзя большего. Он не поверит никаким словам, никаким программам. И хорошо сделает, что не поверит словам, потому что иначе не было бы выхода из обманов. Он поверит только делу, практическому опыту. Докажите ему, что вы, объединенный пролетариат, пролетарская государственная власть, пролетарская диктатура, умеете распределить хлеб и уголь так, чтобы спасти каждый пуд хлеба и каждый пуд угля, умеете добиться того, чтобы излишек каждого пуда хлеба и каждого пуда угля не шел бы в спекулятивную продажу, не служил бы героям Сухаревки, а служил бы для справедливого распределения, для снабжения голодных рабочих, для поддержки их даже в такие моменты, как во время безработицы, когда встают заводы, фабрики. Докажите это. Вот основная задача пролетарской культуры; пролетарской организации»[1].

Все это сказано и написано было свыше семидесяти лет назад, а звучит сегодня свежо, набатно, доказывая, к чему приводят искажения, предательство принципов марксизма-ленинизма, настоящая действительность наглядно демонстрирует, к чему ведет «общенародное государство». «Советская власть именно благодаря тому, что она открыто сказала, что диктатуре пролетариата подчиняется все, что она есть новый тип государственной организации, именно этим она завоевала себе сочувствие рабочих всего мира. Эта новая организация государства рождается с величайшим трудом, потому что победить свою дезорганизаторскую, мелкобуржуазную распущенность — это самое трудное, это в миллион раз труднее, чем подавить насильника-помещика или насильника-капиталиста, но это и в миллион раз плодотворнее для создания новой организации, свободной от эксплуатации... Слово «диктатура пролетариата»— слово латинское, и всякий трудящийся человек, который его слышал, не понимал, что это такое, не понимал, как это осуществляется в жизни. Теперь это слово переведено с латинского на народные современные языки, теперь мы показали, что диктатура пролетариата есть Советская власть, та власть, когда организуются рабочие сами и

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 369.

говорят: «Наша организация выше всего; ни один нетрудящийся, ни один эксплуататор не имеют права участвовать в этой организации...»[1]. «Мы сохраняем пролетарскую диктатуру, которую уже поняли и массы крестьянства и беспартийные рабочие, которые все знают о нашей диктатуре пролетариата, и она им не страшна, она их не пугает, они в ней видят опору и твердость, т. е. то, что они могут противопоставить помещикам и капиталистам и без чего победить нельзя»[2].

Когда государство диктатуры пролетариата выиграло, одержало Великую Победу над гитлеровскими захватчиками, восстановило народное хозяйство, когда, наконец, появилась возможность отвыкнуть от привычки военно-политических методов и перейти к созидательному решению задач мирного времени, когда вырос культурный уровень рабочего класса, и свою диктатуру он мог реализовать намного лучше, чем прежде, вдруг у него отняли его историческое право и обязанность. Предвидели ли такой поворот событий классики марксизма-ленинизма? Да, предвидели. «Чтобы победить капитализм вообще, надо, во-первых, победить эксплуататоров и отстоять власть эксплуатируемых — задача свержения эксплуататоров революционными силами, во-вторых, задача созидательная — построить новые экономические отношения, показать пример того, как это делается. Эти две стороны задачи осуществления социалистического переворота связаны неразрывно и отличают нашу революцию от всех предыдущих, в которых довольно было стороны разрушительной.

Если же мы второй задачи не решим, то никакие успехи, никакие победы в деле свержения эксплуататоров, в деле военного отпора международным империалистам ничего не дадут, и возврат к старому останется неизбежным. На этот счет в смысле теоретическом не может быть двух мнений»[3]. Оправдалось это предвидение.

Диктатура пролетариата представляет собой мощь комбинированной политической и экономически-хозяйственной силы рабочего класса, что является гигантской величиной вместе с крупной промышленностью, тран-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 371.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 144.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 27—28.

спортом, строительством, т. е. со всеми базовыми отраслями экономики, накладывающими свой определяющий отпечаток на развитие страны. В то время как при капиталистическом строе задачей рабочего класса было разрушение и создание нового общества, в условиях пролетарской диктатуры такой задачей является всемерная поддержка, укрепление общества, руководство им. После Великой Победы, когда рабочий класс нашей страны, опаленный войной, понявший, что его труды в годы индустриализации были не напрасны, возмужавший, набравший трудового и ратного опыта, соскучившийся по труду, с лучшим и большим умением, чем раньше, приступил к созиданию, у него отняли диктатуру. Странно, что пролетариат в начале революции, в период социалистического строительства культурно и идеологически был ниже, он представлял диктатуру, а когда возмужал, набрался опыта, образования, культуры, ему ее не доверили.

Уже на опыте социалистического строительства этот коренной вопрос социализма был всесторонне разработан и обоснован. Вот как освещает его И. В. Сталин (Вопросы ленинизма. М., 1952, стр. 118—141).

> «Возражая против смешения диктатуры пролетариата с властью «общенародной», «общевыборной», с властью «неклассовой», Ленин говорит:
>
> «Тот класс, который взял в свои руки политическое государство, взял его, сознавая, что берет его один. Это заключено в понятии диктатуры пролетариата. Это понятие тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки политическую власть и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчет «общенародной, общевыборной, всем народом освященной» власти» (см. т. XXVI, стр. 286)...
>
> ...Таковы характерные черты диктатуры пролетариата. Отсюда три основные стороны диктатуры пролетариата.
>
> 1) Использование власти пролетариата для подавления эксплуататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.
>
> 2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза про-

летариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в социалистическое общество.

Пролетарская диктатура есть соединение всех этих трех сторон. Ни одна из этих сторон не может быть выдвинута как единственно характерный признак диктатуры пролетариата, и, наоборот, достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы диктатура пролетариата перестала быть диктатурой в обстановке капиталистического окружения.

Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала или может отпасть в период строительства. Органы подавления, армия и другие организации необходимы теперь, в момент строительства, так же, как в период гражданской войны...

...Выше я говорил о диктатуре пролетариата с точки зрения ее исторической неизбежности, с точки зрения ее классового содержания, с точки зрения ее государственной природы, наконец, с точки зрения ее разрушительных и творческих задач, выполняемых на протяжении целого исторического периода, называемого периодом переходным от капитализма к социализму.

Теперь нам надо поговорить о диктатуре пролетариата с точки зрения ее строения, с точки зрения ее «механизма», с точки зрения роли и значения

тех «приводов», «рычагов» и «направляющей силы», совокупность которых составляет «систему диктатуры пролетариата» (Ленин) и при помощи которых осуществляется повседневная работа диктатуры пролетариата.

Что это за «привода» или «рычаги» в системе диктатуры пролетариата? Что это за «направляющая сила»? Для чего они понадобились?

Рычаги или привода — это те самые массовые организации пролетариата, без помощи которых невозможно осуществление диктатуры...

...Эти организации необходимы пролетариату потому, что без них он потерпел бы неминуемое поражение в его борьбе за свержение буржуазии, в его борьбе за упрочение своей власти, в его борьбе за строительство социализма. Систематическая помощь этих организаций и направляющая сила авангарда необходимы потому, что без этих условий невозможна сколько-нибудь длительная и прочная диктатура пролетариата.

Что это за организации?

Это, во-первых, профсоюзы рабочих...

Это, во-вторых, Советы...

Это, в-третьих, кооперация...

Это, в-четвертых, союз молодежи...

Это, наконец, партия пролетариата, его авангард...

...Без партии как основной руководящей силы невозможна сколько-нибудь длительная и прочная диктатура пролетариата.

Говоря словами Ленина, «получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия тесно связана с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса» (см. т. XXV, стр. 192).

Это, конечно, нельзя понимать так, что партия может или должна заменить профсоюзы, Советы и другие массовые организации. Партия осуществляет диктатуру пролетариата. Но она осуществляет ее не непосредственно, а при помощи профсоюзов, через Советы и их разветвления. Без этих «приво-

дов» сколько-нибудь прочная диктатура была бы невозможна.

«Нельзя,— говорит Ленин,— осуществлять диктатуру без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся» (см. т. XXVI, стр. 65).

«Партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. И, не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнять государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно: через советский аппарат» (см. т. XXVI, стр. 64).

Высшим выражением руководящей роли партии в стране диктатуры пролетариата следует признать тот факт, что ни один важный политический или организационный вопрос не решается у нас нашими советскими и другими массовыми организациями без руководящих указаний партии. В этом смысле можно было бы сказать, что диктатура пролетариата есть, по существу, «диктатура» его авангарда, «диктатура» его партии как основной руководящей силы пролетариата. Вот что говорил Ленин на этот счет на II конгрессе Коминтерна:

«Теннер говорит, что он стоит за диктатуру пролетариата, но диктатура пролетариата представляется не совсем такою, какою ее представляем себе мы. Он говорит, что мы понимаем под диктатурой пролетариата в сущности диктатуру его организованного и сознательного меньшинства.

И действительно, в эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются беспрерывной эксплуатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. Политическая партия может объединить лишь меньшинство класса, так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собою. И если т. Теннер говорит, что он враг партии, но в то же время за то, чтобы меньшинство лучше всего организованных и наиболее революционных рабочих указывало путь всему пролетариату, то я говорю, что разницы между нами в действительности нет» (см. т. XXV, стр. 347).

Это, однако, не следует понимать так, что между диктатурой пролетариата и руководящей ролью партии («диктатурой» партии) можно провести знак равенства, что можно отождествить первую

со второй, что можно подменить первую второй. Вот, например, Сорин говорит, что «диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии». Это положение, как видите, отождествляет «диктатуру партии» с диктатурой пролетариата. Можно ли признать правильным это отождествление, оставаясь на почве ленинизма? Нет, нельзя. И вот почему.

Во-первых. В вышеприведенной цитате из речи Ленина на II конгрессе Коминтерна Ленин вовсе не отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата. Он говорит только о том, что «лишь сознательное меньшинство (т. е. партия.— *И. Ст.*) может руководить широкими рабочими массами и вести их за собой», что именно в этом смысле «под диктатурой пролетариата мы понимаем, в сущности, диктатуру его организованного и сознательного меньшинства».

Сказать «в сущности» еще не значит сказать — «целиком». Мы часто говорим, что национальный вопрос есть, в сущности, вопрос крестьянский. И это совершенно правильно. Но это еще не значит, что национальный вопрос покрывается крестьянским вопросом, что крестьянский вопрос равняется национальному вопросу по своему объему, что крестьянский вопрос тождественен с вопросом национальным. Не нужно доказывать, что национальный вопрос по объему шире и богаче вопроса крестьянского. То же самое нужно сказать, по аналогии с этим, о руководящей роли партии и о диктатуре пролетариата. Если партия проводит диктатуру пролетариата, и в этом смысле диктатура пролетариата является, в сущности, «диктатурой» его партии, то это еще не значит, что «диктатура партии» (руководящая роль) тождественна с диктатурой пролетариата, что первая равняется второй по своему объему. Не нужно доказывать, что диктатура пролетариата по объему шире и богаче руководящей роли партии. Партия проводит диктатуру пролетариата, но она проводит диктатуру пролетариата, а не какую-либо иную. Кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает диктатуру пролетариата «диктатурой» партии.

Во-вторых. Ни одно важное решение массовых организаций пролетариата не обходится без руководящих указаний со стороны партии. Это совершенно правильно. Но значит ли это, что диктатура пролетариата исчерпывается руководящими указаниями партии? Значит ли это, что руководящие указания партии можно отождествить, ввиду этого, с диктатурой пролетариата? Конечно, не значит. Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии, плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением. Тут мы имеем дело, как видите, с целым рядом переходов и промежуточных ступеней, составляющих далеко немаловажный момент диктатуры пролетариата. Между руководящими указаниями партии и их претворением в жизнь лежат, следовательно, воля и действия руководимых, воля и действия класса, его готовность (или нежелание) поддержать такие указания, его умение (или неумение) провести эти указания, его умение (или неумение) провести так именно, как требует этого обстановка. Едва ли нужно доказывать, что партия, взявшая на себя руководство, не может не считаться с волей, с состоянием, с уровнем сознания руководимых, не может сбрасывать со счета волю, состояние и уровень сознания своего класса. Поэтому, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает волю и действия класса указаниями партии.

В-третьих. «Диктатура пролетариата,— говорит Ленин,— есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата» (см. т. XXIV, стр. 311). В чем может выразиться эта классовая борьба? Она может выразиться в ряде вооруженных выступлений пролетариата против вылазок свергнутой буржуазии или против интервенции иностранной буржуазии. Она может выразиться в гражданской войне, если власть пролетариата еще не упрочена. Она может выразиться в широкой организаторской и строительной работе пролетариата, с привлечением к делу широких масс, после того как власть уже упрочилась.

Во всех этих случаях действующим лицом является пролетариат как класс. Не бывало, чтобы партия, одна только партия, устраивала все эти выступления исключительно своими собственными силами, без поддержки класса. Обычно она лишь руководит этими выступлениями и руководит ими постольку, поскольку имеет за собой поддержку класса. Ибо партия не может покрыть, не может заменить класс. Ибо партия, при всей ее важной, руководящей роли, все же остается частью класса. Поэтому, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает класс партией.

В-четвертых. Партия осуществляет диктатуру пролетариата. «Партия, это — непосредственно правящий авангард пролетариата, это — руководитель» (Ленин). В этом смысле партия берет власть, партия управляет страной. Но это нельзя понимать так, что партия осуществляет диктатуру пролетариата помимо государственной власти, без государственной власти, что партия правит страной помимо Советов, не через Советы. Это еще не значит, что партию можно отождествить с Советами, с государственной властью. Партия есть ядро власти. Но она не есть и не может быть отождествлена с государственной властью.

«Как правящая партия,— говорит Ленин,— мы не могли не сливать с «верхами» партийными «верхи» советские,— они у нас слиты и будут таковыми» (см. т. XXVI, стр. 208).

Это совершенно правильно. Но этим вовсе не хочет сказать Ленин, что наши советские учреждения в целом, например, наша армия, наш транспорт, наши хозяйственные учреждения и т. д., являются учреждениями нашей партии, что партия может заменить Советы и их разветвления, что партию можно отождествить с государственной властью. Ленин неоднократно говорил, что «система Советов есть диктатура пролетариата», что «Советская власть есть диктатура пролетариата» (см. т. XXIV, стр. 15 и 14), но он никогда не говорил, что партия есть государственная власть, что Советы и партия одно и то же. Партия, имеющая сотни тысяч членов, ру-

ководит Советами и их разветвлениями в центре и на местах, охватывающими десятки миллионов людей, партийных и беспартийных, но она не может и не должна заменять их собою. Вот почему говорит Ленин, что «диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков», что «вся работа партии идет через Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессий» (см. т. XXV, стр. 192 и 193), что диктатуру «приходится осуществлять... через советский аппарат» (см. т. XXVI, стр. 64). Поэтому, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает Советы, т. е. государственную власть, партией.

В-пятых. Понятие диктатуры пролетариата есть понятие государственное. Диктатура пролетариата обязательно включает в себя понятие насилия. Без насилия не бывает диктатуры, если диктатуру понимать в точном смысле этого слова. Ленин определяет диктатуру пролетариата как «власть, опирающуюся непосредственно на насилие» (см. т. XIX, стр. 315). Говорить, ввиду этого, о диктатуре партии в отношении класса пролетариев и отождествлять ее с диктатурой пролетариата,— это значит говорить о том, что партия должна быть в отношении своего класса не только руководителем, не только вождем и учителем, но и своего рода диктатором, применяющим к нему насилие, что, конечно, в корне неправильно. Поэтому, кто отождествляет «диктатуру партии» с диктатурой пролетариата, тот молчаливо исходит из того, что можно строить авторитет партии на насилии в отношении рабочего класса, что абсурдно и что совершенно несовместимо с ленинизмом. Авторитет партии поддерживается доверием рабочего класса. Доверие же рабочего класса приобретается не насилием,— оно только убивается насилием,— а правильной теорией партии, правильной политикой партии, преданностью партии рабочему классу, ее связью с массами рабочего класса, ее готовностью и ее умением убеждать массы в правильности своих лозунгов.

Что же из всего этого следует?

А из этого следует то, что:

1) Ленин употребляет слово *диктатура* партии не в точном смысле этого слова («власть, опирающаяся на насилие»), а в переносном смысле, в смысле ее безраздельного руководства;

2) кто отождествляет руководство партии с диктатурой пролетариата, тот извращает Ленина, неправильно присваивая партии функции насилия в отношении рабочего класса в целом;

3) кто присваивает партии не присущие ей функции насилия в отношении рабочего класса в целом, тот нарушает элементарные требования правильных взаимоотношений между авангардом и классом, между партией и пролетариатом.

Мы подошли, таким образом, вплотную к вопросу о взаимоотношениях между партией и классом, между партийными и беспартийными в рабочем классе.

Ленин определяет эти взаимоотношения как «взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой» (см. т. XXVI, стр. 235).

Что это значит?

Это значит, во-первых, что партия должна чутко прислушиваться к голосу масс, что она должна внимательно относиться к революционному инстинкту масс, что она должна изучать практику борьбы масс, проверяя на этом правильность своей политики, что она должна, следовательно, не только учить, но и учиться у масс.

Это значит, во-вторых, что партия должна изо дня в день завоевывать себе доверие пролетарских масс, что она должна своей политикой и своей работой ковать себе поддержку масс, что она должна не командовать, а убеждать прежде всего, облегчая массам распознать на собственном опыте правильность политики партии, что она должна, следовательно, быть руководителем, вождем, учителем своего класса.

Нарушение этих условий означает нарушение правильных взаимоотношений между авангардом и классом, подрыв «взаимодоверия», развал и классовой, и партийной дисциплины.

«Наверное,— говорит Ленин,— теперь уже всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что $2^1/_2$ года, но и $2^1/_2$ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т. е. всем, что есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои» (см. т. XXV, стр. 173).

«Диктатура пролетариата,— говорит дальше Ленин,— есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» (см. т. XXV, стр. 190).

Но как приобретается партией это доверие и поддержка класса? Как складывается необходимая для диктатуры пролетариата железная дисциплина в рабочем классе, на какой почве она вырастает?

Вот что говорил об этом Ленин:

«Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом, Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье. А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжелым опытом; их выработка облегчается лишь правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» (см. т. XXV, стр. 174).

И далее:

«Для успеха победы над капитализмом требуется правильное соотношение между руководящей, коммунистической

партией, революционным классом, пролетариатом,— и массой, т. е. всей совокупностью трудящихся и эксплуатируемых. Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие,— только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной, последней борьбе против всех сил капитализма. С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска, превращая в ничто неизбежную апатию и частью сопротивление небольшого меньшинства, испорченной капитализмом рабочей аристократии, старых тред-юнионистских и кооперативных вождей и т. п.— способен развернуть всю свою силу, которая неизмеримо больше, чем его доля в населении, в силу самого экономического устройства капиталистического общества» (см. т. XXV, стр. 315).

Из этих цитат следует, что:

1) авторитет партии и железная дисциплина в рабочем классе, необходимые для диктатуры пролетариата, строятся не на страхе или «неограниченных» правах партии, а на доверии рабочего класса к партии, на поддержке партии со стороны рабочего класса;

2) доверие рабочего класса к партии приобретается не сразу и не посредством насилия в отношении рабочего класса, а длительной работой партии в массах, правильной политикой партии, умением партии убеждать массы в правильности своей политики на собственном опыте масс, умением партии обеспечить себе поддержку рабочего класса, вести за собой массы рабочего класса;

3) без правильной политики партии, подкрепленной опытом борьбы масс, и без доверия рабочего класса не бывает и не может быть настоящего руководства партии;

4) партия и ее руководство, если она пользуется доверием класса, и если это руководство является настоящим руководством, не могут быть противопоставлены диктатуре пролетариата, ибо без руководства партии («диктатуры» партии), пользующейся доверием рабочего класса, невозможна сколько-нибудь прочная диктатура пролетариата.

Без этих условий авторитет партии и железная дисциплина в рабочем классе есть либо пустая фраза, либо чванство и авантюра.

Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству («диктатуре») партии. Нельзя, так как руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата, если иметь в виду сколько-нибудь прочную и полную диктатуру, а не такую, какой была, например, Парижская Коммуна, представлявшая диктатуру не полную и не прочную. Нельзя, так как диктатура пролетариата и руководство партии лежат, так сказать, на одной линии работы, действуют в одном направлении.

«Одна уже постановка вопроса,— говорит Ленин,— «диктатура партии или диктатура класса? Диктатура (партия) вождей или диктатура (партия) масс?» свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли... Всем известно, что массы делятся на классы... что классами руководят обычно в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии;— что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями... Договориться... до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость» (см. т. XXV, стр. 187 и 188).

Это совершенно правильно. Но это правильное положение исходит из той предпосылки, что имеются налицо правильные взаимоотношения между авангардом и рабочими массами, между партией и классом. Оно исходит из того предположения, что взаимоотношения между авангардом и классом остаются, так сказать, нормальными, остаются в пределах «взаимодоверия».

Ну, а как быть, если правильные взаимоотношения между авангардом и классом, если отношения «взаимодоверия» между партией и классом нарушены?

Как быть, если партия сама начинает так или иначе противопоставлять себя классу, нарушая основы... «взаимодоверия»?

Возможны ли вообще такие случаи?

Да, возможны.

Они возможны:

1) если партия начинает строить свой авторитет в массах не на своей работе и доверии масс, а на своих «неограниченных» правах;

2) если политика партии явно неправильна, а она не хочет пересмотреть и исправить свою ошибку;

3) если политика партии правильна в общем, но массы еще не готовы к ее усвоению, а партия не хочет или не умеет выждать для того чтобы дать массам возможность убедиться на своем собственном опыте в правильности политики партии и пытается навязать ее массам.

История нашей партии дает целый ряд таких случаев. Различные группировки и фракции в нашей партии падали и рассеивались потому, что они нарушали одно из этих трех условий, а иногда и все эти условия, взятые вместе.

Но из этого следует, что противопоставление диктатуры пролетариата «диктатуре» (руководству) партии не может быть признано правильным лишь в том случае:

1) если под диктатурой партии в отношении рабочего класса понимать не диктатуру в собственном смысле этого слова («власть, опирающаяся на насилие»), а руководство партии, исключающее насилие над рабочим классом в целом, над его большинством, как это именно и понимает Ленин;

2) если партия имеет данные быть действительным руководителем класса, т. е. если политика партии правильна, если эта политика соответствует интересам класса;

3) если класс, если большинство класса принимает эту политику, усваивает ее, убеждается, благодаря работе партии, в правильности этой политики, доверяет партии и поддерживает ее;

Нарушение этих условий неминуемо вызывает конфликт между партией и классом, раскол между ними, их противопоставление друг к другу.

Можно ли навязать классу силой руководство партии? Нет, нельзя. Во всяком случае, такое руководство не может быть сколько-нибудь длительным. Партия, если она хочет оставаться партией пролетариата, должна знать, что она является,

прежде всего и главным образом, руководителем, вождем, учителем рабочего класса...

«Воспитывая рабочую партию («Государство и революция» Ленина), марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» (см. т. XXI, стр. 386).

Можно ли считать, что партия является действительным руководителем класса, если ее политика неправильна, если ее политика приходит в столкновение с интересами класса? Конечно, нельзя. В таких случаях партия, если она хочет остаться руководителем, должна пересмотреть свою политику, должна исправить свою политику, должна признать свою ошибку и исправить ее. Можно было бы сослаться для подтверждения этого положения хотя бы на такой факт из истории нашей партии, как период отмены продразверстки, когда рабочие и крестьянские массы оказались явно недовольными нашей политикой и когда партия пошла,— открыто и честно пошла на пересмотр этой политики. Вот что говорил тогда Ленин на X съезде по вопросу об отмене продразверстки и введении новой экономической политики:

«Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямиком, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это — воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать» (см. т. XXVI, стр. 238).

Можно ли считать, что партия должна взять на себя инициативу и руководство в организации решающих выступлений масс на том лишь основании, что политика ее в общем правильна, если эта политика не встречает еще доверия и поддержки со стороны класса, ввиду, скажем, его политической отсталости, если партии не удалось еще убедить класс в правильности своей политики, ввиду того, скажем, что события еще не назрели? Нет, нельзя.

В таких случаях партия, если она хочет быть действительным руководителем, должна уметь выждать, должна убеждать массы в правильности своей политики, должна помочь массам убедиться на своем опыте в правильности этой политики.

«Если нет у революционной партии,— говорил Ленин,— большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть речи о восстании» (см. т. XXI, стр. 282).

«Без перемены взглядов большинства рабочего класса революция невозможна, а эта перемена создается политическим опытом масс» (см. т. XXV, стр. 221).

«Пролетарский авангард идейно завоеван. Это главное. Без этого нельзя сделать и первого шага к победе. Но от этого еще довольно далеко до победы. С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт масс» (см. т. XXV, стр. 228).

Известно, что наша партия так именно и поступала за период от Апрельских тезисов Ленина до Октябрьского восстания 1917 года. И именно потому, что она действовала по этим указаниям Ленина, она выиграла восстание.

Таковы в основном условия правильных взаимоотношений между авангардом и классом.

Что значит руководить, если политика партии правильна, а правильные отношения между авангардом и классом не нарушаются?

Руководить при таких условиях — значит уметь убеждать массы в правильности политики партии, выдвигать и проводить такие лозунги, которые подводят массы к позициям партии и облегчают им распознать на своем собственном опыте правильность политики партии, поднимать массы до уровня сознания партии и обеспечивать, таким образом, поддержку масс, их готовность к решительной борьбе.

Поэтому метод убеждения является основным методом руководства партии рабочим классом.

«Если бы мы,— говорил Ленин,— сейчас в России, после $2^1/_2$ лет невиданных побед над буржуазией России и Антанты, поставили для профсоюзов условием вступления «признание диктатуры», мы бы сделали глупость, испортили бы свое влияние на массы, помогли меньшевикам. Ибо вся задача коммунистов — уметь убедить отсталых, уметь работать среди них, а не отгораживаться от них выдуманными ребячески-«левыми» лозунгами» (см. т. XXV, стр. 197).

Это, конечно, не следует понимать так, что партия должна убедить всех рабочих, до последнего человека, что только после этого можно приступить к действиям, что только после этого можно открыть действия. Нисколько! Это означает лишь то, что раньше, чем пойти на решающие политические действия, партия должна обеспечить себе, путем длительной революционной работы, поддержку большинства рабочих масс, по крайней мере благоприятный нейтралитет большинства класса. В противном случае ленинское положение о том, что завоевание большинства рабочего класса на сторону партии является необходимым условием победоносной революции,— было бы лишено всякого смысла.

Ну, а как быть с меньшинством, если оно не хочет, если оно не согласно добровольно подчиниться воле большинства? Может ли партия, должна ли партия, имея за собой доверие большинства, принудить меньшинство к подчинению воле большинства? Да, может и должна. Руководство обеспечивается методом убеждения масс, как основным методом воздействия партии на массы. Но это не исключает, а предполагает принуждение, если это принуждение имеет своей базой доверие и поддержку партии со стороны большинства рабочего класса, оно применяется к меньшинству после того, как сумели убедить большинство.

Следовало бы вспомнить споры в партии на этот счет, имевшие место в период профсоюзной дискуссии. В чем состояла тогда ошибка оппозиции, ошибка Цектрана? Не в том ли, что оппозиция считала тогда возможным принуждение? Нет, не в этом. Ошибка оппозиции состояла тогда в том, что

она, не будучи в состоянии убедить большинство в правильности своей позиции, потеряв доверие большинства, стала тем не менее применять принуждение, стала настаивать на «перетряхивании» людей, облеченных доверием большинства.

Вот что говорил тогда Ленин на X съезде партии в своей речи о профессиональных союзах:

> «Для того, чтобы установить взаимоотношение, взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой, надо было, если Цектран сделал ошибку... надо было ее исправлять. Но когда эту ошибку начинают защищать, то это делается источником политической опасности. Если бы максимально возможного в смысле демократии не сделали из тех настроений, которые здесь выражает Кутузов, мы бы пришли к политическому краху. Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить. Мы не сумели убедить широкие массы и нарушили правильное соотношение авангарда с массами» (см. т. XXVI, стр. 235).

То же самое писал Ленин в своей брошюре «О профсоюзах»:

> «Мы тогда правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения» (см. т. XXV, стр. 74).

И это было совершенно правильно. Ибо без этих условий невозможно никакое руководство. Ибо только таким образом можно обеспечить единство действий в партии, если речь идет о партии, единство действий класса, если речь идет о классе в целом. Без этого — раскол, разброд, разложение в рядах рабочего класса.

Таковы в общем основы правильного руководства партии рабочим классом.

Всякое иное понимание руководства есть синдикализм, анархизм, бюрократизм, все, что угодно,— только не большевизм, только не ленинизм.

Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству («диктатуре») партии, если имеются налицо правильные взаимоотношения между партией и рабочим классом, между авангардом и рабочими массами. Но из этого следует, что тем более нельзя отождествлять партию с рабочим

классом, руководство («диктатуру») партии с диктатурой рабочего класса. На том основании, что «диктатуру» партии нельзя противопоставлять диктатуре пролетариата, Сорин пришел к тому неправильному выводу, что «диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии».

Но Ленин говорил не только о недопустимости такого противопоставления. Он говорит вместе с тем о недопустимости противопоставления «диктатуры масс диктатуре вождей». Не угодно ли на этом основании отождествить диктатуру вождей с диктатурой пролетариата? Идя по этому пути, мы должны были бы сказать, что «диктатура пролетариата есть диктатура наших вождей». А ведь к этой именно глупости и ведет, собственно говоря, политика отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата...

Как обстоит дело на этот счет у Зиновьева?

Зиновьев стоит, в сущности, на той же точке зрения отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата, что и Сорин, с той, однако, разницей, что Сорин выражается прямее и яснее, а Зиновьев «вертится». Достаточно взять хотя бы следующее место из книги Зиновьева «Ленинизм», чтобы убедиться в этом:

«Что такое,— говорит Зиновьев,— существующий в Союзе ССР строй с точки зрения его классового содержания? Это — диктатура пролетариата. Какова непосредственная пружина власти в СССР? Кто осуществляет власть рабочего класса? Коммунистическая партия! В этом смысле у нас диктатура партии. Какова юридическая форма власти в СССР? Каков новый тип государственного строя, созданный Октябрьской революцией? Это — советская система. Одно нисколько не противоречит другому».

Что одно другому не противоречит, это, конечно, правильно, если под диктатурой партии в отношении рабочего класса в целом понимать руководство партии. Но как можно ставить на этом основании знак равенства между диктатурой пролетариата и «диктатурой» партии, между советской системой и «диктатурой» партии? Ленин отождествлял систему Советов с диктатурой пролетариата, и он был прав, ибо Советы, наши Советы, являются организацией сплочения трудящихся масс вокруг пролета-

риата при руководстве партии. Но когда, где, в каком своем труде ставил знак равенства Ленин между «диктатурой» партии и диктатурой пролетариата, между «диктатурой» партии и системой Советов, как это делает теперь Зиновьев? Диктатуре пролетариата не противоречит не только руководство («диктатура») партии, но и руководство («диктатура») вождей. Не угодно ли на этом основании провозгласить, что наша страна является страной диктатуры пролетариата, то есть страной диктатуры партии, то есть страной диктатуры вождей? А ведь к этой именно глупости и ведет «принцип» отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата, вкрадчиво и несмело проводимый Зиновьевым.

В многочисленных трудах Ленина мне удалось отметить лишь пять случаев, где Ленин затрагивает мельком вопрос о диктатуре партии.

Первый случай — это полемика с эсерами и меньшевиками, где он говорит:

«Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают, как вы слышали, единый социалистический фронт, мы говорим: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата» (см. т. XXIV, стр. 423).

Второй случай — это «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», где он говорит:

«Крестьян пугают (особенно меньшевики и эсеры, все, даже «левые» из них) пугалом «диктатуры одной партии», партии большевиков-коммунистов. На примере Колчака крестьяне научились не бояться пугала.

Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса» (см. т. XXIV, стр. 436).

Третий случай — это речь Ленина на II конгрессе Коминтерна в полемике с Теннером. Эту речь я процитировал выше.

Четвертый случай — это несколько строчек в брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Соответствующие цитаты уже приведены выше.

И пятый случай — это набросок схемы о диктатуре пролетариата, опубликованный в III Ленинском сборнике, где имеется подзаголовок под названием «Диктатура одной партии» (Ленинский сборник III, стр. 497).

Следует отметить, что в двух случаях из пяти, в последнем и во втором случаях, слова «диктатура одной партии» Ленин берет в кавычки, ясно подчеркивая неточный, переносный смысл этой формулы.

Следует также отметить, что во всех этих случаях под «диктатурой партии» Ленин понимал диктатуру («железная власть») над «помещиками и капиталистами», а не над рабочим классом, вопреки клеветническим измышлениям Каутского и компании.

Характерно, что ни в одном из своих трудов, основных и второстепенных, где Ленин трактует или просто упоминает о диктатуре пролетариата и о роли партии в системе диктатуры пролетариата, нет и намека на то, что «диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии». Наоборот, каждая страница, каждая строчка этих трудов вопиет против такой формулы (см. «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и т. д.).

Еще более характерно, что в тезисах II конгресса Коминтерна о роли политической партии, выработанных под непосредственным руководством Ленина, на которые Ленин неоднократно ссылался в своих речах, как на образец правильной формулировки роли и задач партии,— мы не находим ни одного, буквально ни одного слова о диктатуре партии.

О чем все это говорит?

О том, что:

а) Ленин не считал формулу «диктатура партии» безупречной, точной, ввиду чего она употребляется в трудах Ленина крайне редко и берется иногда в кавычки;

б) в тех немногих случаях, когда Ленин был вынужден, в полемике с противниками, говорить о диктатуре партии, он говорил обычно о «диктатуре

одной партии», т. е. о том, что партия наша стоит у власти одна, что она не делит власть с другими партиями, причем он всегда разъяснял, что под диктатурой партии в отношении рабочего класса нужно понимать руководство партии, ее руководящую роль;

в) во всех трех случаях, когда Ленин находил нужным определить научно роль партии в системе диктатуры пролетариата, он говорил исключительно о руководящей роли партии (а таких случаев — тысячи) в отношении рабочего класса;

г) именно поэтому Ленин не «догадался» включить в основную резолюцию о роли партии — я имею в виду резолюцию II конгресса Коминтерна — формулу «диктатура партии»;

д) не правы с точки зрения ленинизма и политически близоруки те товарищи, которые отождествляют или пытаются отождествить «диктатуру» партии, а значит, и «диктатуру вождей», с диктатурой пролетариата, ибо они нарушают этим условия правильного взаимоотношения между авангардом и классом.

...Формула «диктатура партии», взятая без указанных выше оговорок, может создать целый ряд опасностей и политических минусов в нашей практической работе. Этой формулой, взятой без оговорок, как бы подсказывают:

а) беспартийным массам: не смейте противоречить, не смейте рассуждать, ибо партия все может, ибо у нас диктатура партии;

б) партийным кадрам: действуйте посмелее, нажимайте покрепче, можно и не прислушиваться к голосу беспартийных масс,— у нас диктатура партии;

в) партийным верхам: можно позволить себе роскошь некоторого самодовольства, пожалуй, можно даже зазнаться, ибо у нас диктатура партии, а «значит», и диктатура вождей.

Об этих опасностях уместно напомнить именно теперь, в период подъема политической активности масс, когда готовность партии внимательно прислушиваться к голосу масс представляет для нас особую ценность, когда чуткость к запросам масс яв-

ляется основной заповедью нашей партии, когда от партии требуется особая осмотрительность и особая гибкость в политике, когда опасность зазнаться является одной из самых серьезных опасностей, стоящих перед партией в деле правильного руководства массами.

Нельзя не вспомнить золотых слов Ленина, сказанных им на XI съезде партии:

«В народной массе мы (коммунисты.— *И. Ст.)* все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится» (см. т. XXVII, стр. 256»[1].

И сегодня можно сказать, что в 1991 году такая «машина» развалилась. Не в последнюю очередь из-за того, что пренебрегли вышеизложенным историческим опытом партии (отправив его в запасники архивов и библиотек), исказив, отбросив напрочь марксистско-ленинское учение о государстве рабочего класса, о правильных взаимоотношениях государства и партии в социалистическом обществе, осознанно или нет другими теориями, обернутыми марксистско-ленинскими словами, на деле ничего не имеющими общего с действительным марксизмом-ленинизмом. Эти уроки, этот исторический опыт были забыты. «В популярных комментариях — им же несть числа — об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время,— вроде того, как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом»[2]. Эту забывчивость, это умолчание можно было бы сравнить с тем, как 36 лет спустя, после его составления и отправки, было опубликовано известное письмо Энгельса к Бебелю[3]. И допущенные ошибки не удивительны, особенно когда этот исторический опыт клался под спуд, а вся жизненная обстановка надолго «отучала» от правды.

Такой подход, такая подмена получилась в 1961 г. в

---

[1] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 118—141.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 43.
[3] *Ленин В. И.* Там же. С. 64, 67.

следующем выводе главного политического документа партии: «В результате победы социализма в СССР,— подчеркивалось в Программе КПСС,— укрепления единства советского общества Коммунистическая партия рабочего класса превратилась в авангард советского народа, стала партией всего народа, расширила свое направляющее влияние на все стороны общественной жизни». Отвечал ли такой кардинально важный вывод марксистско-ленинским представлениям о партии нового типа, о партии, которая впервые в мировой истории строила коммунистическое общество? Отвечал ли такой принципиально важный вывод действительному положению вещей, были ли в советской истории примеры партий, имевшие своей социальной базой весь народ?

Начнем с фактов. Хорошо известно, что советское общество после победы Великого Октября сразу не стало экономически, социально-политически и идейно однородным. Существовала многоукладность экономики, сохранились классовые антагонизмы, оставалась почва для возрождения капитализма. Из пяти экономических укладов, существовавших тогда, наиболее значительными были три: «капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм» и соответствующие им общественные силы — «буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат»[1]. Эти силы по-разному, исходя из своего объективно-экономического положения, своим классовым интересам относились к завоеваниям революции, к строительству социализма. И всякая попытка в переходный период от капитализма к социализму, в период «борьбы между умирающим капитализмом и нарождающимся коммунизмом», или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и развивающимся, но совсем еще слабым коммунизмом [2], при наличии групп населения с различной экономической основой, с различными классовыми интересами, политическими устремлениями и мировоззрением, в условиях острой классовой борьбы по принципу «кто кого» создать такую партию, которая имела бы своей социальной базой роста весь народ, обречены на провал. Об этом свидетельствует история так называемой партии

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 272.
[2] *Ленин В. И.* Там же. С. 271.

«Революционного коммунизма», которая выделилась в сентябре 1918 г. из партии левых эсеров и намеревалась использовать в качестве опоры и социальной базы «единый класс трудящихся независимо от того, трудящиеся они города или деревни...»[1]. Судьба этой партии сложилась таким образом, что она, просуществовав около двух лет в состоянии непрерывного кризиса и постоянных раздоров, распалась. Одна ее часть, стремившаяся в той или иной степени понять и защищать интересы пролетариата, неизбежно склонялась к большевикам и в 1920 г. была принята в РКП(б). Другая же часть все больше отходила к терпящим банкротство мелкобуржуазным партиям. Такой исход партии «Революционного коммунизма» не был случаен, был закономерен. Единого народа или единого класса «трудящихся», который она пыталась использовать в качестве своей социальной базы и опоры и от имени которого она стремилась выступать, тогда не было и быть не могло, ибо мелкобуржуазными иллюзиями является мнение, что «народ есть нечто единое и что народная воля может быть выражена в чем-либо ином, вне классовой борьбы»[2].

Следовательно, в нашей истории отрицательный опыт, а такой опыт зачастую был более поучителен, рельефен, чем положительный, имелся. Так обстояло дело фактически. А именно: партия, стремившаяся в своей социальной базе иметь весь народ, бесславно погибла, перестала существовать. Но как выглядел и выглядит этот вопрос теоретически, с точки зрения марксистско-ленинского учения о партии, партии нового типа, действительно ленинской партии не на словах, а на деле? Базировался ли программный вывод о превращении КПСС из авангарда рабочего класса в авангард советского народа, партии рабочего класса в партию всего народа в действительности? Был ли он теоретически и научно обоснованным?

Ретроспективный взгляд на эту важнейшую проблему показывает, что процесс образования партий, как правило, связан с обострением классовой борьбы, в ходе которой социальные противоречия растут, обнажаются и отчеканиваются с особой силой, и осознание этих про-

---

[1] *Юдин И. Н.* Социальная база роста КПСС. М., 1973. С. 92.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч Т. 37. С. 214.

тиворечий выливается в идейно-политическую позицию, становящуюся платформой для возникновения и деятельности политических партий. Так, объясняя причины и предпосылки возникновения I Интернационала, К. Маркс писал, что эта организация «не искусственное порождение какой-нибудь секты или теории, а результат «роста пролетарского движения»[1]. На Западе, отмечал В. И. Ленин, «*только* класс наемных рабочих сумел, как класс, создать социалистические партии»[2].

В России в конце XIX в. политических партий почти не существовало, и только с переходом к империализму, когда мощный водоворот экономической, политической, идеологической борьбы захватил все классы, слои и прослойки, рельефно начала проявляться важнейшая закономерность образования политических партий. В. И. Ленин в 1902 г. в статье «Революционный авантюризм» писал, что именно сейчас «закладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны. Революционное движение продолжает расти с поразительной быстротой,— и «наши направления» дозревают (и отцветают) необычайно быстро. Направления, имеющие солидные основания в классовом строе такой быстро развивающейся капиталистической страны, как Россия, находят почти сразу «свою полочку» и нащупывают родственные им классы»[3]. Таким солидным основанием стал пролетариат, который по своему объективно-экономическому положению мог противостоять буржуазии, другим эксплуататорам. Его коренной интерес заключается в том, чтобы освободиться от эксплуатации и социального гнета. ««Классовый интерес»,— писал Ленин,— заставляет пролетариев объединяться, бороться с капиталистами, думать над условиями своего освобождения. «Классовый интерес» делает их восприимчивыми к социализму»[4].

Этим классовым интересом и обусловливается то, что именно рабочий класс становится социальной базой партии, борющейся за ликвидацию капитализма, построе-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. Т. 16. С. 336.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 322.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 377.
[4] *Ленин В. И.* Там же. С. 362.

ние нового общественного строя. В лице партии рабочий класс находит своего руководителя, политического вождя. Пролетариат становится силой с того момента,— писал Ф. Энгельс,— когда он образует самостоятельную рабочую партию»[1]. Политика и вся деятельность коммунистической партии, основанные на научном фундаменте марксизма-ленинизма позволяют поднять борьбу пролетариата с буржуазией на уровень сознательных, целенаправленных и организованных действий. В свою очередь, сила и боеспособность самой партии в определяющей мере зависит от тесной связи с пролетариатом, с этой громадной массой «класса, образующего, выделяющего, питающего партию»[2].

Но не сразу и стихийно весь класс, каждый пролетарий становятся сознательными участниками революционного движения. Кроме основного ядра пролетариата — потомственных кадровых рабочих, являющихся основной опорой коммунистов, имеются слои и группы рабочих, находящихся под влиянием буржуазии и ее идеологии. «Никогда не бывало и никогда не может быть такой классовой борьбы,— писал В. И. Ленин в сентябре 1919 г. в журнале «Коммунистический Интернационал»,— когда бы *часть* передового класса не оставалась на стороне реакции»[3]. Эта часть рабочих не может и не должна быть социальной базой, опорой, основой коммунистической партии. Эта часть рабочих «питает», как правило, буржуазные, мелкобуржуазные, соглашательские, оппортунистические партии и течения. На примере партии II Интернационала Ленин в свое время показал, какую социальную базу имеют партии подобного рода: «Этот слой обуржуазившихся рабочих или «рабочей аристократии», вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II Интернационала, а в наши дни главная *социальная* (не военная) *опора буржуазии*»[4].

Поэтому Ленин считал недопустимыми и крайне опасными попытки «демагогического заигрывания с неразвитостью рабочих... стремление *опуститься* до уровня

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. Т. 16. С. 69.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 34.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 189.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 308.

понимания низших слоев»[1], «отражать среднее состояние массы»[2] В противовес всему этому марксистско-ленинское понимание отношения между партией и рабочим классом означает выполнение коммунистической партией роли не формального, а действительного авангарда класса, который поднимает весь рабочий класс до уровня его коммунистического авангарда. Партия путем марксистско-ленинского воспитания и убеждения рабочих на их собственном политическом опыте завоевывает новые отряды пролетариата, добивается того, чтобы подавляющее большинство класса перешло на сторону революции, поддерживало и разделяло революционную программу и тактику партии. Тем самым она закрепляет и расширяет свою классовую опору и социальную базу роста своих рядов. Еще созданный Марксом и Энгельсом Союз коммунистов был «хотя небольшой, но истинно пролетарской партией»[3]. И «Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса» Ленин характеризовал как зачаток «революционной партии, которая опирается на рабочее движение»[4], писал, что в лице пролетариата российская социал-демократия «имеет вполне определенный и строго классовый базис» [5].

Однако как плодотворно этот классовый базис мог «питать» партию большевиков, воздействовать на ее развитие и всю жизнеспособность определялось не только проявлением общих черт и закономерностей развития пролетариата и его движения, но и особенностями этого процесса в России. Одна из таких особенностей — интенсивность формирования российского пролетариата, его высокая концентрация. Обусловливалось это быстрым развитием в конце XIX и начале XX века в России капиталистических отношений и вступлением ее в стадию империализма. Удвоение к 1913 г. численности промышленного пролетариата в стране позволило В. И. Ленину сделать важный вывод: «...ведь вся главная сила движения — в организованности рабочих на *крупных* заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 315—316.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 94.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 365.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 460.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 80.

преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть рабочего класса»[1].

Эта преобладающая часть рабочего класса, получая в совместном труде на крупных предприятиях в коллективной борьбе против эксплуатации и политического произвола революционный опыт, организационную закалку и убежденность в правоте и необходимости борьбы против капитала, глубоко понимала сущность ближайших задач и конечных целей партии большевиков и представляла собой костяк ее социальной базы, была ее основной опорой.

Вместе с тем формирование и упрочение социальной базы партии большевиков определялось не только и не столько количественным ростом рабочего класса, но и его качественным состоянием. Имея в виду способность рабочих бороться за социализм, Маркс указывал, что численность пролетариата — это только один из элементов успеха и она «только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание»[2]. Исторической особенностью рабочего класса России было то, что в его среде не образовался большой слой рабочей аристократии. Российская буржуазия после серьезных уроков классовых столкновений, особенно после революции 1905—1907 гг., предпринимала попытки ее создания, о чем свидетельствует ленинское наблюдение: «Кадеты начинают применять в России «английский» способ борьбы буржуазии с пролетариатом, борьбы не насилием, а подкупом, лестью, разъединением, задабриванием «умеренных», проведением их в министры, в депутаты, в выборщики и т. п.»[3]. И все же здесь буржуазии не удалось в такой степени внедрить метод «обуржуазивания» части рабочих, как в Англии, США, Франции и других странах.

Гораздо сложнее здесь обстояло дело с другой питательной почвой — мелкобуржуазной, так называемый процесс «раскрестьянивания». Массовое вливание в пролетариат крестьян приносило с собой частнособственническую мелкобуржуазную идеологию, она развращала пролетариат. Усвоить же пролетарскую психологию нуж-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 250.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. Т. 16. С. 10.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 265.

но время, так как «невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта»[1]. Поэтому революционная борьба для выходцев из мелкобуржуазной среды рабочих была серьезной школой воспитания. Втягиваясь в нее, они получали пролетарскую закалку, повышали революционную активность. Пример в этом им показывало крепкое ядро кадровых рабочих, тесно связанных с партией большевиков. «У рабочих,— говорил Ленин,— есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами»[2].

Вместе с тем было бы неправомерно в условиях капитализма, а также в переходный период от капитализма к социализму в социальную базу партии включать всю массу союзников пролетариата (мелкую буржуазию, крестьянство, интеллигенцию и т. д.), потому что этот союз на первых этапах борьбы представляет собой «союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными»... Союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами»[3]. В силу этого крестьяне, например, чаще всего выступают социальной базой не рабочих, а иных по социальной сущности партий. Так, «крестьянство» на Западе как класс «создает не социалистические, а буржуазные партии»[4], что касается крестьянства России, то оно «является основой широкого разнообразия политических течений в мелкобуржуазной демократии... эти течения больше всего связаны с партиями меньшевиков и эсеров»[5].

Интеллигенция, будучи разделенной между общественными классами, оказывается разделенной между политическими партиями, течениями, движениями. Одна ее часть, вышедшая из помещичье-буржуазной среды, полностью зависит от этой среды, находится в рамках социальной базы партий эксплуататорских классов. Часть интеллигенции вместе с мелкими буржуа, колеблясь

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 163.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 377.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 322.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 210.

между пролетариатом и буржуазией, входит в социальную базу мелкобуржуазных партий и т. д.

Всякая переоценка роли крестьянства и остальных пролетарских слоев трудящихся в развитии партии рабочего класса в условиях классовой борьбы, неразборчивое вовлечение их представителей в партийные ряды опасны тем, что угрожают правильному осуществлению твердой классовой линии, программных, тактических и организационных принципов партии. Вместе с тем вредна и недооценка того, что передовые представители непролетарских масс при условии перехода их на позиции рабочего класса способны оказывать положительное воздействие на развитие коммунистической партии. К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии» обратили внимание и на возможность того, что в условиях разложения старого общества не только передовая часть трудовой интеллигенции, но и небольшая часть господствующего класса «отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее»[1]. Имея в виду этот процесс, Ленин еще в 1902 г. отмечал, что социал-демократия «стоит во главе *только рабочего* *к л а с с а,* только *рабочего движения,* и если к этому классу примыкают другие элементы, то это именно элементы, а не классы. И примыкают они вполне и всецело *только* тогда, когда они «покидают свою собственную точку зрения»[2].

Таким образом, рост и формирование социально-классовой направленности состава партии происходит не стихийно, самотеком, а подчинены определенным закономерностям. Это, с одной стороны, объективно обусловленный, а с другой — сознательно организованный регулируемый процесс. Чтобы правильно руководить движением, партия должна вбирать в свои ряды прежде всего лучшие, наиболее сознательные элементы прежде всего рабочего класса, а также других классов и социальных слоев. «Понятие членства в партии,— требовал Ленин,— должно быть совершенно точно определено»[3]. Вокруг решения этих вопросов с самого начала создания партии разгорелась серьезная борьба. «Экономисты», меньшеви-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. Т. 4. С. 433.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 227, 228.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 163.

ки, троцкисты по существу смешивали революционный авангард с классом. Все они под видом заботы о массовости партии, о привлечении в ее ряды более широкого круга участников движения расширяли понятие членства, призывали шире «открыть двери» в партию. Наиболее сконцентрированно это выразилось в формулировке первого параграфа Устава партии, предложенной Мартовым II съезду РСДРП. Суть ее сводилась к тому, что членом партии имел право объявить себя каждый желающий, причем, ему не обязательно было участвовать в одной из партийных организаций и подчиняться дисциплине. Защищая на съезде свою формулировку, Мартов провозглашал, что чем «шире будет распространено название члена партии, тем лучше». Он советовал «радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант... сможет объявлять себя членом партии»[1]. Аксельрод призывал не выбрасывать «за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся тем не менее членами партии». Троцкий «беспокоился», что с принятием ленинских принципов членства в партии не все участники рабочего движения смогут быть в ее рядах. Разумеется, такое самозачисление в партию неизбежно вело к ее расплывчатости, неорганизованности, к проникновению в партийные ряды оппортунистов, буржуазных и мелкобуржуазных элементов. Поэтому Ленин говорил на IV съезде РСДРП, что партия должна быть передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который не входит и не должен весь входить в партию[2].

Сторонники Ленина не были противниками превращения пролетарской партии в массовую по своей численности, но они заботились о том, чтобы ее рост проходил на здоровой основе, а расширение партийных рядов не снижало их качества. Тщательный отбор в партию, высокая требовательность к каждому ее члену, активное участие его во всех делах партии — вот что обеспечивает качественное пополнение партийных рядов. Всем этим требованиям отвечала ленинская формулировка первого параграфа Устава, внесенная на II съезде и принятая на III съезде РСДРП и гласящая, что членом партии может

---

[1] Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 263.
[2] См. *Ленин В. И.* Полн. собр соч. Т. 7. С. 289.

быть «всякий», принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и участвующий личной работой в одной из ее организаций»[1].

После II съезда РСДРП борьба большевиков с оппортунистами по вопросу о том, какой должна быть партия рабочего класса, кто может быть ее членом, разгорелась с новой силой. Меньшевики — новоискровцы, предав окончательно забвению классовый подход к развитию и росту партии, не только смешивали авангард с классом, но и предпринимали попытки подменить пролетарскую партию некой «демократической организацией народа». Имея в виду нелепость, ошибочность такого требования, Ленин писал: «Это пустая, лживая, вредная фраза... в капиталистическом обществе даже передовой класс, пролетариат, не в состоянии создать партии, охватывающей весь класс,— а про весь народ вообще нечего и говорить»[2].

Известно, что воплощая в жизнь марксистско-ленинские идеи о партии, большевики отбили все оппортунистические попытки насадить в партии «организационную внеклассовую расплывчатость», создали пролетарскую партию нового типа, под руководством которой совершена Великая Октябрьская социалистическая революция. В ходе социалистических преобразований, в горниле гражданской войны, ликвидации эксплуататорских классов, труднейших, тяжелых порой созидательных усилий пролетариат перестает быть им в собственном смысле слова, играет ведущую, определяющую роль в экономике, политической и духовной жизни страны, не утрачивает, а наоборот, развивает и умножает свои лучшие революционные политические качества. Гигантский масштаб социалистического строительства обусловливает вместе с количественным ростом качественные изменения в нем, усиливает его классовое единство, сплоченность, сознательность, организованность, повышает образовательный и культурный уровень, ответственность за судьбы страны, партии. И все эти факторы, будучи закономерными, выражают главное направление, упрочение и совершенствование социальной базы марксистско-ленинской партии.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 1. С. 124.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 361.

Но этот процесс не простой, сложный, как сложна сама жизнь. В годы гражданской войны, не жалея сил и энергии и самой жизни для разгрома интервенции и белогвардейцев, именно пролетариат сумел скрепить, сплотить разрозненные силы, создав единую стойкую Красную Армию [1]. Но война, разруха, голод сильно подорвали и истощили силы рабочего класса, начался процесс деклассирования и распыления его, в нем появились «такие лица, которые ни малейшей серьезной школы, в смысле крупной промышленности, не прошли... которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих»[2]. Процесс этот таил в себе большую опасность для диктатуры пролетариата, отрицательно сказывался на развитии и жизнедеятельности партии, вел к ослаблению ее социальной базы. Переживаемые рабочим классом трудности первых лет, подчеркнул X съезд РКП(б), отразились на внутрипартийной жизни таким образом, что «ослабла связь между пролетарским авангардом (партией) и беспартийной массой рабочих, частью подпавших — на почве кризиса — под влияние мелкой буржуазии, и что внутри самой партии ослабла внутренняя спайка и понизилась партийная сплоченность»[3]. В связи с этими изменениями в начале 1922 г. Ленин писал: «Нет сомнения, что наша партия теперь по большинству своего состава недостаточно пролетарская... что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства...»[4].

Строительство социализма, необходимость укрепления партии, повышения ее руководящей роли требовали во что бы то ни стало приостановить процесс распыления и деклассирования рабочего класса, сплотить и умножить его ряды. Если мы спасем рабочего как первую производительную силу человечества, говорил Ленин в 1919 г., то «мы спасем страну, общество и социализм»[5]. Решить эту задачу можно было только на основе ожив-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 321.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 18.
[3] КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 209.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 19.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 359.

ления и дальнейшего развития всего народного хозяйства и, в первую очередь, его ведущей отрасли — крупной промышленности. В соответствии с идеями ленинского плана построения социализма XII съезд партии подчеркнул в своей резолюции: «Свое руководящее положение рабочий класс может, в последнем счете, сохранить и укрепить... через промышленность, которая воспроизводит самый пролетариат. Партия, профессиональные союзы молодежи, наши школы и пр. имеют своей задачей воспитание и подготовку новых поколений рабочего класса. Но вся эта работа оказалась бы построенной на песке, если бы не имела под собой растущей промышленной базы. Только развитие промышленности создает незыблемую основу пролетарской диктатуры»[1].

Преодолевая тяжелые последствия войны, разрухи, рабочий класс восстанавливал и свои ряды. Это в свою очередь сопровождалось усилением доверия рабочих к Советской власти, партии коммунистов. Будучи одной из актуальных, эта задача не могла быть решена стихийно, раз и навсегда. Доверие рабочего класса не есть величина постоянная; доверие рабочего класса, доверие масс, есть величина, которую партия постоянно должна возобновлять, которой она постоянно должна добиваться. Осуществление индустриализации подтвердило пророческие ленинские слова, что «основной и существеннейший интерес пролетариата — воссоздание крупной промышленности и прочной экономической базы в ней, тогда он свою диктатуру упрочит, тогда он свою диктатуру наверняка, вопреки всем политическим и военным трудностям, доведет до конца»[2].

Вместе с тем партия не забывала и то, что у рабочего класса «сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи»[3], что рабочие от буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков «избавляются не сразу, не чудом»[4]. Поэтому исключительно важна была работа по обучению, воспитанию, идейной закалке рабочих. В то же время рабо-

---

[1] КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 410.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 309.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 449.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 101.

чий класс, понимая всю историческую миссию, глубоко сознает необходимость повышения грамотности всего народа, развития образования и культуры и нигде этот класс «не готов приносить и не приносит таких жертв для улучшения своего положения в этом отношении, как у нас»[1]. Рабочий класс выступал инициатором многих начинаний, связанных с осуществлением культурной революции, ликвидацией неграмотности, принял активное участие в коллективизации сельского хозяйства. История строительства социализма в нашей стране доказала, что руководящая роль рабочего класса в обществе надлежащим образом может быть обеспечена лишь при условии решительной борьбы партии как с правым, так и с левым оппортунизмом. Советские рабочие, отбрасывая прочь притязания оппортунистов (Богданов, Мясников, Зиновьев, Троцкий и др.) на руководство рабочим классом, еще теснее сплачивали свои ряды вокруг своей ленинской партии. И постоянная забота партии об укреплении своей социальной базы, роста за счет рабочего класса, проведенная в годы строительства социализма повышали ее боеспособность, улучшали качество ее состава. «Все дело в том,— указывал Ленин,— чтобы правящая партия, опирающаяся на здоровый и сильный передовой класс, умела производить чистку своих рядов»[2], от враждебных, колеблющихся и примазавшихся, разложившихся карьеристских элементов.

Что касается крестьянства и остальных трудящихся, то, касаясь вопроса о приобщении непролетарских масс к социализму и отношении их к рабочему классу и его партии, Ленин писал, что эти массы не могут «*наперед решить*... что они идут за таким-то классом или за такой-то партией». Для решения этих политических вопросов, продолжал он, «гигантское значение имеет *опыт* непролетарских трудящихся масс (крестьян в первую голову), опыт сравнения, сопоставления ими власти пролетариата с властью буржуазии»[3]. Это ленинское указание имеет принципиальное значение и при определении основных тенденций и закономерностей развития и расширения социальной базы роста партии за счет непролетар-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 365.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 27.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 15, 16.

ских масс трудящихся. Ведь, выступая на стороне рабочего класса, поддерживая его борьбу, крестьяне, мелкие собственники на первых порах в подавляющей своей массе преследовали отнюдь не социалистические цели. В апреле 1918 г. на заседании ВЦИК Ленин говорил, что мелкий собственник идет на борьбу с эксплуататорами, «но не как социалист, чтобы, сломив сопротивление буржуазии, начать строительство социалистического хозяйства»[1]. В декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов он вновь предупреждал: «Крестьяне социалистами не являются. И строить наши социалистические планы так, как если бы они были социалистами, значит строить на песке...»[2]. Тот факт, что крестьянская трудящаяся масса на первых порах поддержала партию, а затем, восприняв как свои собственные ее программную цель, идеи, лозунги, перешла на ее сторону, обусловлен тем, что партия, будучи сознательной выразительницей воли и интересов рабочего класса, улучшала жизнь и положение всех трудящихся, подтверждает ленинский вывод о том, что массы, «просвещенные опытом открытой борьбы, идут за теми партиями, которые выражают интересы того или иного класса»[3].

Значительный слой непролетарских трудящихся масс составляют интеллигенция, служащие. К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии» обратили внимание на то, что в ходе классовой борьбы возможен переход на сторону пролетариата вместе с трудовой интеллигенцией и части «буржуа-идеологов», которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения»[4]. Здесь принципиально важен не только сам вывод о возможности перехода на позиции и точку зрения пролетариата интеллигенции из состава буржуазной ее части, но и указание о том, что этот переход может происходить в силу осознания ею всего хода общественно-исторического развития и прогресса. Понимание мотива перехода интеллигенции на сторону пролетариата имеет огромное значение для выработки путей завоевания ее на позиции социализма. Если в борьбе с капиталом в строительстве нового обще-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 255.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 146.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 276.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. Т. 4. С. 434.

ственного строя коммунисты считают своим долгом поднимать сознание крестьянина до научного понимания классовых взаимоотношений в обществе, или, говоря ленинскими словами, постоянно апеллировать к его рассудку, а не к предрассудку, то эта задача не менее актуальна, когда речь идет об интеллигенции, поскольку она располагает не меньшими возможностями научно осознать закономерности общественного развития, на опыте убедиться в справедливости идеалов рабочего класса и его борьбы за их осуществление. Курс рабочего класса и его партии по отношению к буржуазной интеллигенции предусматривал использование ее знаний, опыта в интересах нового строя, так как «строить социализм можно только из элементов крупнокапиталистической культуры, и интеллигенция есть такой элемент»[1]. Практически же отношение к ней вырабатывалось с учетом ее конкретного поведения. В тех случаях, когда интеллигенция выступала заодно с контрреволюцией, потому что «она жила буржуазной жизнью, она привыкла к известным удобствам»[2] и не желала этого терять, пролетариат не мог не вести с ней решительной борьбы. И наоборот, когда она склонялась на сторону рабочего класса или проявляла доброжелательность к нему, то лозунгом по отношению к ней «должно быть *соглашение,* установление добрососедских отношений»[3].

Принципиальная, гибкая и действительно научная ленинская тактика по отношению к буржуазным специалистам была воплощена в Программе партии, принятой VIII съездом РКП(б). В ней обосновывалось, что «партия, профсоюзы должны, с одной стороны, не давать ни малейшей политической уступки данному буржуазному слою и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное его поползновение, а с другой — также беспощадно бороться с мнимо радикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая долгой школы работы рядом с ними»[4]. Эта ленинская линия целиком оправдала себя. Формирова-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр соч. Т. 37. С. 221.
[2] Там же. С. 218.
[3] Там же. С. 219.
[4] КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 52.

ние новой интеллигенции, преданной идеям социализма, расширяло социальную базу роста партии, сказывалось на ее составе. Призывая «использовать эту интеллигенцию для социализма»[1], Ленин указывал, «что инженер придет к признанию коммунизма *не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки*, что *по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.»[2], но тут же, отмечая «несоциалистичность» интеллигенции, подчеркивал: «опираться на интеллигенцию мы не будем никогда, будем опираться только на авангард пролетариата, ведущего за собой всех пролетариев и всю деревенскую бедноту. Другой опоры у партии коммунистов быть не может»[3]. Как видим, ленинская позиция в этом вопросе предельно откровенна, принципиальна, определенна и точна.

Таким образом, краткий экскурс в историю возникновения и формирования пролетарской, ленинской партии нового типа, рассмотрение основных указаний марксистско-ленинского учения о строительстве партии рабочего класса показывает, что сделанный программный вывод о превращении партии рабочего класса в партию всего народа, противоречит им. Социализм — мировое явление. Были ли в то время коммунистические партии, которые предупреждали об этом. Были. Например, китайские коммунисты считали, что программный вывод о КПСС есть «отрицание характера партии как партии пролетариата», есть организационное и моральное разоружение пролетариата и всех трудящихся... услуга реставрации капитализма»[4]. Но это выражение партийного товарищества было воспринято тогда как открытая клевета маоистских «критиков», была отброшена с бранью, хотя брань не есть аргумент. Жизнь хитра и сложна и в свое время она все ставит на свои места. Китайские коммунисты не только тогда были правы, но и сегодня ярко демонстрируют умение творчески применить марксизм-ленинизм к сложным, специфическим условиям своей страны, успешно ведут социалистическое строительство.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 221.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 346.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 221.
[4] Письмо ЦК КПК Центральному Комитету КПСС//Правда, 1963, 14 июля.

Итак, с новой программой КПСС, с общенародным государством и общенародной партией вместо того, чтобы строить государство диктатуры пролетариата с партией рабочего класса, партией нового типа, тогдашнее хрущевское руководство двинулось строить коммунизм, обещая его народу через два десятилетия, к 1980 г. Чтобы к нему идти семимильными шагами, пятилетний план развития народного хозяйства был заменен семилетним, первый секретарь ЦК КПСС взял на себя обязанности Председателя Совета Министров СССР, министерства стали преобразовываться в совнархозы, хотя ленинское отношение к ним в свое время, на VIII съезде РКП(б), было вполне определенным: «...было бы величайшей ошибкой... если бы мы сейчас в программе выставили всемирный совнархоз. А между тем к этому уродливому слову «совнархоз» мы сами еще не сумели привыкнуть, с иностранцами же, говорят, бывают случаи, когда они ищут в справочнике, нет ли такой станции»[1].

Насколько запутывалось, допускалось произвольное толкование, непонимание сути политической системы советского общества, можно проследить, в частности, в мемуарах «непотопляемого» А. А. Громыко, где он, оценивая К. Е. Ворошилова, писал: «В течение 1953—1960 годов он был Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Свежестью, тем более новизной мысли и на этом посту он не отличался. Более того, он проявлял иногда непонятную мелочность, вызывающую удивление даже у его благожелателей.

Однажды на моих глазах состоялось его столкновение с Н. С. Хрущевым. Он заявил:

— Я не доволен тем порядком, который заведен в нашей печати. Она излагает взгляды на явления и факты необъективно, приписывая все положительное только Хрущеву. Это резкое заявление в отношении Первого секретаря ЦК КПСС, с моей точки зрения, являлось натянутым. Ворошилов явно считал, что его «затирают».

В ответ Хрущев со свойственной ему горячностью дал отповедь. И в свою очередь сделал это не в менее резкой манере. В этом «поединке», конечно, больше резона было в позиции Хрущева. Но Ворошилов так и остался при своем мнении.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 177.

Помнится и такой казус. Произошел он также в тот период, когда Ворошилов работал Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Звонит он мне и говорит:

— Я тут обратил внимание на то, что в документах, которые представляются Министерством иностранных дел и которые должны направляться в адрес глав иностранных государств, слева стоит подпись Хрущева, а справа Ворошилова. Разве это правильно? Надо бы наоборот.

Я с этим не согласился и пояснил ему:

— На документах такого рода, которые мы посылаем за рубеж за двумя подписями, на первом месте должна, конечно, стоять подпись Первого секретаря ЦК партии.

Ворошилов и здесь остался при своем мнении»[1].

И правильно сделал. К. Е. Ворошилов был в обоих случаях совершенно прав. Здесь дело далеко не в «затирании», манерности, резкости, натянутости, «столкновении и поединке», как кажется автору мемуаров, а речь идет об элементарных вещах. Это с его стороны не было мелочностью, а было партийной прямолинейностью, высокой компетентностью в вопросах партийного и государственного строительства, выражением понимания глубокой ленинской мысли о том, что «это такая мелочь, которая может получить решающее значение»[2]. Ведь так и получилось потом. Досадно, конечно, что А. А. Громыко, бывший много лет в высшем руководстве страны, являясь уже Председателем Президиума Верховного Совета СССР, кем был в свое время К. Е. Ворошилов, не разобрался, что к чему. А ведь стоило ему взять подшивку газет 30—40 годов и посмотреть, на какой стороне стояли подписи М. И. Калинина и И. В. Сталина в опубликованных совместных постановлениях, и стало бы все ясно. Кстати, здесь многое проясняет и то, что эти мемуары А. А. Громыко издавались за короткий промежуток времени дважды. В первом издании (1988 г.) этого раздела о К. Е. Ворошилове вообще нет, а во втором издании (1990 г.) появляется этот раздел и все другие дополнения, идущие уже в русле «нового мышле-

---

[1] *Громыко А. А.* Памятное/Кн. первая, изд. второе, доп. М., 1990. стр. 450—451.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.

ния» его выдвиженца М. С. Горбачева [1]. Этот момент также помогает понять некоторые штрихи и штришки в логике, образе мыслей автора мемуаров, ценность которых не в последнюю очередь в этом и состоит.

Партия развернула торопливую фронтальную работу по активному насаждению в сознание советских людей совершенно нереальной программы, где утверждалось, что капитализм — это путь народных страданий, социализм — путь народов к свободе и счастью, а коммунизм — бесклассовый общественный строй.

Партия торжественно провозглашала: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! И это непременно будет через два десятилетия. Кто откажется от такой жизни? И народ верил, трудился не покладая рук, верил и трудился потому, что партия раньше слов на ветер не бросала, свои обещания выполняла, у рабочего класса, колхозного крестьянства, трудовой интеллигенции был большой запас прочности в доверии к партии. Хотя, конечно, сомнения были, но они с ходу отметались .В политической и организационной области высшим «достижением» было разделение на промышленные и сельские обкомы партии, упразднение райкомов партии.

Особенно неоправданные эксперименты начались в области экономического строительства. Вместо технического перевооружения тяжелой промышленности — взвинчивание темпов для всемерного увеличения объемов промышленной продукции (в течение ближайших 10 лет примерно в два с половиной раза), лозунг: превзойти уровень промышленного производства США (в течение 20 лет не менее чем в шесть раз) и оставить далеко позади тогдашний объем промышленного производства США. В целях выигрыша времени, указывала Программа КПСС, в первую очередь использование природных ресурсов, доступных для быстрого освоения и дающих наибольший народнохозяйственный эффект. В сельском хозяйстве все силы были брошены на выполнение программного указания достичь объема производства животноводческой продукции: по мясу — за первое десятилетие примерно в три раза, а за двадцать лет —

---

[1] Материалы Внеочередного Пленума ЦК КПСС 11 марта 1985 г. М., Политиздат, 1985.

почти в четыре раза; по молоку — за десять лет более чем в два раза, а за двадцать лет — почти в три раза. Под хрущевским лозунгом «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация, плюс химизация всей страны» началось варварское вторжение в природу. Освоение целинных земель превратилось в «войну» в мирное время со своим народом и природой, о чем наглядно свидетельствует брошюра Л. И. Брежнева «Целина».

Фактору освоения целины отводилась решающая роль, победила иллюзия быстрой отдачи, заслонившей перспективу экономической целесообразности. Между тем, по некоторым современным оценкам, прирост производства зерна, аналогичный полученному на целине, можно было бы обеспечить за счет повышения урожайности на уже освоенных землях. Однозначный поворот к целине по существу означал отказ от интенсивных методов подъема сельского хозяйства, возвращение на прежнюю дорогу «резервного» развития экономики на основе использования все новых ресурсов — благо таковые еще имелись. Фактически это означало отказ от попыток повернуть народное хозяйство на рельсы экономического управления и интенсификации, на деле сводилось к экономическому принуждению. Тогда примитивизм в мышлении руководства страны, незнание сути дела, всяческого рода «пробные» маневры, превратившие страну в полигон для социальных экспериментов, как и всякие паллиативы, авантюрные действия, шедшие не из жизни, даже не из кабинетов, а из безграмотных записок Н. С. Хрущева, привели общество к состоянию усталости. Что касается зерна, в это время впервые в истории наша страна из вывозящей его за границу стала ввозящей. Хлеб нельзя рассматривать как простой товар. Хлеб — не хлопок, который нельзя употреблять в пищу и который нельзя продать всякому. В отличие от хлопка, хлеб есть такой товар, который берут все и без которого нельзя существовать. Хлеб есть валюта, вывоз его за рубеж был источником приобретения за границей новой техники и технологий во время индустриализации и послевоенного возрождения страны.

Был взят курс на укрупнение колхозов, преобразование их в совхозы, шло активное насаждение повсеместно кукурузы. Но особенно тяжело ударило по развитию сельского хозяйства уничтожение личного подсобного

хозяйства, резкое сокращение содержания личного скота у колхозников и крестьян, что прямо противоречило обещанию Ф. Энгельса, цитируемого В. И. Лениным, «мы... не будем против их воли, силой вмешиваться в имущественные отношения»[1]. В конце 50-х — начале 60-х гг. неокрепшую еще экономику колхозов подорвали кабальными условиями реорганизации МТС и другие пагубные для развития сельского хозяйства меры. Тогда началось тотальное «раскрестьянивание села», уход их в города, опустение деревень. И немудрено, что вместо запланированных на семилетку (1959—1965 гг.) 70 процентов реальный прирост валовой продукции составил всего 15 процентов[2].

В идеологической сфере, в области национальных отношений на деле стало предаваться забвению ленинское предупреждение: «особенно нужно быть осторожным по отношению к различным нациям, ибо нет вещи хуже, чем недоверие нации»[3]. Так, гневно осудив произведенную вынужденную в годы войны депортацию ряда наций, хрущевское руководство возвратило только некоторых из них. Немцы Поволжья, крымские татары, турки-месхетинцы продолжали жить в местах депортации. Все чаще стали ущемляться права союзных и автономных республик, повсеместно насаждался русский язык, свертывалось изучение и овладение национальными языками. Всякое мало-мальское напоминание об этом воспринималось как раздувание национальных особенностей, как тенденции к национальной ограниченности и исключительности. Вопреки гениальной истине «не путем насилия внедряется коммунизм»[4], принимая желаемое за действительное, выраженное в моральном кодексе строителя коммунизма, в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры началась примитивная назидательная работа.

Болезнь «левизны», авантюризм поразили и внешнюю политику. Здесь и вооруженное вмешательство в 1956 г. в дела Венгрии, идеологическая война с руководством Китая, стремление изрекать истину в послед-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 208.

[2] На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990. С. 252.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 161.

[4] *Ленин В. И.* Там же. С. 162.

ней инстанции в международном коммунистическом движении, многое другое. Апогеем вероломных международных отношений стал инспирированный хрущевским руководством Карибский кризис в 1962 г., когда только мудрость и выдержка американской стороны спасла мир от атомной ракетно-ядерной войны. В то же время началось непродуманное сокращение вооруженных сил, ослабление армии, уничтожение военного потенциала, созданного трудом народа.

Партия из руководящей силы все больше стала превращаться в управленческую, брать на себя не присущие ей функции. Она стала мобилизатором и погонялой народа для создания материально-технической базы коммунизма. Советские и хозяйственные органы все больше паразитировали на партии, рос бюрократизм, формализм в их деятельности. Началась кадровая чехарда в партийных организациях, в их составе начало уменьшаться число рабочих, они росли больше за счет представителей других слоев общества, все больше допускалась неразборчивость при формировании партийного аппарата, ослабевала связь партийных комитетов с первичными партийными организациями, особенно промышленных предприятий, транспорта, строек, то есть с рабочим классом. Секретарями парткомов, райкомов, обкомов, ЦК компартии союзных республик, ЦК КПСС становились люди с технократическим мышлением, которые вносили в партию командно-административный стиль руководства, добивались любыми средствами выполнения или корректировки планов, зачастую плохо экономически обоснованных, не умеющие работать с людьми, не желающие учиться у них.

Словом, началась новая полоса, когда неправильная теория, содержащаяся в новой Программе КПСС, овладевая массами, становилась не столько материальным созидательным действием, сколько пусть медленной, но разрушительной силой, «ибо прикрытая идейная путаница во сто раз больше развращает пролетариат, во сто раз больше вредит партии»[1]. Эта сила, являясь началом, как «начало содержит в себе «ничто» и «бытие», оно есть их единство: ...«начинающегося еще *нет,* оно лишь направляется к бытию...» (от *небытия к бытию:*

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 86.

«небытие, которое есть вместе с тем бытие»)[1], переходящее в становление, а «становление есть данность бытия так же, как и небытия». «...Переход есть то же, что становление»[2],— это начало помчало, было началом конца КПСС, которое могло быть и началом оздоровления партии, а значит и перехода на действительно марксистско-ленинский путь развития партии и общества, что, к сожалению, не случилось.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 93.
[2] Там же. С. 95.

РАЗЛОЖЕНИЕ

Октябрьский пленум ЦК КПСС (1964 г.), освободив Н. С. Хрущева от всех занимаемых постов, по сути дела выразил волю большинства коммунистов, которые убедились, что «отдельные личности, особенно из числа неудачных претендентов в вожди, могут (если у них не хватит пролетарской дисциплинированности и «честности с собой») надолго упереться в своих ошибках...»[1]. Появилась реальная возможность исправить допущенные серьезные ошибки, кардинально изменить политический курс, прежде всего пересмотреть Программу партии, открыто и прямо сказать партии, рабочему классу, всем трудящимся, что их занесло не туда, куда следует, встать на истинно марксистско-ленинский путь. Сделать это было не непреодолимо трудно и еще не совсем поздно. Стоило только повнимательнее и глубже вникнуть в сокровищницу марксизма-ленинизма, действительно обобщить и опереться на накопленный бесценный опыт строительства социализма, трезво взглянуть на действительность. Однако вместо этого, обвинив Н. С. Хрущева, свалив на него только одного все беды, обвинители продолжили по сути дела косметически подправленный прежний курс. Получилось так, как получилось в прошлом с более незаурядными теоретиками марксизма:

«Почему запутался так очевидно тов. Плеханов?... Потому что, неверно оценив декабрьское восстание, он составил себе в корне ошибочное представление о настоящем политическом моменте. Он попал в такое положение, которое заставляет его бояться додумать до конца свои думы, бояться взглянуть прямо в лицо действительности»[2].

Получилось даже хуже, как в свое время указывал Ленин: «Нет, вы так же бессознательно лезли все время и залезли теперь в болото, как старые «экономисты», влекомые неудержимо и безвозвратно вниз по наклонной плоскости «углубления» марксизма до антиреволюционного, бездушного и безжизненного «умничанья»[3].

Этот левоцентризм в политике, это «углубление»

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 94.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 276.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 86—87.

марксизма, это «умничанье» постепенно, но неуклонно вело и не могло не вести вправо в болото разложения и перерождения. Анализ материалов XXIII—XXVI съездов партии, многочисленных пленумов ЦК КПСС, то есть за период правления брежневского руководства, свидетельствует, что, присягая на словах в верности диалектико-материалистическому мировоззрению, партия и общество на деле оказались заложниками метафизического мышления и основанной на нем практики. Наиболее характерные особенности этого руководства — нетерпимость к противоречиям, стремление обеспечить развитие лишь за счет количественного наращивания «хороших» качеств политических сторон противоречий и отрицания «плохих», игнорируя, что «противоречие же есть *корень всякого движения и жизненности;* лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно ***движется, обладает импульсом и деятельностью***»[1].

На деле было предано забвению марксистско-ленинское учение о борьбе противоположностей как источнике всякого развития, о диалектике, которая только и возвращает человеку... самого человека. Любая человеческая деятельность, лишенная духовнонравственного измерения, ведет к деградации ее субъектов. Отрицание этого привело к технократизму в политике, политических отношениях, экономике, духовной сфере. Для большинства партийных кадров знание теории марксизма-ленинизма, высокая морально-нравственная ее сила, а отсюда следование ей, владение хоть в какой-то степени диалектическим методом мышления, становится необязательным. Не поверхностное, а глубокое знание, честь, совесть, партийное товарищество, достоинство, смелость, умение действовать не в угоду коньюнктуре, бездарностям, но во имя дела, честного служения народу, оставались невостребованными.

Нередко порочный пример в этом подавали высшие руководители. Так, на первом же после смещения Н. С. Хрущева XXIII съезде партии было заявлено о выполнении семилетнего плана, хотя фактически он был провален, а на XXV съезде был сделан совершенно ненаучный вывод: «в условиях развитого социализма, когда Коммунистическая партия стала партией всего народа,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 125.

она отнюдь не утрачивает своего классового характера. По своей природе КПСС была и остается партией рабочего класса»[1]. Чего здесь больше? Упоминания о классовой принадлежности партии в такой «связке» как бы стирается намеком на ущербность ее прародителя. А слово «остается», как некое одолжение после раздумья, основанного на заигрывании с рабочим классом, а не на знании основ ленинизма. Если бы люди, называвшие себя «верными ленинцами», почаще заглядывая в ленинские тома, думали, то непременно бы усвоили один из важных ленинских уроков: беспощадный анализ ошибок и скорейшее их исправление. Им было «непонятно, что неумение сообразовать свою тактику с различиями определившихся вполне и неопределенных моментов есть результат политической невоспитанности и узкости кругозора»[2].

На том же XXV съезде партии в 1976 г. страна уже торжественно въезжала в кризис, приходила в упадок, а с его трибуны провозглашали: «...мы последовательно, от съезда к съезду продвигаемся к великой цели — построению коммунистического общества, и чем ближе эта цель (в жизни она удалялась все дальше.— *Авт.*), тем выше энергия масс»[3]. Конечно, энергия масс была «высока», если принять всерьез принцип «все до лампочки». В 1981 г., когда были не великие революционные преобразования, а великий кукиш в кармане, на XXVI съезде докладчик заявлял: «...Итоги развития народного хозяйства убедительно подтверждают правильность экономической стратегии партии»[4], а при закрытии съезда сказал: «...Сегодня мы видим лучше и больше, чем вчера...»[5]. Как говорится, хуже нет слепого, который не хочет видеть, глухого, который не хочет слышать... Каждый знает, что по примеру «ленинского» ЦК творилось на местах, в республиках, краях, областях, городах, районах. Это было вселенское шествие парадности, шумихи.

Сравним все это с ленинской позицией. «...Мы с этого съезда должны уйти с убеждением, что мы этого не знали, и будем учиться с азов. Мы все-таки еще не перес-

---

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 63.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 144.
[3] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 4.
[4] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 32.
[5] Там же. С. 217.

тали быть революционерами (хотя многие говорят, и даже не совсем неосновательно, что мы обюрократились) и можем понять ту простую вещь, что в новом, необыкновенно трудном деле надо уметь начинать сначала несколько раз. Начали — уперлись в тупик — начинай снова,— и так десять раз переделывай, но добейся своего, не важничай, не чванься, что ты коммунист...»[1]. «Куда там, какие там ошибки, какие там «уперлись в тупик», что вы,— все однозначно прекрасно, однозначно безошибочно. Надо действовать откровенно, надо иметь смелость говорить, что есть. Это будет орудием огромной силы, во сто крат более веским, чем какие бы то ни было резолюции, пожелания... Честность в политике есть результат силы, лицемерие — результат слабости... Раскрывать всю правду! Рабочие созрели, чтобы знать всю правду[2]. Куда там!

Далеко не каждый партийный работник понимал, что о человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по тому, что он делает. При встрече такой работник был «лично неинтересен, ибо обычен»[3], у многих речь изобиловала специальными словами, штампами, амплитуда логики рассуждениями, точностью, правдивостью не отличалась не в последнюю очередь из-за того, что они направляли все взоры «кверху» и часто «прозевывали» то, что идет, растет, приближается и надвигается снизу. Фраза засоряла суть дела. На обещаниях ничего построить нельзя, это мыльные пузыри[4]. Увлекаясь фразой, забывали ленинское сравнение, как это происходит, с «тиком», видом нервной болезни, когда непроизвольно повторяют: мы — коммунисты, мы — интернационалисты, партия зовет, партия сказала, обобщила, сделала вывод, вы должны, обязаны... Бросали слова на ветер, совершенно не понимая, не задумываясь, что слова обязывают к делам. Говорили об успехах. Но «каковы именно эти успехи? Доказаны ли они? Нет ли тут побасенок, хвастовства, интеллигентских обещаний («налаживается», «составлен план», «пускаем в ход силы», «теперь ручаемся», «улучшение несомненно» и т. п. шар-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 82.
[2] *Ленин В. И.* Полн собр. соч. Т. 20. С. 210; Т. 37. С. 125.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 348.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 27.

латанские фразы, на которые «мы» такие мастера?»[1]. Это были признаки старой болезни, партия была нездорова. «Да, да, одно из проявлений следов мелкобуржуазности состоит в податливости на революционную фразу. Это — старая истина, старая история, слишком часто становящаяся новинкой...»[2]. Но эту болезнь никто лечить не собирался, мелкобуржуазная стихия раскачивала партию.

Откуда лицемерие? «Лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренне неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого, прямого выступления»[3]. Разумеется, речь идет о лицемерии как о политической категории. А твердили о единомышленниках, монолите в партии.

Численный состав КПСС возрос с 6 миллионов в 1952 г. до 19 миллионов в 1986 г., каждый девятый в стране был коммунистом, вопреки тому, что «партия должна быть узкой настолько, чтобы вбирать в себя вне рабочего класса только тех выходцев из других классов, которых она имеет возможность испытать с величайшей осторожностью»[4]. И это также свидетельствовало о болезни партии, во многом порожденной неправильным программным выводом о том, что партия рабочего класса должна превратиться в партию всего народа.

В итоге получалось так, как в свое время в деникинской и колчаковской армии, которую «уцепил» Ленин: «Как раз в это время Деникин перешел к поголовной мобилизации. Правда, один из членов Революционного совета Южного фронта, который там давно работает, сообщил нам, что именно эта поголовная мобилизация погубит Деникина, как она погубила Колчака. Пока его армия была классовая, пока она состояла из добровольцев, ненавистников социализма, эта армия была крепка и прочна. Но когда он стал делать поголовный набор, он, конечно, мог набрать армию быстро, но эта армия, чем она больше, тем она менее будет классовой и тем она слабее. Крестьяне, набранные в армию Деникина,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 90.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 353.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 96.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 361.

произведут в этой армии то же самое, что произвели сибирские крестьяне в армии Колчака,— они принесли ему полное разложение»[1].

Нечто подобное случилось и с КПСС, но разложение партии страшнее и гнуснее, нежели армии, это принесло неисчислимые бедствия народу, всему мировому движению. Мы сегодня знаем, что в партии далеко не все были добровольными поборниками социализма, в ней много было карьеристов, у которых «нет никаких идей, никакой честности», тех, про кого «давно уже сказано: не всяк, глаголющий «господи, господи», внидет в царствие небесное. И мы... должны повторить: не всяк, глаголющий дешевые фразы о партийности, партиец на деле»[2], тех, кто действовал по принципу — живи и жить давай другим, рука руку моет, мизерным расчетцем не обидеть, не оттолкнуть, не напугать, вдруг пригодится и т. д. Партийность была словом, а не делом. Хотя дела опровергали слова, многие искусно заметали следы. Что касается коммунистов-рабочих, всего рабочего класса, то это было превращение его партии в партию всего народа, превращение «из вождя в пособника (а на деле в чернорабочего и слугу») партийной номенклатуры, состоящей на деле из мелкобуржуазных элементов («Не увлекаясь, приспособляясь, тише вперед, рабочий народ»— эти слова Нарцисса Тупорылова против «экономистов»=первых оппортунистов в РСДРПартии)»[3] вполне выражали дух, тогдашнюю обстановку.

Этот дух, эта моральная ржавчина въелась во все поры партии и разлагала ее изнутри. Да, часто по уставу проводились съезды, конференции, всевозможные форумы. Но кто были делегатами, представителями, участниками их? Как правило, те, кто не возражал секретарю парткома, директору предприятия или совхоза, другим начальникам, прилежно изображал послушание, больше поддакивал, меньше думал и знал, а если знал, то молчал, кто имел больше наград, кто выполнял план, а то и тот, кто давал взятку, вовремя подсобил в трудную минуту начальнику или просто по разнарядке. Особенно трудно приходилось секретарям партийных коми-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 361.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 36.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 410.

тетов трудовых коллективов промышленности, сельского хозяйства. Фактически они были помощниками директоров заводов, фабрик, совхозов, тут уж не до выражения мнения партийных масс; видя, зная это, рядовые коммунисты правильно считали, что их слово, их мнение не будет услышано, давай план и все тут. Причем считалось, будет с планом в ажуре, если даже совсем маленький коллектив будет возглавлять коммунист. Вот и разбухала партийная организация за счет планоделальщиков, псевдопередовиков. Уделом партийных комитетов было так называемое партийно-политическое и идеологическое обеспечение выполнения как партийных решений, так и хозяйственных. Чуть что, если кто-то возразит против линии партии, ему тут же приписывалось: «Ты разрушаешь партийную дисциплину». Так была задушена критика и самокритика, активность коммунистов, их интеллектуальный потенциал оставался вещью в себе, разрушалось партийное товарищество, в целом партийное руководство.

Несколько иное положение было у секретарей горкомов и райкомов партии. Сверху на них давил мощный пресс непререкаемых указаний и наставлений морализаторского характера с намеками и экивоками на большие их возможности. Честные партийные секретари горкомов, райкомов старались быть ближе к партийным массам, крутились как белка в колесе, но такие на постах долго не задерживались. Росли вверх те, кто делал «спонсором» одного-двух директоров предприятий или совхозов и жил безбедно в ущерб авторитету партии, но с пользой для себя и своих «друзей». Коммунисты, массы беспартийных все это чувствовали, видели, знали о «мохнатой руке», о поддержке наверху и держались от греха подальше.

Еще своеобразнее было положение у секретарей, членов бюро обкомов партии. На деле, фактически членов обкома формировали первый и второй секретари вместе с первыми секретарями горкомов и райкомов партии. Их «просеивали» так, чтобы никто из них никогда не имел своего мнения, не шел вразрез с их мнением, тем более действиями, выбирали из прилежных, скромных, «понятливых» людей, которые терпеливо выслушивают пустопорожние доклады на пленумах, голосуют за любое решение, выступают по подготовленному аппаратом обкома

тексту. Были коллегиальные органы, бюро и секретариат обкома, но это была формальная сторона, на самом деле все решал первый секретарь. Остальные секретари, члены бюро были заложниками у него. Если кто-нибудь из них имел собственное мнение, иную позицию, смел возражать, этого человека быстро переводили на другую работу. Наверху разводили руками: с «первым» не сработался.

Вообще надо заметить, что первый секретарь обкома и первые секретари горкомов и райкомов были своеобразной кастой, они могли все, могли подставить любую подножку секретарю райкома, горкома, обкома, как они называли их, отраслевым (вульгарное понятие), другим партийным работникам, устроить любую абструкцию, а то и что-нибудь похуже. Все пускалось в ход, лишь бы одеть смирительную рубашку непокорному. Нет такого механизма или компьютера, который бы подсчитал, сколько принципиальных, умных, действительно служивших партии людей было выброшено вон, как выжатый лимон. Вопреки логике и сути партийной работы, в первых секретарях обкомов ходили только специалисты народного хозяйства, которым ближе по душе был командный стиль, дальше была идеология, еще дальше теория марксизма-ленинизма. Хотя у всех секретарей партийных комитетов в кабинетах, у некоторых дома были портреты классиков, а то и бюсты, в шкафах — их сочинения, они ими не пользовались, за редким, редким исключением. Поэтому не мудрено, что мятущийся диалектический дух марксизма уходил из партийной жизни. И ушел.

Марксизм-ленинизм — метод, а не совокупность, свод, запас решений, заготовленных на все времена, заготовленных впрок. Ни Великий Октябрь, ни нэп, ни индустриализация, ни коллективизация не были и не могли быть предопределены марксизмом до деталей, а стали результатом самостоятельного, инициативного, критического применения этого метода в новой каждый раз обстановке. Простая апелляция к этому методу ничего не дает. Ибо при каждой новой задаче, при каждом новом повороте дело сводилось не к тому, чтобы в нем найти несуществующий ответ, а к тому, чтобы на основании основополагающих принципов этого метода (диктатура пролетариата, партия рабочего класса, формы

классовой борьбы и т. д.), на основании всего опыта партии дать новое, самостоятельное, отвечающее обстановке решение и тем самым обогатить, развить этот метод. Такое творческое начало отрицает консервативную оглядку назад, настраивает на свободную работу мысли и действия.

Но такое начало предполагает и честность, добросовестность по отношению к этому методу, так как одну и ту же мысль, явление, факт этот метод рассматривает с разных сторон. Случайная цитата, вырванная из контекста этого метода, не может овладеть действительностью, не поможет решить новую задачу. Поэтому нужна коллективная работа партийной мысли, проверяющей себя каждый раз заново в применении этого метода. Только тогда не может быть аппаратного высокомерия и бюрократизма, превращающегося в аппаратный цинизм, припудренный цитатами. Там, где создана творческая обстановка, где в порядке вещей обсуждать, заблуждаться, спорить искренне или коряво, с блеском, громко или не очень, доказывать свою правоту, настаивать на ней или признавать допущенные ошибки, прислушиваться к мнению товарищей, там и есть партийная обстановка. Не беспокоясь о том, что кто-то одернет, начнет читать нотации, призовет к ответу, каждый коммунист делает общее дело, в партии каждый имеет равные права, как и обязанности. Подчиняясь партийной дисциплине, в конечном итоге он должен принять решение большинства. Но если он уверен в своей правоте, он вновь и вновь должен доказывать, вколачивать своим товарищам эту свою правоту, пока не убедит. При голосовании он может оказаться в меньшинстве, даже один, но это не недостаток, а обозначение проблемы, показатель того, что возможно иное решение, иное мнение, которое стоит рассмотреть.

Идол престижа есть самое прожорливое и разлагающее чудовище в аппаратной среде. Как бы кто не вышел вперед, как бы кто-то не оказался умнее меня, как бы кто-то не сел в мое кресло — вот мораль престижного партийного работника, рядящегося в тогу «хорошего» и «доброго» человека. «Добрый» человек — это не так безобидно. Хорошо, если этот работник добрый за счет своего авторитета. А в политике (партийная работа — это политика, которая имеет дело с тысячами, миллио-

нами) добрыми становятся за счет авторитета партийного комитета, партии, за счет государственного кармана, то есть за счет народа. Смешение этой «доброты», как ручеек, просочившийся в плотине, постепенно вместе с подобными другими ручейками подтачивает партию, разрушает ее.

Здесь нельзя не сказать о секретарях по идеологии партийных комитетов. С одной стороны, они по роду своих обязанностей в постоянном общении с интеллигенцией, с молодежью вынуждены больше, чем другие секретари, изучать теорию марксизма-ленинизма, воспроизводить свои знания, с другой — их заставляли заниматься идеологическим украшательством как текстов речей, докладов первых секретарей, так и наполнять города и районы всевозможными лозунгами и транспарантами, держать в узде средства массовой информации. Им было невдомек, что гласность, кроме прочего, закаляет, помогает здоровому развитию партии, развивает, стимулирует мышление, шлифует, обогащает, освежает партийную атмосферу. «Скажите *печатно* то, что вы говорите здесь в четырех стенах,— тогда и только тогда вместо недостойной перебранки получим мы идейную борьбу... которая многому научит партию...»[1].

Но для этого нужно много знать, нужно заботиться о партии и о том, что будет после нас. Но верх брала мораль: зачем? Лучше спокойно править, пока я в этой должности, а то как бы чего не вышло. Какая борьба, какие споры, все ясно, а кто не понимает, тот... политически незрелый, конченый человек.

Работать головой, а не только языком, им было не под силу. Душили гласность из-за страха потерять руководящее кресло, включая руководителей всех организаций, особенно «первых» лиц. Душили из-за боязни раскрыть свое действительное политическое лицо. Вот эту паранджу должны были поддерживать секретари по идеологии. В результате теоретически опустошенный, погруженный в заботы управления, всеобщего и всепоглощающего дефицита партийный комитет переходил от партийной непримиримости к делячеству, к соглашательству с обывательщиной, терял доверие и уважение людей, все больше отдалялся от коммунистов и становился

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 19.

местом, где наказывают, одергивают, предупреждают, снимают, исключают, орут, грозят, затыкают рот, дают накачку, отфутболивают к тому, на кого жалуешься, волокитят простой вопрос, словом, местом, где могут «не так понять». Это для простых смертных, честных коммунистов, а для «своих» всегда «так поймут», помогут, у дверей встретят и до дверей проводят, войдут в положение.

Произошла бюрократизация партии. Что это такое? Кратко это выражается в том, что партийный аппарат подчиняет себе партию, а не наоборот. Сам партийный аппарат состоит как бы из двух частей: первая — секретари, члены бюро, члены партийного комитета, эта часть избирается; и вторая — заведующие отделами, их заместители, заведующие секторами, лекторы, инструкторы, консультанты, которые утверждаются. Кроме того, как известно, коммунисты составляли руководящее ядро в государственных, хозяйственных органах, общественных организациях. В государственном (советском), да и хозяйственном, аппаратах они находились в иерархической зависимости друг от друга и в сложных персональных отношениях с беспартийными.

Внутри партии все они по Уставу являются равноправными. И то, что в члены партийного комитета избирались и рабочий из заводского цеха, и крестьянин из совхоза, и директор предприятия, учитель, врач, начальник советского учреждения, обогащало партийное руководство, помогало опытом, мнением, интеллектом этих товарищей определять линию руководства различными отраслями экономики, культуры, всего общества. Но это осуществимо только на основе действительно живой и активной партийной демократии. Когда ее нет, тогда верх берут аппаратные методы, в партийном комитете все больше все дела сосредоточиваются в руках первого секретаря, который обычно приходил с государственных и хозяйственных органов (директор предприятия, совхоза, председатель исполкома и т. п.), который назначал, сменял, давал директивы, призывал к ответственности и пр. При таком перерождении руководства основное и неоценимое преимущество партии — ее многообразный коллективный опыт — отступал на задний план. Руководство получило чисто организационный характер и выродилось в простое командование и дерганье. Партий-

ный аппарат вмешивался в дела советского и иного аппарата, перекладывал их дела на свои плечи, увяз в текучке, подвергся их влиянию, отгородился от партийных масс. Иному незадачливому секретарю казалось, что он двигает других, на самом деле двигали его. Между прочим, на сей счет у партии был большой опыт, накопленный в 20—30 годы, но так как никто толком его не изучал, значит, не знал, предпочитали свой доморощенный. Справедливости ради надо отдать должное Л. Д. Троцкому, который предвидел такую опасность и отмечал: «Бюрократизация в своем длительном развитии грозит отрывом от массы, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужением поля зрения, ослаблением революционного чутья, то есть большим или меньшим перерождением старшего поколения, по крайней мере значительной его части»[1]. Хотя эти аргументы он приводил в борьбе за руководство в партии, допуская противопоставление старой гвардии большевиков «молодняку», тем не менее как он говорил, так и случилось через много лет.

Была война и дипломатия между нижестоящими и вышестоящими партийными аппаратами состояла в том, что сверху вниз били за недостатки, били за невыполнение плана, били за слабый прием в партию, били за неуплату взносов, били за все. Снизу вверх шла информация такая, чтобы поменьше били. Демократический централизм постепенно превращался в аппаратный централизм. Внешне как будто бы демократия была: проекты всевозможных документов сверху вниз спускались для обсуждения коммунистами. Но как они обобщали: больше критики, больше недостатков, значит сверху больше проверок, навязчивого контроля, телефонных звонков.

За последние десятилетия падала марксистская культура в партии, верх брала примитивность, упрощение сложных проблем стало обыденным явлением. В частности, много глупостей было сделано в так называемой атеистической работе. Не в соответствии, а вопреки ленинским представлениям, которые, к примеру, гласили, что «необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма... Если так, отчего мы не заяв-

---

[1] *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 172.

ляем в своей программе, что мы атеисты? Отчего мы не запрещаем христианам и верующим в бога поступать в нашу партию?... Теперь к нам пойдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые мистики... Объявление войны есть лучший способ оживить интерес к религии и затруднить действительное отмирание религии»[1]. А что было на деле? И запрещали, и объявляли войну, и оскорбляли, и заявляли, и подозревали, и исключали из партии, комсомола, и получили то, что должны были получить.

Многое, что происходило тогда в партийной среде и жизни хорошо схвачено в романе мудрого грузинского писателя Нодара Думбадзе «Закон вечности»[2].

«— Снять меня не так-то просто, уважаемый Бачана... Но небольшая поддержка никогда не мешает... И даже тому, кто сейчас хочет столкнуть меня...

— Вы, коммунисты, не верите в бога, потому и не знаете цену времени! Вы транжирите время! Поклонитесь времени! Уважайте время! И если вы решили создать новую веру и новую религию, начните с времени! Иначе у вас не получится, ибо, повторяю, бог — это время!

— Мне хочется увидеть коммунизм... Этот ваш рай, не так ли, уважаемый Бачана? Я, правда, беспартийный, но надеюсь на вашу протекцию.

— Интересно, что вы будете делать после того, как придете к этому самому коммунизму?

— Придем, а там видно будет.

— А вдруг ничего не увидите?— спросил не без ехидства отец Иорам.

— Уважаемый Иорам, сколько лет вашей религии?— ответил вопросом на вопрос Бачана.

— Две тысячи!

Бачана искренне рассмеялся:

— А нашей пока нет и ста...

— А последователей у нее столько — вашей религии и не снилось. И вы, двухтысячелетние, тягаетесь с нами,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 118; Т. 12. С. 145; Т. 17. С. 416.

[2] *Думбадзе Н.* Закон вечности. М., 1988. С. 287—371.

со столетними юношами? Постыдились бы! Имейте терпенье, и когда нам станет две тысячи лет, вот тогда и взгляните на нас с высоты вашего зенита. Вот тогда и будем судить, кто из нас вознесся выше.

— Трудно спорить с людьми, которые ни во что на свете не верят!— отец Иорам отвернулся к стене.

— Что дает ваша религия народу?— не отставал Бачана.

— Духовную пищу!— ответил отец Иорам, не поворачиваясь.— А ваша?

— Наша и духовную, и материальную! Но прежде материальную. Человеку, идущему к зениту, нужны хлеб, соль, масло, картофель, помидоры и мясо. Не так ли?

— А где это мясо?— отец Иорам быстро повернулся лицом к Бачане.

— Это уже не спор, батюшка!.. Нет сегодня, будет завтра!

— А наша религия, кстати, не запрещает людям ни есть, ни производить мясо. Неудобно как-то говорить, но... Раньше мяса было больше, чем сейчас...

— Раньше на земле жило полмиллиарда человек, а сейчас — без малого четыре миллиарда!

— Мда-а... Рано мы отказались от людоедства,— подал голос молчавший до сих пор Булика.— Было бы сейчас и людей меньше, и мяса вдоволь!

— Вот в какого циника превратила человека ваша религия!— отец Иорам рукой показал на Булику».

«Я к чему это? К тому, что церковь эта брошена без присмотра и ухода, а что взамен ее построили?... А вот, скажем, наш сельсовет теперь ютится в наемном полуразрушенном доме, и люди туда входят не то что шапки скидывая, а ругаясь и отплевываясь... По мне, выше и красивее сельсовета не должно быть дома во всем селе... Вы как думаете, раньше не могли разве строить себе дома выше церкви! Могли, да не смели! Не было у них такого права! А теперь у председателя нашего колхоза дом против сельсовета, что Казбек против вон того холмика! Гараж у шофера Митьки и тот втрое больше вашего клуба!... Пойдет человек молиться в такой сельсовет? Не пойдет... А разве мы нищие? Нет! Село, слава богу, богатое, крепкое! И хлеба вдоволь, и вина, и овощей. Человек чем от свиньи отличается? Тем, что человек

ест то, что на дереве, а свинья, что под деревом, на земле. Я к чему это? К тому, что всякое дело вовремя требует хозяйской руки! Опоздал, упал плод с дерева, он и достается свинье!... Говорю представителю сельсовета: «Ведь ты хозяин, ты Советская власть! Так шевельни рукой, сукин ты сын, поставь дом как дом, чтобы человеку было приятно входить в сельсовет!»— «Как, говорит, я его поставлю без денег и без лимита?»—«Это что еще за чертовщина — лимит?— А это, говорит, кирпич!» Слышали? Кирпича у него нет! Откуда же нашелся кирпич для Митькиного гаража или для дворца председателя колхоза?... У моей коровы больше авторитета на селе, чем у председателя!»

А что происходило в высших кругах? В течение брежневского правления средний возраст членов Политбюро ЦК КПСС колебался от 60 до 70 и более лет. Так же было в высших научных, дипломатических, управленческих и других учреждениях. Это была печальная комедия загнивания, достойная «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского[1]:

«Благодаря моим дарам вы увидите повсеместно старцев в летах Нестеровых, у которых и образа человеческого не сохранилось — шамкающих, слабоумных, беззубых, седых, лысых или, как рисует их Аристофан, неопрятных, скрюченных, жалких, сморщенных, оплешивевших, отупевших, но сластолюбивых (мы скажем властолюбивых.— *С. С.*), и, однако, они так наслаждаются жизнью, так молодятся, что иной, глядишь, красит свои седины, другой прикрывает лысину накладными кудрями, третий вставляет себе зубы, быть может, выдернутые из свиной челюсти, четвертый жалостно вздыхает по какой-нибудь девчонке и в любовных глупостях готов состязаться с зеленым юнцом. Иные в гроб смотрят, настоящие старые хрычи, а туда же, берут молодую жену, бесприданницу, конечно, и берут ее на потребу не столько себе, сколько другим: это случается повсеместно и вызывает даже похвалы. Еще забавнее, когда дряхлая старуха, труп трупом, словно только что с того света воротилась, то и знай повторяет: «Светик мой», резвится, жеманится, привлекает за немалую мзду какого-ни-

---

[1] *Роттердамский Э.* Похвала глупости. М., 1991. С. 69.

будь Фаона, усердно расписывает румянами лицо, не отходит от зеркала, выщипывает заросли у себя между ногами, выставляет напоказ свои увядшие, рыхлые груди, криками, визгом подстрекает уснувшее вожделение, тянет вино, как губка, вмешивается в толпу пляшущих девушек, строчит любовные цидулки».

И подобные этим героям глупости руководили многомиллионной партией, называющей себя ленинской, коммунистической, строящей коммунизм. Абсурднее такого трудно было даже представить, но это было. Что ими двигало, если не:

«Суетная слава — эта обольстительная сирена, строго порицаемая нашими мудрецами? Что может быть глупее, говорят они, чем пресмыкаться перед народом, домогаясь высокой должности, снискивать посулами народное благоволение, гоняться за рукоплесканиями глупцов, радоваться приветственным кликам, позволять носить себя во время триумфа, словно знамя, на потеху черни, стоять на площади в образе медной статуи? А громкие имена и почетные прозвища? А божеские почести, воздаваемые ничтожнейшим людишкам, а торжественные обряды, которыми сопричислялись к богам гнуснейшие тираны?! Все здесь глупость на глупости, и для осмеяния всего этого понадобился бы не один Демокрит»[1].

К сожалению, даже одного Демокрита не оказалось, но жизнь смеялась, жизнь иронизировала и готовила отрезвление. А пока: «прежде всего, если рассудительность сказывается в деловитости, то кто, спрошу я, имеет право притязать на почетное звание человека рассудительного: мудрец ли, который отчасти по излишней совестливости, отчасти по малодушию ничего не решается предпринять, или на все дерзающий дурак, не сдерживаемый ни стыдом, которого не имеет, ни опасностью, которой не сознает. Вот если камень на голову свалится, это — настоящая беда, а позор, бесчестие, хула и другая молва лишь постольку доставляют неприятности, поскольку мы их замечаем. А не замечаем — так и беды нет совсем».

А камень не скоро свалится и сильные мира сего считали, что «вся жизнь человеческая есть не что иное, как некая комедия, в которой люди, нацепив личины,

---

[1] *Роттердамский Э.* Указ. работа. С. 61, 62, 64, 70.

играют каждый свою роль, пока хорег не уведет их с просцениума. Истинно рассудителен тот, кто, будучи смертным, не стремится быть мудрее, чем подобает смертному, кто снисходительно разделяет недостатки толпы и вежливо заблуждается заодно с нею».

Но если знания, мудрости не хватало, значит надо было учиться у мудрецов, но не было даже умения учиться. В ходу было несколько расхожих цитат из сочинений классиков марксизма-ленинизма, причем цитируемых не полно, на «вырванных из связи фразах, на отдельных выражениях, не вполне ловко или не вполне точно мною сформулированных, причем игнорировалось общее содержание и весь дух»[1] сказанного в одном месте, уточненных, развитых в другом, уточняющих главную мысль авторов, больше для почтения, чем для ума. Одну из них — «партия — ум, честь и совесть нашей эпохи» — в 1961 г. включили в Программу партии. И пошло — поехало. А полная, точная, ленинская мысль выражалась иначе в небольшой статье «Политический шантаж»: «Будем стойки в клеймении шантажистов. Будем непреклонны в разборе малейших сомнений судом сознательных рабочих, судом своей партии, ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи»[2]. Это было написано в сентябре 1917 г., когда реакция развернула травлю большевиков, получавших будто бы деньги от агентов немецкого империализма, клеветала на Ленина, Каменева, Троцкого, хотела дискредитировать их и партию большевиков.

Тогда эта мысль звала, убеждала, била в набат, крепила организацию, стимулировала смелость, убежденность, если хотите отчаянность в действиях и помыслах. А что получилось и как использовали эту правильную мысль в наше время? Не было партийного, а то и непартийного учреждения, где бы эти ленинские слова не висели на видном месте, под их сенью или рядом в президиумах восседали партийные функционеры, как бы прикрываясь ими как щитом, как будто именно они это олицетворяли. Но многие уже не верили и не видели в партии, особенно во многих партийных работниках, ни ума, ни чести, ни совести. Это раздражало, возмущало,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 105.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 93.

гневило пока про себя, тихо, многозначительным взглядом, иронией, битьем в ладоши, чтобы не выглядеть белой вороной. Не понимали этого, продолжали умничать и важничать, у многих отказывало политическое чутье, не принято было сомневаться в привычном.

Так же случилось с ленинским заветом «учиться, учиться и учиться». Он был в ходу почему-то только в учебных заведениях, в комсомоле. Припоминается, как в свое время один комсомольский работник недоумевал: этих слов в работе Ленина «Задачи союзов молодежи» нет, откуда взяли? Ему, да и многим другим, было невдомек, что Ленин эту мысль повторял множество раз, и кто хоть немного соприкасался с ленинским наследием, тот понимал, это касается не только молодежи, а даже больше относится к зрелым, чтобы в любые годы люди не превращались в неучей. Учиться коммунизму, учиться управлять, учиться торговать, учиться работать, учиться борьбе, учиться у капиталистов, у умного капиталиста Ллойда Джоржа, учиться учиться, учиться человечности, учиться партийности, учиться быть коммунистом не на словах, а на деле, учиться у буржуазных специалистов, учиться строить социализм, учиться на ошибках, учиться не зазнаваться, учиться познавать, преодолевать противоречия, учиться выносить уроки из кризиса, учиться у рабочих, у масс, учиться у жизни — вот что означала эта ленинская мысль, к чему звал ленинский призыв.

Или возьмем злоупотребление словами «коммунизм», «коммунистический». Конечно, это исходило из неправильной опять-таки Программы партии и несвоевременного ее исправления, но ведь руководители-коммунисты все-таки должны были думать и понимать это, знать, что это не так безобидно, как кажется. Должны были знать ленинское предупреждение: «...Крестьянин привык со стороны государственной власти в течение многих веков встречать лишь одно угнетение, поэтому он привык относиться недоверчиво ко всему, что идет от казны. И если помощь со стороны сельскохозяйственных коммун крестьянам будет осуществляться только для того, чтобы наполнить слово закона, то такая помощь будет не только бесполезна, но из нее может получиться только вред. Ибо название сельскохозяйственных коммун очень большое, связанное с понятием коммунизма. Хорошо,

если коммуны на практике показывают, что в них действительно ведется серьезная работа по улучшению крестьянского хозяйства — тогда, несомненно, поднимется авторитет и коммунистов и коммунистической партии. Но сплошь и рядом бывало так, что коммуны возбуждали в крестьянстве лишь отрицательное отношение к себе, и слово «коммуна» делалось иногда даже лозунгом борьбы против коммунизма»[1]. У нас это было не иногда, особенно с насаждением движения коммунистического труда, постепенно суть дискредитировалась и переходила в борьбу пока в виде иронии и раздражения. Почему так происходило? Думается, из-за того, что все время и при каждом случае говоря о сложности того или иного вопроса, предлагая решения, по видимости простые, но по существу не имеющие за собой политической мысли и серьезного анализа, руководители-коммунисты стремились это подкрепить авторитетом классиков, вот и гонялись за их словами, не вдумываясь в подлинный смысл, когда, в связи с чем, как было сказано. Порочность такого явления разоблачал Ленин в письме к И. Арманд: «Комики! Гоняться за *словом,* не вдумываясь, как дьявольски сложна и хитра жизнь, дающая *совсем новые* формы, лишь частью «уцепленные» нами. Люди большей частью (...около 67—70% из большевиков) не умеют *думать,* а только *заучивают слова...* А *как* надо изменить *его* (слово.— *С. С.*) *формы* в новой обстановке, как для этого **заново** учиться и думать надо, этого мы не понимаем»[2].

Что было на деле? Прежде всего многие коммунисты-руководители не учились. Нет, у иных было по нескольку дипломов, даже научные степени, но они были у них для карьеры, для анкеты, для продвижения по службе. В некоторых учреждениях, особенно управлениях, многие формально числились в несуществующих политшколах и семинарах, а в партийных комитетах занимались их подсчетом и утешались рассуждениями вокруг этой мифической учебы на полном серьезе. Сколько людей кормилось этим! Какого-то злого умысла у этих людей не было, просто в партии сложились такие особые условия, когда не требовались действительно глубокие

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 375.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 242—243.

знания. Что вы, если инструктор будет задавать вопросы, знать больше секретаря! Это ведь конец света! В партийных комитетах открыто осаживали таких, посмеивались, он много знает, кому нужны твои знания, лучше сиди и помалкивай и строчи по наезженной колее очередную речь своего начальника... Получалось как у А. Платонова в «Государственном жителе»: «Ты здесь, братец, со своими вопросами не суйся... Ступай и не суйся... Чем старина сама себя пережила: она не сувалась!»[1]. Это в лучшем случае, в худшем «много знающего» задвигали, чтобы другим было не повадно высовываться. Эта затхлость, гнилостность атмосферы шла во многом сверху. Так, на последних съездах, пленумах их постановлениями становились доклады, выступления первого лица. Люди приезжали, собирались, выступали, а оказывается истина в последней инстанции была заранее подготовлена, единогласное голосование и горячее одобрение... и дело с концом. Ориентировка на верхи вошла в плоть, в кровь, в быт партии.

Справедливости ради надо сказать, честным, настоящим, принципиальным коммунистам не так легко было в этой партии. Обязанностей хоть пруд пруди, а действительных прав — никаких. Не пей, не кури, не откровенничай, не шуми, не заглядывайся на женщин (мужчин), не шути, не возмущайся, не указывай, без тебя разберемся, ишь чего захотел — квартиру, машину, мебель, мотоцикл, приличный костюм, квартиру, путевку, вовремя отпуск, хорошие сигареты, еду, одежду для детей — ни-ни... Зато будь ударником труда, не какого-нибудь, а коммунистического, расшибись, но перевыполняй план, работай сверхурочно, прямиком на работу и оттуда прямиком домой, а то жена пойдет в партком, будь примерным семьянином, хотя житья нет, зови начальника в гости, будь хлебосольным, не забудь его жене сделать приличный подарочек, если до этого не додумаешься, потому что тугодум, так будь с нею повежливей, да повнимательней, так как начальники, как правило, у них под «каблуком», ты и не заметишь, откуда подул холодный ветер. Получается не человек, а робот. Зачем ему такая партия нужна? Верили, терпели, понимали, что что-то не то, не так, но ждали, вот-вот придет новое

[1] *Платонов А.* Государственный житель. М., 1988. С. 24.

руководство и все изменится. А оно приходило и уходило, а все оставалось по-прежнему. Не дай бог «проштрафиться» или попасть в чьи-то дрязги. Не имея никакой вины за собой, будешь без вины виноватым. И никто из них, за кого голосовал, не заступится, в лучшем случае выслушает, повздыхает... и не поможет.

Другие, называющие себя коммунистами, «коммутанты», как метко окрестил их Б. Олейник, имеющие такие же партбилеты, жили припеваючи, пьянствовали, гуляли, потихоньку воровали, брали взятки, если попадали в неприятности, выходили «сухими из воды», угождали, подхалимничали, льстили начальству, пробирались к власти, изощренно пускали «пыль в глаза», сплетничали, врали безбожно, отдыхали в лучших санаториях, премировались, приобретали книги для украшения интерьера, словом, «умели жить» и жизни радовались. Все больше формировался значительный слой людей в партии, которые понимали, что к чему, готовились к социальному реваншу, готовили свою амуницию, пописывали книжки, сценарии, статейки, пьесы, где пропихивали нужные им идейки, тянулись друг к другу, рассуждали, прогнозировали и диалогизировали, предполагали, располагали, догадывались, сочиняли концепции и варианты возможного поворота событий, особенно «наверх» не лезли, им была по душе аппаратная работа вокруг старческого дряхлеющего руководства. В журналистских кругах умели сочинить что угодно на потребу начальству, классно украшая свои сочинения ленинскими словами, но никогда не забывая потаенных своих целей, добиваясь непременно большего, ожидая, умея ждать своего часа. Это большей частью были люди «тихие», «сладенькие», почти «святые».

Наиболее заметным и болезненным аномальным процессом, развращающим и разлагающим коммунистов, было коррумпирование части ее аппарата, управления вообще, мздоимство, взяточничество и сращивание с преступным миром. Мы знаем только о разоблаченных, а сколько было не пойманных... А формирование особой кастовости через привилегии! Строительство специальных больниц, санаториев, домов для проживания партийных работников, дворцов для райкомов, горкомов, обкомов и т. д., выделение лучших машин, лучшей бумаги и прочего разлагало людей. Причем всем этим пользова-

лась не вся партия, не все коммунисты, а только номенклатура. Это, кроме всего прочего, наглядно демонстрировало низкую культуру в партии, исходящую с самого верха, буквально кричало против ленинской традиции соблюдения скромности правящей партии, шло вразрез сути коммунистичности, идеи светлой, чистой, возникшей вместе с человечеством, доказывало как ни что другое, что партия перерождается, разлагается, гниет. Советские люди — люди терпеливые, видели все это, но надеялись, что образумится авангард народа, лишь бы жизнь улучшилась, обещают ведь, даже утверждают, что идем к коммунизму уверенней поступью под марксистско-ленинским знаменем.

Во все времена, во всех государствах, при всех режимах требование соответствия слова и дела было показателем серьезности и ответственности политических организаций и их деятелей. Вместе с тем мировая практика накопила и хранит массу поучительных примеров, когда такого соответствия не было, когда суть дела подменялась пышным пустословием, демагогией. Все это расцвело в этот период. Социализм — организованное общество, оно будет социализмом, если вначале будет дело, в отличие от библейской мысли — вначале было слово. Никто ничего по доброй воле, без принуждения не делает вопреки своим потребностям. Так уж устроен человек. Из осознания потребностей возникают интересы. Они могут быть и есть различные. Одни объединяют людей, сплачивают, облегчают единение слова и дела. Другие же могут противопоставлять их, сталкивать их организации, партии, блоки. Интересы, как и потребности, нередко возникают стихийно, но их можно и нужно направлять и формировать.

Для того, чтобы потреблять, надо производить качественно, добротно, много. А для этого надо трудиться, создавать материальные блага. У кого меньше всего слово расходится с делом — у рабочего, который по своей природе заинтересован в этом. Вот куда ведет глубокая мысль, выражающая объективную закономерность возникновения и необходимости партии рабочего класса, источник силы которой исходил именно из его глубин. И когда партия стала достоянием всего народа, она все больше и больше начала отдаляться от рабочего класса, меньше всего выражать его интересы, меньше всего зна-

ла, а что же происходит в самом рабочем классе в целом, потеряла его доверие. Не потому ли неважно стало с качеством не только техники, технологии, но и других объектов жизненного значения. Много плесени, бюрократизма и моха наросло на местах и с этим надо было бороться. Как это делать? А так: «мы выгнали старых бюрократов, но они снова пришли, они называют себя «коммунистами», если не могут сказать коммунист, они нацепляют красную петличку, они лезут на теплое местечко. Как тут быть? Опять и опять с этой нечистью бороться, опять и опять, если эта нечисть пролезла, чистить, выгонять, надзирать и смотреть через рабочих коммунистов»[1].

Чуете? Через рабочих-коммунистов. Вместо этого номенклатурщик номенклатурщика не чистил, не выгонял, не надзирал, не смотрел. Внешне стращал, а на деле — потакал. Вразрез этому ясному, полному, справедливому указанию. Мало уделялось внимания кадровым, потомственным рабочим. Ведь мощь, единство, боевитость партии прежде всего и лучше всего опирается на них. Кадровый рабочий — это человек дела, со сметкой, с золотыми руками, честный, совестливый, открытый, прямой, справедливый, знающий цену слову, не терпящий болтовни, суеты, вранья, лицемерия, мелкобуржуазной расхлябанности: авось, небось и как-нибудь и других пороков. А как было на самом деле? От съезда к съезду говорили о том, что в составе партии много рабочих. Но мало задумывались, как эти проценты достигались. Регулируя прием, скажем, рекомендовали первичным парторганизациям какого-нибудь торга или учебного заведения принять в свои ряды подсобных рабочих или числящихся таковыми, и принимали. Информация шла в графе «рабочие»— вот вам и «рабочий класс» в партии. Так было сплошь и рядом. Или, скажем, как происходило это на заводе?! Шло «раскрестьянивание», из деревни люди уходили в город, становились рабочими, и их зачастую принимали в партию как рабочих. А в рабочих партийных организациях партийная жизнь угасала, заинтересованности, настоящей, дельной помощи со стороны партийных комитетов не было.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 15.

Все одобряли и голосовали, а что к чему — этого никто не знал.

С ухудшением качественного состава партии рабочих, при сложившейся порочной обстановке, когда в руководство партийных комитетов и органов управления пробирались люди «пробивные», не усвоившие лучших качеств рабочего класса, увеличился разрыв между словом и делом. Это невидимый процесс, за него руками не ухватишься, но так было. В нем корень зла, в непонимании его — истоки разложения и перерождения. «С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей,— писал Ф. Энгельс,— и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретической последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы»[1].

Такой точкой развития действительно марксистско-ленинской партии есть рабочий класс и никакой иной класс или прослойка, или народ. Классовое сознание рабочего класса является отражением в мышлении людей действительно происходящего, фактического конфликта между разрывом слова и дела, кризисом в экономике и декларируемом в политике, отражением его (в головах прежде всего класса, который страдает от него непосредственно,— рабочего класса»[2].

Анализ практики работы партийных организаций промышленных предприятий свидетельствовал, что коммунисты многократно ставили вопросы правильной реализации принципа демократического централизма на деле, выявляли истинные причины пассивности коммунистов, неоднократно предупреждали, что культивируемая практика партийной жизни к добру не приведет, требовали изменения порочного стиля работы партии, но оставались неуслышанными и непонятыми.

В отношении к марксистско-ленинской теории мы должны быть осторожны в своих рассуждениях. Обычно

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. Т. 13. С. 497.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. Т. 19. С. 211.

считают, что она, эта теория, устарела, классики не могли учесть новых условий, тогда было другое время и т. д. Они и сами неоднократно указывали, что их воззрения не догма, а метод исследования явлений, действий. Еще в начале века, когда Ленин обосновывал историческую миссию пролетариата, в своей работе «Задачи русских социал-демократов» он писал: «Поясним нашу мысль примером. Возьмем учреждение чиновничества, бюрократии, как особого слоя лиц, специализировавшегося на управлении и поставленного в привилегированное положение перед народом... Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чиновничества восстановлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа. Но кроме пролетариата *ни один* из этих слоев не допустил бы полной демократизации чиновничества, потому что у всех других слоев (буржуазии, мелкой буржуазии, «интеллигенции» вообще) есть нити, связывающие его с чиновничеством, потому что все эти слои — *родня* русскому чиновничеству. Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства,— чиновника, утешающегося тем, что он приносит «пользу» в пределах канцелярской рутины,— чиновника, оправдывающего этой «пользой» свой политический индифферентизм, свое лакейство перед правительством кнута и нагайки? Только *пролетариат* безусловно враждебен абсолютизму и русскому чиновничеству, только у *пролетариата* нет никаких *нитей*, связывающих его с этими органами дворянско-буржуазного общества, только пролетариат способен на непримиримую вражду и решительную борьбу с ними»[1].

Это как будто — чистая теория, мысли, высказанные давно, еще до революции, при другом строе. Но как мы знаем, и в современном обществе, в «развитом социализме» бюрократия расцвела, уже социалистическая. Исчезли ли эти «нити»-связи с органами управления? Исчезла ли эта «родня» с советской бюрократией? Нет, просто, они стали называться по-другому: иметь связи, иметь блат, иметь своего человека. Кому легче было это

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 455, 456.

«иметь»? Всем, кроме рабочего класса. Так ведь было и есть. Возьмем торговую бюрократию. В век тотального дефицита кто к ним ближе, кто их «родня»? Только не рабочий класс. Даже тогда, когда на предприятия привозят дефицит, он или часть его чаще всего становится добычей этой «родни». Вот почему нужен именно рабочий, а не иной контроль (народный и т. п.), вот почему торговые работники отбиваются от такого контроля, мотивируя слабой компетентностью рабочих в торговых делах или под иными выдуманными предлогами. Как будто нужна заумная компетентность для установления, куда, кому, когда «уплыли» товары. Вот почему в сфере торговли должно быть больше настоящих коммунистов-рабочих, вот почему это не мелочь, и с точки зрения политики (она касается тысяч и миллионов), ибо из таких «мелочей, иногда скучных, неприятных, но за всеми этими мелочами надо увидеть нечто поглубже, надо понять, что в этих мелочах работы... что в этих конфликтах, трениях, мелочах есть неизмеримо более глубокое содержание»[1], вот почему в сфере управления должно больше быть настоящих закаленных коммунистов-рабочих, вот почему «соединение экономических и политических вопросов, социалистической и демократической деятельности в одно целое, в единую классовую борьбу пролетариата не ослабляет, а усиливает демократическое движение и политическую борьбу, приближая ее к реальным интересам народных масс, вытаскивая политические вопросы из тесных кабинетов интеллигенции...» в среду рабочих и трудящихся классов, разменивая абстрактные идеи политического гнета на те реальные проявления его...»[2]. Если хорошенько вдуматься, осмотреться по сторонам, то этой ленинской мысли, заваленной мусором современных доморощенных «развивателей» и «опровергателей», можно и нужно найти применение.

Эти «нити», эта «родня» паутиной сцепили партию, особенно прочно они сцепили партийные и государственные органы. В них они воспроизводились снизу вверх. Однажды попав в их номенклатурный список, работники уже не только обеспечивали себе безбедную жизнь,

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 59.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 457.

но и одухотворяли своей идеологией и психологией атмосферу затхлости, круговой поруки и разложения.

Так задушили активность коммунистов. Все жаловались на их пассивность, между прочим оскорбляя этим самым человеческое достоинство: «Пассивность коммунистов не так безобидна, как казалось тогда. Пассивность была политикой соглашательства. На собрании выступали дежурные ораторы, остальные молчали, выражая соглашение со всем, что они говорили, принимали любые постановления, не считая должным их выполнять. Коммунисты не старались даже понять граней обсуждаемого вопроса. И собрание не давало эффекта, постепенно стиралась грань между коммунистами и беспартийными, коммунисты не только им, но и сами друг другу не могли растолковать какой-нибудь вопрос. Откуда могли взяться знание и умение, если в партийной среде не было творческой обстановки, шлифующей мысль, закаляющей характер, что вырабатывает целеустремленность, стимулирует деловитость.

В такой обстановке партия живет как бы в многоэтажном доме: наверху решают, на нижних этажах — только узнают о решениях, которые, как правило, конкретностью не отличаются, грешат декларативностью и всеядностью.

Приобщение к политике широких масс коммунистов обычно шло через политучебу, которая выражалась во всем и ни в чем конкретно. Но политика — это жизнь, она требует опыта через собственные ошибки и успехи, она требует набития собственных шишек, собственных успехов и поражений. Многие коммунисты задавали вопрос: что там делают в партийном аппарате? Что-то делают, но без нас или за нас. Когда же с нашей стороны раздается голос недоумения, сомнения, возражения, критики, так нас сразу призывают к дисциплине. Мы за партию, болеем за нее, хотим помочь ей, но высшие органы не хотят понять этого. Но любые проявления партийности не подмечались, не замечались и не учитывались партийными комитетами. В результате всей массе коммунистов как объекту воздействия все больше противопоставлялись партийный комитет, райком, горком, обком и т. д. А главный остов, главная жизненная сила партии это — доверие коммунистов. Если этого

доверия нет сверху, ожидать его снизу невозможно. В этом-то и таилась опасность.

Выходило так: все постановления безупречны, а если непонятливые коммунисты, рабочие на местах не поймут понятное для партийного работника, им не стоит доверять. Такое положение породило недоверие к рабочим, игнорирование их опыта, как профессионального, так и житейского, нравственного. Любой сложный вопрос требует открытой постановки его, прежде всего и вначале всего в рабочей среде. Скажем, на заводе, где не гаснет огонь жизни, в стимулировании заинтересованности и понимании какого-то трудного вопроса при создании такой обстановки, коммунисты-рабочие должны были поставить дело так, что без них, без их разума никакой горком или обком никакого постановления не принимал, «тот, кто захотел бы выдумать для рабочих такой рецепт, который бы давал заранее готовые решения на все случаи жизни или который обещал бы, что в политике революционного пролетариата не будет никаких трудностей и никаких запутанных положений, тот был бы просто шарлатаном»[1].

Но такого подхода не было, а было: давай-давай, выполняй, не рассуждая. Из демократического централизма работал централизм, а демократия не работала. В результате партия слабела, количество не переходило в качество, партийные решения сотрясали воздух, общие истины надувались так, что становились неверны и превращались в декламацию, партийные комитеты отдалялись от коммунистов, страдало партийное дело.

Попутно скажем, что даже при такой обстановке люди зачастую все-таки находили правду, справедливость именно в партийных органах, обращались к коммунистам по всякому вопросу, прислушивались к их мнению. Ведь были и трудовые достижения, и партийные организации, и партийные работники, которые честно выполняли свой долг, достойно поддерживали лучшие партийные традиции. Без этого не было бы пусть медленного, но неуклонного поступательного развития общества, улучшения материального и культурного уровня народа. В 1986 г. на XXVII съезде КПСС отмечалось, что за четверть века Советский Союз добился внуши-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 21.

тельных успехов. Семикратно увеличились основные производственные фонды народного хозяйства, построены тысячи предприятий, созданы новые отрасли. Реальные доходы на душу населения увеличились в 2,6 раза, общественные фонды потребления — в 5 с лишним раз. Построено 54 миллиона квартир. Осуществлен переход ко всеобщему среднему образованию. Вчетверо возросло число лиц, окончивших вузы. Общепризнаны успехи науки, медицины, культуры. Это говорило о жизненности государственного строя и большом потенциале партии, которые даже при допущенных ошибках отодвигали апогей, надвигающийся кризис.

Партийная работа — сложнейшая сфера деятельности, вбирающая в себя многогранные аспекты самой жизни, имеющая дело с интеллектом, характером, волей людей, требующая политической выдержки, личного примера не в абстрактном выражении, а в буквальном. В умении притягивать к себе людей не обещаниями или другими утилитарными средствами, а справедливостью, твердостью, принципиальностью, заботой не только о сегодняшнем, но и завтрашнем дне. Это и многое другое предполагает интеллектуальные, нервные, физические нагрузки, которые нарастают с ростом партийной должности, то есть долга перед коммунистами и беспартийными. Фигурально выражаясь, партийный работник ходит по острию бритвы, на полволоска ступишь влево — ошибка, на полволоска вправо — опять ошибка. Во всем нужна мера.

Партийному комитету, в целом партии нужно было за фактами, тем или иным поведением людей, особенно руководящих кадров, видеть серьезное содержание. Что за этим содержанием стоит, на чем оно основывается? Это посильно было только незаурядным личностям, требовало больших способностей, знаний, порядочности, честности в мыслях и поступках.

Но когда под видом укрепления в район, город, область присылали человека, который рассматривал свое назначение как ступеньку в карьере, как улучшение анкеты и норовил при удобном случае вернуться назад, в столицу, да еще прихватив с собой руководителей местной... торговли, к тому же повышая их в должности (любому понятно, что не только за красивые глаза), то становилось ясно, каков этот партийный деятель. Затем у

него дома находили золото, бриллианты, разные «дефициты». Сложна жизнь, но она проста, если на нее смотреть с точки зрения своего кармана, прикрывая и затемняя низменные помыслы высокими словами о партии, социализме, коммунизме...

В партии постепенно сложилась не только плохая, но и вредная традиция. Каждый новый партийный работник за счет критики, охаивания предшественника выставлял свою работу как лучшую, преподносил ее так, что предыдущим работником якобы было все развалено. За разговорами и сам толком не делал дело. Пока разбирались, что к чему, бывало уже поздно, его и след простыл. Позже таких людей называли в народе «временщиками», осуждали, но от этого было не легче, ведь этот «временщик» уже порождал себе подобных. Разумеется, если бы у коммунистов спросили, как работал этот человек, достоин ли выдвижения, то он бы чувствовал ответственность перед низами, лучше бы понимал, что такое партийное товарищество, партийность. А местные коммунисты, принимая в свою среду нового руководителя, партийного товарища, чувствовали бы, что его судьба зависит от них и они будут давать оценку его труду. Разрыв этой товарищеской связи также способствовал отрыву партийных комитетов от коммунистов.

В последние годы не без умысла была пущена легенда, что в 30—50 годы не было демократии в партии, что все занимались только поклонением вождю. А было как раз наоборот. В этом можно убедиться, перелистав страницы действительной истории тех лет. Да и любой ветеран партии подтвердит это, надо только уметь выслушать его без спеси, самодовольства и неуемной страсти отомстить за разрушенный социализм. Придет время и эти страницы истории будут доступны каждому, жизнь возьмет свое и все лукавое, мстительное уступит место настоящей правде, правде истории, правде жизни.

Имели глубокий смысл и отрицательные последствия шельмование, крушение через критику «культа личности» вождей и преднамеренно неверное толкование роли личности в истории, роли личности руководителя партии, непременный перевод этой роли в «вождизм» или лидерство. Это было ничто иное, как стремление обезглавить партию, рабочее движение, социалистическое строительство. Эта проблема не новая, а старая-престарая, поя-

вившаяся с появлением марксизма на белый свет, и Ленин в 1920 г. в своей книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» буквально «разжевал» ее понимание, показал истоки, причины того, почему нападают на действительных, талантливых руководителей партии. Ан нет, его урок не пошел впрок.

Вспомним некоторые из этих уроков. «Одна уже постановка вопроса: «диктатура партии *или* диктатура класса? диктатура (партия) вождей *или* диктатура (партия) масс?»— свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли. Люди тщатся *придумать* нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными. Всем известно, что массы делятся на классы;— что противополагать массы и классы можно, лишь противополагая громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства;— что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии;— что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука...

Расхождение «вождей» и «масс» особенно ясно и резко сказалось в конце империалистической войны и после нее, во всех странах. Основную причину этого явления разъясняли много раз Маркс и Энгельс в 1852—1892 годах на примере Англии. Монопольное положение Англии выделяло «рабочую аристократию», полумещанскую, оппортунистическую, из «массы». Вожди этой рабочей аристократии переходили постоянно на сторону буржуазии, были — прямо или косвенно — на содержании у нее. Маркс завоевал себе почетную ненависть этой сволочи за то, что открыто клеймил их предателями»[1].

Все просто и ясно. Позже, говоря ленинскими словами, «завоевал себе почетную ненависть этой сволочи», которая все еще не перевелась, сам Ленин, позже Сталин, а у них боевых, талантливых защитников не оказа-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 24, 25.

лось. Бессвязное употребление «модных» по нашему времени словечек о «вождизме», «тоталитаризме», «диктатуре» люди наслышались, но подумать, что к чему, выяснить себе суть дела пока не сумели.

В марксистское понятие вождя входит пролетариат как класс, рабочий класс как ведущий класс, строящий социализм и коммунизм, который создает свою партию, возглавляемую наиболее талантливыми, наиболее авторитетными, наиболее умными руководителями, способными выражать действительные интересы рабочего класса, преодолевать трудности социалистического строительства, на базе марксистско-ленинской методологии рассматривать противоречия, разрешить их, вести вперед и творить созидание. Речь идет не об одной конкретной личности (класс, партия — вождь), а о личностях, умеющих вместе, применяя коллективный разум, волю, разнообразие и внутреннее единство, помогать рабочему классу превратиться из вещи в себе в вещь для всех.

Понятие лидер, лидерство — либеральное понятие, а, как известно, либерал любит говорить, боится дела, лидер — это один, он не обязан отвечать за всех, он в любой момент рискует потерять лидерство, лидер может передохнуть, отстать, затем снова выйти в лидеры, лидер набирает голоса, больше исповедует политику минуты, на это «ухлопывает» не только собственные знания и силы, но и других.

Вожди обязаны и должны не только много знать, хорошо говорить, убедительно доказывать, развивать, но и организовывать, слова воплощать в дела, видеть перспективу, закалять партию, учиться у партии, у рабочего класса, всех трудящихся, учиться у истории, выражать подлинные интересы рабочего класса.

Толковать — значит найти скрытый смысл [1]. Противники социализма под прикрытием опасности так называемого «вождизма» небезуспешно дискредитируют социализм. На эту удочку и попала партия в самом вульгарном выражении. «Бебелем нельзя родиться, Бебелем надо сделаться. Бебели не выходят готовыми, как Минерва из головы Юпитера, а создаются партией и рабочим классом»[2]. К сожалению, партия болела и была

[1] *Фрейд Зигмунд.* Введение в психоанализ/Лекции. М., 1989. С. 52.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 403.

неспособна к этому и искусственно создавала вождя, сначала из Н. С. Хрущева, потом и особенно из Л. И. Брежнева. Награждение первого тремя звездочками Героя, второго — пятью, организация вокруг них своеобразной клоаки потрясло глубинные моральные устои партии. Можно предположить, что и Хрущев, и Брежнев — участники войны, а на ней они не были удостоены звания Героя, но, добравшись до власти, для собственного утешения вполне наверстали упущенное, что называется с гаком. Размышляя над этим феноменом, трудно удержаться и от сравнения его с интересным историческим фактом. «Был герой,— восклицает Парвус по поводу Гапона,— но не было политического руководителя, не было программы действий, не было организации»[1]. В нашем случае была Программа, но неверная, была организация, но такие герои привели ее к разложению, политическому перерождению.

Награды сыпались как из рога изобилия и другим партийным работникам. Иной первый секретарь партийного комитета имел десять и более орденов Ленина. Это превращалось в абсурд, награждали по разнарядке, возили мешками награды, а дела или не шли, или шли вспять. Беспредельная крайность в награждениях была большой бедой, но это еще не вся беда. Провозглашение Л. И. Брежнева «верным ленинцем», постоянная ссылка на него в научных трудах не только не повышали роли партии, а дискредитировали ее, помогали тем, кто хотел ее разрушить. Известно, что «всякая фальшь в позиции какой-нибудь партии приводит эту партию немедленно к месту по ее заслугам»[2]. К тому же на местах первые секретари республиканских, краевых, областных, районных партийных комитетов не только пели дифирамбы «верному ленинцу», вроде того, как попы провозглашают иногда «аллилуйя», «аллилуйя», но и сами для себя создавали такой имидж, становились «дорогим», «уважаемым» (позже их назвали «князьками»), вместо того, чтобы проявлять партийную выдержку перед лестью, которая дается только принципиальностью. К сожалению, это было желательное будущее, чем осуществленное уже настоящее. Ясность и определенность нужны

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 265.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 12.

при каждом практическом шаге, и они обусловливают определенность и отсутствие колебаний в настоящем, практическом деле. Но тогда вступали на политическую сцену многие лица, которые держались мнения, что лозунги, аплодисменты, красные стяги, кумач, политика минуты, успех ее повышают роль партии. Это было глубоко ошибочно, это мнение, эти рассуждения были применимы к собутыльникам, чем к партийцам. Кажущаяся более высокой или более удобной и более «дипломатической» внутрипартийная позиция на самом деле являлась лишь неясной, смутной и неизбежно чреватой непоследовательностями и колебаниями в практической деятельности.

Несмотря на то, что дома, мягко говоря, было не все в порядке, руководство КПСС претендовало на роль учителя братских партий социалистического содружества, выдавая свой доморощенный опыт за образец социализма. Хотя на этот счет имелось серьезное предупреждение: «было бы смешно выставлять нашу революцию каким-то идеалом для всех стран», воображать, что она сделала целый ряд гениальных открытий и ввела кучу социалистических новшеств... У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет. Если мы будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны»[1]. Это было сказано во время первых шагов социализма. Если иметь в виду, что 60—70 лет в мировом измерении не так давно, методологически ленинская позиция верна и актуальна и в настоящее время. Действительно, хвалиться было нечем, но мы «корчили из себя», пыхтели, надувались, поучали. Как знать, если бы не было этого контроля и поучений, братские партии, быть может, многого или большего добились бы. Рецидивы такого подхода — военное вторжение в Чехословакию, события в Польше, сюда же можно отнести Афганистан. А как поучали коммунистов капиталистических стран! Гонка вооружений под покровом достижения военного паритета с Западом, которая выматывала страну! Конечно, надо держать порох сухим, но ведь надо знать все-таки меру.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 180.

Думается, здесь не обошлось без паразитирования на психологии советских людей, которые помнят страшные уроки прошлой войны, всегда ради безопасности готовы потерпеть и отдать последнее. Такова природа руководителей, зараженных мелкобуржуазной психологией, которые в целях самосохранения идут на все. Кстати, уместно сказать, что за выдающимися достижениями военного паритета с США стоит самоотверженный труд всего советского народа, научно-технической мысли, и то, что народ сумел достичь этого, опять-таки демонстрирует мощный потенциал социализма, который при правильном политическом руководстве можно и нужно использовать в созидательной экономической, социальной и других областях жизни.

Было бы неправильным считать, что руководство не видело кризисного состояния экономики. Брежневское руководство партии пыталось преодолеть его бесчисленными постановлениями и резолюциями, которые шли не от жизни и озадачивали всех и вся. Но даже дельные решения не воплощались в жизнь из-за слабости партии, не умеющей взять в руки ситуацию. Особенно в руководящих органах партии медленно, но неуклонно росло число лиц, неспособных разрешить противоречия жизни. Многие из таких людей переводились на работу в государственные и другие органы, которые в свою очередь также слабели, понижалась их компетентность, деловитость. Вот и получалось: как будто много трудились, особенно в написании бумаг, а ожидаемого эффекта не было. Жизнь, практика как бы говорили, что марксистско-ленинская партия это такая штука, что объективные закономерности ее развития на то и объективны, на то и закономерны, что при их нарушении наступает наказание. Тут уж не могут помочь ни словесное признание марксизма-ленинизма, ни массовость, ни многомиллионность партии, ни пустое провозглашение организационных принципов партийного строительства, ни искусственное инспирирование критики, самокритики и многое другое. Партия — живой, сложный, политический организм, очень чувствительный как к заморозку, холоду, выражающемуся в догматизме, консерватизме, так и к потеплению, оттепели, выражающимся в зазнайстве, самодовольстве, которые приводят партию к политическому разложению и перерождению. При таком заболевании

партия не может даже выбрать врачей, действительных партийных руководителей, которые смогли бы ее лечить, поддерживать ее здоровье, а воспроизводит таких врачей, таких «лидеров», которые переводят эту болезнь в гангрену, убивают партию как политическую величину, политическую руководящую силу.

В партийных верхах и научных кругах господствовало тогда мнение, что только в капиталистических странах партии возникают и исчезают, перерождаются, а вот в условиях социализма такого быть не может. Вот и упражнялись в восхвалении партии, этим занимались кафедры и подкафедры партийного строительства, группы и подгруппы, научные симпозиумы и конференции, «круглые столы» и «прямые эфиры», семинары и лекции. Говорят, ученых не слушали и не слышали, но что-то не видно ранее «запрещенного» труда... Предстоит выяснить роль науки, ученых в перерождении партии, уяснить, что такое апологетика в общественных науках, честности и бесчестности, предстоит выяснить, что может себе позволить ученый в «развитии» марксизма-ленинизма, что не может и не должен позволять себе и другим.

КОНЕЦ НАЧАЛА

После кончины Л. И. Брежнева, думается, только Ю. В. Андропов был близок к пониманию действительных истоков и причин кризисного развития партии и общества. Это он успел выразить, хотя и тезисно, в известной своей статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». Приход к руководству партии М. С. Горбачева — результат прежде всего допущенных грубых ошибок в формировании Политбюро ЦК КПСС, где оказались люди только пенсионного возраста, и непредвиденного случая, когда за три года умерло подряд три генеральных секретаря ЦК. Этот прискорбный факт сам по себе ярко выражал глубокую болезнь массовой, многомиллионной партии. Случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Просто в том составе руководства больше некого было избирать, кроме Горбачева.

Были ли в истории деятели типа Горбачева? Были. Обратимся к маленькой ленинской заметке под названием «Карьера», написанной еще 18 августа 1912 г.: «Недавно умерший миллионер, издатель «Нового времени», А. С. Суворин, историей своей жизни отразил и выразил очень интересный период в истории всего русского буржуазного общества.

Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути,— миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути. Разве это не типично для *массы* «образованных» и «интеллигентных» представителей так называемого общества? Не все, конечно, играют в ренегатство с такой бешеной удачей, чтобы становиться миллионерами, но девять десятых, если не девяносто девять сотых — играют именно такую же самую игру в ренегатство, *начиная* радикальными студентами, *кончая* «доходными местечками» той или иной службы, той или иной аферы»[1].

Воистину Ленин, как говорится, как в воду глядел. И Горбачев историей своей жизни отразил и выразил уже период «развитого социализма», или «развернутого

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 43.

строительства коммунизма». Крестьянин, механизатор-комбайнер, за плечами два вуза, юрист, агроном-экономист, говорят, был радикальным студентом. Начал свою карьеру в хрущевские времена, в 1955 г., с комсомольской и партийной работы, занимал все важные партийные посты в Ставропольском крае, затем — член Политбюро и Генеральный секретарь ЦК КПСС. Если учесть кризисное развитие партии в сторону перерождения в этот период, то можно себе представить и понять, кто, с какими личными политическими качествами мог сделать такую карьеру. Из бывшего коммуниста в конце этой карьеры он превратился в доморощенного миллионера (вместо золотых звезд он выбрал Нобелевскую премию. Свое «новое мышление» в различном виде издавал прежде всего за границей, за валюту), превратился в самодовольного и бесстыдного хвалителя буржуазии, пресмыкающегося перед всяким представителем власть имущих, закончив карьеру в так называемом фонде своего имени.

Таким образом, на плодородной почве юга страны, на черноморских пляжах «партия всего народа» взрастила своего похоронщика, которому были чужды интересы рабочего класса, колхозного крестьянства, трудовой интеллигенции, который не случайно, а закономерно отказался от классовых интересов и заменил их на так называемые «общечеловеческие», начав за здравие «социальной справедливости», кончив за упокой —«справедливостью» богатых над бедными, имущих над неимущими. Нет, не простил сын крестьянина, внук кулака, на что опрометчиво надеялся в свое время Бухарин [1]. И ближайшее его окружение, лидеры демократов, начав радикальными студентами, играли с такой бешеной удачей и закончили эту игру в доходных тепленьких местечках, превратившись в доморощенных необуржуа.

Между прочим, плохую службу сыграла и сложившаяся порочная традиция восхвалять каждого нового главу, вопреки, скажем, мудрой пословице: не хвали утро, пока не настанет вечер. Хотя первые шаги Горбачева и получили поддержку, но умных людей многое настораживало. Вот, например, под его руководством как члена Политбюро была разработана так называе-

[1] *Бухарин И. Н.* Указ. работа. С. 133.

мая Продовольственая программа, которая была далека от реальностей, хотя и подавалась с помпой. Что касается вскрытия допущенных ошибок, то они уже лежали на поверхности и пласты их были взрыхлены до него уже Андроповым и Черненко, оставалось только умело их преподнести. Есть основание полагать, что причины кризиса еще глубже, допущенные подлинные ошибки и преступления еще предстоит выяснить.

Что касается политики *ускорения,* когда обещалась каждой семье отдельная квартира к 2000 году, это было ничто иное, как новый вариант хрущевского коммунизма к 1980 г., антиалкогольная кампания — хрущевское насаждение кукурузы, конверсия в военной области — хрущевское разрушение армии, поспешный возврат вооруженных сил из стран социалистического содружества и Афганистана — хрущевский и брежневский ввод их туда, только наоборот, концепция «правового государства»— брежневский «развитой социализм». Как говорится, был «рецепт простой, издавна излюбленный людьми, которые никогда не грешили ни единой самостоятельной мыслишкой: взять противоположные взгляды, смешать вместе и разделить пополам!»[1].

Особенно примитивное убожество было выдано за историческо-творческое богатство в новой редакции Программы партии, разработанной под руководством Горбачева, принятой XXVII съездом КПСС в 1986 году. Не говоря уже о проекте Программы партии, которая была опубликована, но в силу известных причин не обсуждалась, которая запутывала все и вся, выдавая с головой его авторов.

Поражает сходство приемов, методов этого запутывания. Если в хрущеской Программе партии рисовалась радужная идиллическая картина коммунизма, заботливо перенесенная в новую ее редакцию, то на XXVIII съезде уже рисуется подобная же картина, но так называемой современной концепции социализма. В нашем понимании, говорится в его программном заявлении, гуманный, демократический социализм — это общество, в котором целью общественного развития является чело-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 233.

век; для него создаются условия жизни и труда, достойные современной цивилизации; преодолевается отчуждение человека от политической власти, созданных им материальных и духовных ценностей, обеспечивается его активное включение в общественные процессы; на основе многообразных форм собственности и хозяйствования обеспечиваются превращение трудящихся в хозяев производства, сильная мотивация высокопроизводительного труда, наилучшие условия для прогресса производительных сил, рационального природоиспользования; гарантируется социальная справедливость и социальная защищенность трудящихся; единственным источником власти является суверенная воля народа, государство, подконтрольное обществу, гарантирует защиту прав и свобод, чести и достоинства человека независимо от его социального положения, пола и возраста, национальной принадлежности и вероисповедания; осуществляется свободное соревнование всех общественно-политических сил, действующих в рамках закона. Это общество, которое последовательно выступает за мирное и равноправное сотрудничество между народами, уважение прав каждого народа определять свою судьбу.

Как говорится, искушение прослыть одаренным талантом предвидения, предвосхищения — сладостная сила, которая не дает покоя амбициозным политикам в одежде «радетелей» народа. Нет сомнения, что эти и другие материалы станут назиданием потомкам настоящих коммунистов как не следует поступать, станут печальными памятниками оппортунизма.

В этом-то и была соль, в этом и состоит трагикомедия КПСС. Мертвое хватало за живое. Еще с хрущевских времен отвергнутые на деле жизнью прожектерство, невыполнимые обещания, сданные фактически в архив «пункты» разных резолюций, решений и постановлений, указаний и директив, возрожденные в новых условиях, если не по букве, то по духу, положения неверной партийной программы, нерадужная действительность служили службу только оппонентам партии, помогали душить ее. Почему? Потому что ошибки и искривления хрущевской «левизны» изображали историю партии в превратном свете, облегчали правым дискредитировать партию. Они стали той самой элементарной почвой, удобренной критикой «культа личности», на базе которой и

разыгралась борьба правых, выдававших себя за левых, против партии.

К этому партия не была готова, не была способна, она даже не понимала, что происходит. И уже с XIX Всесоюзной партийной конференции ушла вправо, а XXVIII съезд закрепил этот пагубный курс. Что интересно, хотя XIX Всесоюзная партийная конференция была совещательной, а не решающей, должна была не заменять съезд, а подготовить его, не разрешать вопросы, а ярче и точнее поставить их, не закрыть, не затушевать внутрипартийную борьбу, а направить ее, сделать более цельной, идейной; она ни с одной из этих задач не справилась. К тому же подготовка ее велась в истеричной форме, у людей создавалось впечатление, насаждалось ожидание, что конференция или всех осчастливит, или после нее наступит конец света. Ни того, ни другого не случилось, не могло случиться, но авторитет партии все падал и падал, в обществе росло антипартийное настроение, так как политика имеет свою объективную логику, независимую от предначертаний тех или иных лиц или партий. Все запутались, все дипломатничали, пытались критиковать руководство, не понимая, не зная, не имея мужества признаться, что когда наступит час, надо вести принципиальную политику, твердо и непримиримо отстаивая принципы, вытекающие прежде всего из интересов рабочего класса, колхозного крестьянства, привлекая их к себе силой своей самостоятельности, выдержанности, твердости.

Горбачевское руководство успокаивало и твердило о каком-то повороте, но, как говорили в давние времена марксисты, этот поворот был не исторический, а истерический, и на деле оказался поворотом в тупик. От критики партии перешли к ее шельмованию, разрушению, дьяволом стал не только Сталин, но и Ленин, и Маркс, и Энгельс. Догматизм, застой, дурман, наваждение, бюрократизм, дьяволиада, аморализм, паралич, страх, кризис, откат, мертвящее бездействие, суетливое пенкоснимательство, спекулятивный мазохизм, каток извращенной классовости, старая парадигма, социальный каннибализм, геростратство, иудин грех, святоинквизиторство — неслось из уст «архитекторов» перестройки. Перл за перлом выдавал «идеолог» перестройки А. Яковлев, в частности: «Гегель, между прочим, свою спираль раз-

вития строил на эвклидовых постулатах с их трехмерностью и не мог знать, что в четвертом измерении историческое время может течь и в ту, и в иную сторону. Маркс и Энгельс понятия не имели, что время есть искривление пространства, а Ленин, что время есть скорость передачи информации; материя в любом виде — это оболочка информации»[1]. Чем не гениально, чем не новый гений...? Выходило нечто вроде того, что социализм, коммунизм виноваты в нужде и упадке. Под аккомпанементы и словоизвержения о «чистой» демократии, подлинной свободе, гуманизме началась под лозунгом «Так жить нельзя» настоящая классовая борьба, «упраздненная» в свое время хрущевской «оттепелью» и Программой партии образца 1961 года. Ее вели, взбираясь на трибуну журналистики, митингов, конференций и всякую иную, в форме якобы исторического, ретроспективного рассуждения или обзора событий, вели яростно, ругая, оплевывая партию, отрекаясь от нее.

Вновь сбылось ленинское предвидение, что «в такие исторические эпохи, когда это случается, либералы могут принести (и приносят) величайший вред всему общественному развитию, если им удается выдать себя за демократов, ибо разница между теми и другими, либералами и демократами, как раз в том, что первые боятся «занять место», а вторые не боятся этого. И те и другие осуществляют исторически назревшее буржуазное преобразование, но одни боятся осуществить его, тормозят его своей боязнью, другие — разделяя нередко массу иллюзий насчет последствий буржуазного преобразования — вкладывают все свои силы и всю душу в его осуществление»[2].

Встает вопрос, откуда вдруг в стране взялись либералы, «демократы», как тогда называли их неформалы? Когда Горбачев и иже с ним в разрушении государственной власти и партии шли дальше, дальше и дальше, на политическую арену уже мощно вступили новые силы, силы новой «советской» крупной (теневая экономика) и мелкой (наиболее состоятельная часть интеллигенции, которая ничего не забыла, имела свой счет к советской

---

[1] Ж. Коммунист Советской Латвии. 1988, № 9. С. 51.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 154—155.

власти) буржуазии, которая вывелась под крылышком «развитого социализма», прошла сквозь огонь, воду и медные трубы, знала все ходы и выходы в советском строе и потому была готова к атаке на партию и социализм.

Это были те, которые под предводительством Хрущева начали разрушать социализм, как они позже называли себя «поколение шестидесятых», те, которые подвизались в окружении дряхлеющего брежневского руководства, сочиняя ему все, что их душе угодно, те, которые выращивались в «теплицах» и «оранжереях» военно-промышленного комплекса, те, которые десятилетиями находились за границей в качестве послов, торговых и других атташе, журналистов, накапливали валюту (СКВ) и наживались у себя дома, где было все дешево, особенно в спецмагазинах типа «Березка» и в комиссионках, сдавая заграничный «дефицит» и получая большие барыши, те, которые наживались даже на афганской войне, звезды «любительского» спорта, театра, кино, эстрады, у кого звездная болезнь перешла в спидовую политическую, те, которые через одноразовые шприцы, через подоспевший СПИД сделали себе карьеру, те, которые с молоком матери всосали ненависть ко всему советскому, те, которые из «культа личности» сделали орудие политического реванша, те, которые получали зарплату за контрразведку, а по совместительству занимались «разведкой» в партии, в правительстве, в национальных и межнациональных отношениях, в органах и вооруженных силах, те, которые были действительными авторами нового политического мышления и перестройки, заказали эту «музыку» хаоса порядка, порядка похорон ненавистной им партии, те, которые до поры до времени были тихими, послушными, «интеллигентными», почти святыми, прославляющими коммунизм, шумно критикующими капитализм и т. д.

Она, эта «советская» буржуазия, себя своим именем не называла, так как в том и была суть, которую пророчески открыл Ленин еще в 1905 г. в своей статье «Революционная борьба и либеральное маклерство»: «В том то и суть, что *нельзя* господам буржуа называть себя теперь же своим настоящим именем. Это невозможно настолько же, насколько невозможно нагишом выйти на улицу. Нельзя открыто сказать правды, нель-

зя громко aussprechen was ist (сказать то, что есть), потому что это равносильно признанию одной из самых диких и вредных политических привилегий, равносильно признанию своего *анти*демократизма. Признать же это борющаяся за политическую свободу буржуазия не может не только потому, что это уже очень срамно, конфузно и неприлично. Нет, ни перед каким неприличием не остановятся люди буржуазной политики, раз потребуют этого их интересы. Но сейчас их *интересы* требуют свободы, а свободы нельзя добыть *без народа,* а поддержку народа нельзя обеспечить себе, не называя себя «демократом»...»[1].

Вещие слова, вещий вывод. Вот откуда взялись «демократы», вот откуда взялись новые левые, доказывающие, «что он левый, скрывающийся за революционной фразой, а на деле восстающий против Советской власти»[2], вот откуда пошла путаница правых и левых. Вот откуда пошли названия их партий с непременными словами «демократический», «народный» и прочее, напоминая известное изречение: язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Такие названия были придуманы для того, чтобы скрыть буржуазный характер партий. И идея гуманного, демократического социализма, на которое клюнуло руководство КПСС, подсунута этими силами и взята из этого источника.

Тогда власть была еще советской. Поэтому надо говорить, что власть должен взять в свои руки народ. Поэтому надо называться демократом. Анализ показывает, что наиболее умные и образованные «совбуры» хорошо знают марксизм-ленинизм, во всяком случае глубокое содержание вышеназванной статьи, умело использовали его в своих целях, в отличие от партократов, которые не имея этого знания и умения, были далеки от понимания реальной политики, действительной стратегии и тактики своих оппонентов. «Совбуры» не только применяли в своих целях марксизм-ленинизм, но и вовсю заимствовали идеи Троцкого, Бернштейна, Каутского, Бердяева, Богданова, Бухарина, Каменева, Зиновьева, Томского и других, современных буржуазных идеологов Бжезинского, Коэна, Киссинджера и т. п., знали и при-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 259.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 17.

меняли с блеском, с напором, отчаянно, умело. Об этом свидетельствуют факты.

Так, А. Яковлев в одном из выступлений заявил, что развивающийся процесс в обществе пойдет дальше «с партией или без нее», вызвав замешательство среди партийной номенклатуры. А эта идея взята из в свое время высказанной Бухариным мысли, что меньшевики считают: «что тем или иным путем, через партию большевиков или помимо этой партии, по ее инициативе или против ее воли, с сохранением ее у власти и перерождением или с ниспровержением ее,— прокладывает себе дорогу новый капитализм...»[1]. Как видим, в этой фразе изложена была целая программа действий. Это применялось и в публицистике. Такой прием использовался и в научных трудах, толстых и тонких, авторами которых были академики, доктора и кандидаты наук. Скажем, у Бухарина была твердая позиция в отношении государства в СССР, диктатуры пролетариата. В частности, это выражалось в его твердой аргументированной защите именно государственной власти как диктатуры пролетариата, вплоть до отмирания классов, в том, что «необходимость нового типа государства отлично понималась Марксом и Энгельсом. Именно поэтому они и стояли не на точке зрения завоевания буржуазного государства (в том числе и демократии, гражданин Каутский!), а на точке зрения взрыва (Sprengyng), ломки (Zerbrechen) государственной машины. Они с величайшим презрением относились к «государственному хламу», к «народному государству («Volkstaet»), о котором так заботились оппортунисты»[2]. В этих произведениях Бухарина красной нитью проходит его твердая позиция необходимости власти диктатуры пролетариата в период социалистического и коммунистического строительства.

Ан нет. Когда потребовали интересы, «совбуры» переиначили и своего якобы любимого Бухарина. Это переиначение сделано в книге «На пороге кризиса»... «В тексте Конституции СССР 1977 г. получила свое отражение концепция общенародного государства, провозглашенная в третьей Программе КПСС. Идея общена-

---

[1] *Бухарин Н. И.* Указ. работа. С. 295.

[2] *Бухарин Н. И.* Указ. работа. С. 19. Здесь Бухарин делает ссылку: «Это чрезвычайно существенная сторона дела блестяще изложена у тов. Ленина: «Государство и революция».

родного социалистического государства имеет свою историю. Марксисты всегда считали, что государство в переходный период от капитализма к социализму должно быть государством диктатуры пролетариата. В первой Советской Конституции — Конституции РСФСР 1918 г.— говорилось, что диктатура пролетариата рассчитана лишь на переходный период от капитализма к социализму. Но тогда, на заре Советской власти, считалось, что с построением социализма не будет классов, а следовательно, и государство будет не нужно, и государство диктатуры пролетариата отомрет. Идея отмирания государства по мере построения социализма прямо связалась с надеждами на то, что к моменту торжества социализма в нашей стране социалистическая революция произойдет, если не в мировом масштабе, то хотя бы в ряде ведущих капиталистических государств. В этом случае исчезнет капиталистическое окружение. Однако история развивалась по-иному. Когда в середине 20-х годов стало окончательно ясно, что социализм придется строить в капиталистическом окружении, в одной, отдельно взятой стране, возник и вопрос о дальнейшей судьбе государства в условиях победившего социализма.

В связи с тем, что XVII съезд партии провозгласил победу социализма в нашей стране, вновь приобрел остроту вопрос о дальнейшей судьбе социалистического государства. Некоторые партийные и государственные деятели и часть ученых теоретиков, разделяя господствующую в марксистской теории точку зрения, в соответствии с которой социалистическое государство мыслилось только как диктатура пролетариата, считали, коль скоро с победой социализма исчезли эксплуататорские классы (объект классового подавления), то речь должна идти о затухании классовой борьбы, об укреплении гражданского мира и консолидации советского общества якобы бесклассового. А это, в свою очередь, рассматривалось как расширение социальной базы для развития советской демократии, социалистического самоуправления народа и начала предсказанного классиками марксизма-ленинизма процесса отмирания государства.

На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 года Сталин обрушился на тех, кто говорил о «затухании классовой борьбы и об укреплении гражданского мира в стране, против чрезвычайных мер, свя-

зывая это с соединением бесклассового общества и началом процесса отмирания государства»[1].

Но не все даже в условиях террора 30-х годов думали так, как Сталин. Об этом свидетельствует представленный Н. Бухариным в конце 1935 г. в конституционную комиссию проект раздела Конституции о правах и обязанностях работников социалистического общества. В этом проекте была разработана структура всей советской политической системы, причем особое внимание обращалось на развитие гражданского общества, начал общественного самоуправления. Учитывая официальное осуждение январским (1933 г.) объединенным Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) тезиса об отмирании государства, Бухарин в своем проекте этот тезис не упоминает. Но он пытается переосмыслить само понятие социалистического государства. В проект он включил статью, в которой говорилось: «В верховных органах государства воплощается общенародная воля работников социалистического общества, а через них осуществляется верховенство социалистического народа». Таким образом высшие органы социалистического государства, по мысли Бухарина, выражали уже не классовую волю рабочего класса, что характерно было для государства диктатуры пролетариата, а общенародную волю всех членов социалистического общества. Следовательно, можно сделать вывод, что Бухарин вплотную подошел к тезису о социалистическом общенародном государстве, хотя в развернутом виде и не сформулировал его.

Таким образом, хотя в 20—30-е годы идея общенародного социалистического государства уже в том или ином виде высказывалась, но четко сформулирована так и не была. Она была впервые сформулирована и закреплена в Программе партии, принятой XXII съездом, и в ее новой редакции, одобренной XXVII съездом КПСС[2].

Вот так. Эта тирада наглядно демонстрирует, когда требуют интересы, все идет в ход, если даже в избранных произведениях Бухарина ничего подобного нет, то надо придумать якобы проект общенародного социалистического государства, за него домыслить, вплотную подойти к тезису о таком государстве, хотя в разверну-

---

[1] Цит. по кн. *И. Сталин.* Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 210.

[2] На пороге кризиса... С. 136—138.

том виде и не сформулировав его. Как говорится, проект есть проект, тем более установить, был ли он в природе, практически невозможно. А дело идет, наступил их звездный час, их детище — общенародное государство — ослабело настолько, что еще немного и развалится. Так ведь и случилось. Новая власть сразу упразднила его, называя государство уже не властью, а союзными структурами, и в тот момент (народ особенно об этом не сожалел), никто за него не заступился. Подтвердились наихудшие опасения и предвидения классиков, многократно обосновавших и предупреждавших, что в социалистическом обществе, творческой, компетентной, крепкой, твердой и сильной властью может быть только власть рабочего класса и никакая иная. Только власть, не на словах, а на деле, выражающая интересы рабочего класса и действительно, на деле поддерживаемая рабочим классом, может успешно вести социалистическое строительство по пути к коммунизму. Но люди, называвшие себя марксистами-ленинцами, не захотели следовать им. Получалось, что виноват марксизм, виноват ленинизм и тому подобное.

В этой же книге, так сказать, по горячим следам, утверждается: «В настоящее время в стране прошла острая дискуссия по поводу шестой статьи Конституции СССР и она была исключена из действующей Конституции. Опять передержка. На самом деле эта шестая статья была не исключена, а сохранена, но изменена, а именно: «КПСС, другие политические партии, а также профсоюзные... организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами». Значит, партия должна была законно участвовать во всех делах. А под предлогом, что шестая статья исключена, отменена, КПСС на самом деле за три года до своей гибели фактически была отстранена от всех дел, в обществе же клеймили партию, под лозунгами «коммунисты — в окопах», «коммунисты — консерваторы», под флагом деидеологизации, деполитизации, департизации — все валили на коммунистов, как на мертвых. А коммунисты никак не могли освободиться, в частности, от «синдрома боязни ошибок», возникшего в пору, когда господствовало мнение, что партия

никогда не ошибается, она изрекает истины в последней инстанции.

Дела не шли, а внимание общественности было переведено на выяснение проблем 30—40-х годов... В конце 80-х годов известная внушительная группа историков, экономистов, журналистов и других «обиженных», вкусивших «сладости» публицистики (по мнению американских ученых сейчас публицистика стала ведущим средством влияния на людей) еще в период хрущевской «оттепели», на сей раз перешли уже от критики к яростному шельмованию всей истории революции, Советской власти, коммунистов, всей партии, вовсю нажимая на эмоциональное и объективистское начало, подхваливая, подбадривая друг друга. Образчиком такого подхода могут служить книги «Что это было?»[1] и «Цена Победы»[2], книги, залпом выпущенные в эти годы. Не обошлись они без приемов старого российского оппортунизма. Ленин в статье «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве» в 1911 г., критикуя Ларина и Мартова, писал: «Ведь этим вы вполне доказываете, что для вас ссылка на «принципиальную» вашу вражду к «принципиальному реформизму» есть та божба, которой торгаш сопровождает свои уверения: «верьте, как на духу скажу, себе дороже». Верьте, как на духу скажу: принципиальный реформизм я осуждаю...»[3].

Старые все это истины. Но они вечно новы и остаются новыми, когда приходится читать в книге «Что это было?» такие строки: «Нам, правда, еще неизвестны точные цифры. Но принципиальный масштаб явления ясен. А здесь пусть читатель поверит нам на слово: на протяжении всей четверти века... число заключенных, ссыльных, переселенцев всегда составляло многие миллионы людей»[4].

Расчет, как видим, простой. Как и в давние времена божбам, обещаниям, заверениям, клятвам, словам пусть верят политические младенцы — и так пройдет. И проходило, и верили, и включались в фальшивый хор. Вообще, складывается впечатление, что если американцы преуспели в делании фильмов-ужасов, то доморощенные

[1] *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Что это было? М., 1989.
[2] *Соколов Б.* Цена победы. М., 1991.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 199, 200.
[4] *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Указ. работа. С. 102.

«совбуржуа» преуспели в создании черной литературы ужасов... Революции и войны без жертв не бывают, победы даром не даются. И паразитирование, гнусное наживание на этих жертвах, видимо, войдет в историю как акты интеллектуального вандализма и мракобесия. У этих «писателей» нет ничего святого, кроме патологической ненависти к социализму. И вот история теперь со злобной иронией, которая истории свойственна, дошла до того, что после разоблачения лицемерия «новой» власти пришла очередь «публицистов-писателей», которые разоблачили себя до конца.

Потом, по мере того, как дело было сделано, эти «крушители» системы, их дети и внуки, «родня» антисталинской мафии, горбачевской перестройки быстро сориентировались, некоторые из них предусмотрительно перебрались за океан.

Вот что пишет о них еженедельник «Гласность»: «56-летний Сергей Хрущев, сын бывшего советского руководителя, казалось, был почти удивлен вопросом, почему он предпочел заниматься историческими исследованиями в Университете Брауна, а не на родине, в Москве. Как только он получил разрешение в 1989 году, так сразу же отправился в США. Сейчас Сергей с комфортом устроился здесь, получает предоставленную на год стипендию и заявляет, что не может точно сообщить, когда вернется на родину.

Сергей Хрущев — один из многих видных деятелей, использовавших в личных целях свои контакты с американскими должностными лицами, чтобы устроиться в университетах и исследовательских центрах США.

Среди них — Генрих Трофименко, бывший эксперт Института США и Канады, Федор Бурлацкий, бывший главный редактор «Литературной газеты», Роальд Сагдеев, бывший директор института космических исследований в Москве, и Серго Микоян, бывший главный редактор журнала «Латинская Америка».

Этих людей Энтони Рихтер, исполнительный директор фонда Сороса для Советского Союза, называет политическими безработными: это видные деятели, которые отстали от быстро меняющейся политической ситуации на родине.

Один из таких людей — Виталий Коротич, бывший главный редактор журнала «Огонек», который сейчас

читает лекции по журналистике в Бостонском университете. «Я думаю, мое поколение, поколение 60-х годов, включая Горбачева, Ельцина и других, выполнило свою историческую задачу,— заявил он, объясняя причины своего переезда в Америку.— Теперь нам пришло время уступить дорогу следующему поколению»[1].

Правоцентристское горбачевское руководство партии особенно наглядно подтвердило правильную мысль Иосифа Дицгена, что «из всех партий самая гнусная есть партия середины. Она пользуется образованием и демократией как поддельной этикеткой, чтобы подсунуть народу свой фальсифицированный товар и дискредитировать подлинные принципы. Правда, эти люди оправдываются тем, что они поступают по совести и в меру своего разумения; мы охотно верим, что они мало знают, но эти канальи не *хотят* ничего знать, не *хотят* ничему учиться...»[2].

И действительно, «эти канальи» не только не хотели ничего знать, а совершенно сознательно предавали политической абструкции тех, кто смел возражать, сомневаться, призывал к честности в политике. Так они поступили в отношении настоящего коммуниста Н. А. Андреевой, посмевшей в своей знаменитой статье «Не могу поступаться принципами» вскрыть действительную суть происходящего, направив на нее шквал оппортунистического огня, желчи, крепко усвоив себе «рецепт старого тургеневского пройдохи: порицай, как можно громче, то, что сам хочешь скрыть в своих поступках! Другие изменили взгляды и сами указали на это. Кричите громче против этого изменения, чтобы скрыть собственное изменение воззрений! Если нет аргументов, непременно нужно прибегать к шулерству»[3].

В смутное, подлое время раздался голос честного коммуниста. Это было целое событие. Каждый чувствовал себя не по себе, как будто его совесть была погружена в грязную воду двусмысленности и лжи. Кстати, в названии этой статьи была выражена ленинская позиция. В. И. Ленин в заключительном слове по докладу об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демо-

---

[1] Ж. Гласность. 1991, 20—25 февраля.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 402.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 262.

кратии на собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г., завершая дискуссию, говорил: «Прежде всего я хотел ответить по поводу затронутого здесь вопроса о догме. Маркс и Энгельс говорили много раз, что наше учение не догма, а руководство к действию, и я думаю, мы должны это прежде всего и больше всего иметь в виду.

Учение Маркса и Энгельса не догма, которую мы заучиваем. Его нужно принять как руководство к действию. Это мы говорили всегда, и я думаю целесообразно действовали, никогда не впадая в оппортунизм, а видоизменяли тактику... Я говорил и еще и еще раз повторяю, что это учение является не догмой, а руководством к действию... Разумеется, мы никогда не поступимся нашими принципами»[1].

Вот почему «эти канальи» возненавидели Н. А. Андрееву, вот почему они через короткий промежуток времени заговорили о якобы обожествлении классиков, а к концу своего гнусного неправого дела объявили марксизм-ленинизм догмой, утопией и в конце концов друг за дружкой отказались от него, дискредитировали подлинные марксистско-ленинские принципы, искусственно создав мнимую демократию, выдумав мнимый плюрализм, подсунув народу свой фальсифицированный, политический товар, заменив социализм — тоталитаризмом, или социалистическим выбором, на словах собираясь вести хрущевский, брежневский, горбачевский и иже с ними мелкобуржуазный социализм — к гуманному, демократическому. Говорят, что они хотели сделать как лучше, собирались действительно вести народ к демократическому социализму, но в силу сложившихся обстоятельств, так сказать, идя в одну дверь, попали в другую. Это плод неправильных рассуждений, и он не может служить их оправданием, оправданием современных оппортунистов, они заслуживают такой же оценки, которая давалась многочисленным оппортунистам в истории революционного движения, в частности, одному из прежних оппортунистов, в данной ленинской оценке: «Радек держит себя в политике как тышкинский торгаш, наглый, нахальный... Если Радек *не* понимал, *что* он

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 225.

делает, тогда он дурачок. Если понимал, тогда мерзавец»[1].

Старая истина стала новой: «политическим одиночкам, политическим авантюристам, политическим Маниловым свойственно отказываться от партийности и говорить напыщенные слова о партийной «узости», «шаблонности», нетерпимости и т. д. и т. п. На самом же деле подобные слова отражают лишь смешное и жалкое самомнение или самооправдание оторванных от массы и чувствующих необходимость прикрыть свою слабость интеллигентов. Политику в серьезном смысле слова могут делать только *массы,* а масса беспартийная и не идущая за крепкой партией есть масса распыленная, бессознательная, не способная к выдержке и превращающаяся в игрушку ловких политиканов, которые являются всегда «вовремя» из господствующих классов для использования «подходящих» случаев»[2].

Ход событий подтвердил и такое фундаментальное ленинское положение: «Различны задачи соглашения со средним крестьянином, с мелкобуржуазными элементами, с кооператорами. Видоизменения будет переживать эта задача, если мы будем ставить ее по отношению к тем союзам, которые сохранили мелкобуржуазные традиции и привычки. Еще некоторые видоизменения эта задача переживает, если мы говорим о мелкобуржуазной интеллигенции... Мы знаем, что строить социализм можно только из элементов крупнокапиталистической культуры, и интеллигенция есть такой элемент. Если нам приходилось с ней беспощадно бороться, то к этому нас не коммунизм обязывал, а тот ход событий, который всех «демократов» и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул. Теперь явилась возможность использовать эту интеллигенцию для социализма, ту интеллигенцию, которая не социалистична, которая никогда не будет коммунистичной, но которую сейчас объективный ход событий и соотношений настраивает по отношению к нам нейтрально, по-соседски. Опираться на интеллигенцию мы не будем никогда, а будем опираться только на авангард пролетариата, ведущего за собой всех пролетариев и всю деревенскую бедноту.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 330—331.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 66.

Другой опоры у партии коммунистов быть не может»[1].

Конечно, коммунизм никогда не обязывал вести постоянную борьбу с интеллигенцией, тем более в социалистическом обществе. Конечно, разлагающаяся и перерождающаяся партийная номенклатура своими преступными действиями оттолкнула от партии часть интеллигенции, которая при мелкобуржуазном социализме, детище «партии всего народа», была уже не только не коммунистичной, но и не социалистичной, уже не мечтала, а пошла на опрокидывание социализма, хотя мелкобуржуазного, но социализма, благо переродившееся руководство партии вовсю ее поддерживало, выраженное в горбачевском лозунге «процесс пошел». Ведь это руководство партии, несмотря на настоятельные требования, так и не собрало съезда рабочих, хотя вынужденно, иногда мельком, вспоминало о них, а вот выяснить мнение рабочего класса нужды не испытывало.

В числе опрокидывателей социализма было немало литераторов, публицистов, журналистов, ополчившихся на принцип партийности литературного дела, кричавших о свободе творчества, утверждавших, что социализм превращает людей в «винтиков» и прочее. Откуда это пошло, нет ли тут лукавства, передергивания, искажения? Есть. В ленинской работе «Партийная организация и партийная литература» говорится: «В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы»[2].

Вот откуда взяты «колесики и винтики», вырванные из контекста ленинской мысли, которая продолжается

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 221.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 100—101.

дальше так: «Всякое сравнение хромает», говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся, даже пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д. и т. п. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма...»[1]

Как видим, далеко смотрел гений, так ведь и вышло, но этим не заканчивается ленинская мысль, а продолжается: «Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читатели, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобкомовского, полуторгашеского российского принципа: «писатель пописывает, читатель почитывает...»[2].

Вот что не понравилось отдельным современным ли-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 101.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 101—102.

тераторам (писателям, поэтам, режиссерам, журналистам, сценаристам и прочим, кандидатам в сверхчеловеки, пылким сторонникам свободы наживы и растления личности, истерично эксплуатировавшим проблемы «кухарки» и «рабочих». Опять же вырывая ленинское указание из контекста целой мысли: «Успокойтесь, господа!» Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинению партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему годно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то́-то и то-то. Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания»[1].

Разумеется, в начале века это ленинское представление несет печать того времени, перенос его в наше время предполагает учет его предупреждений об опасности схематизма, равнения, увлечения постановлениями, единообразия, шаблона, необходимости развить принцип партийной литературы и провести его в жизнь в возмож-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 102—104.

но более полной и цельной форме. Как раз этого добиться партийной номенклатуре не удалось, что добавило истеричности. Хотя на поверку вышло, что деятели культуры, литературы, искусства, кино, театра и другие, увы, далеко не преуспели в талантливом, правдивом показе нашей действительности за последние 30—40 лет. Настоящие литература, кино, спектакли, которые в свое время не были доступны народу, особенной новизной, проникновением в суть вещей не отличаются. О репрессиях было известно, и споры вокруг них, видимо, еще много лет будут продолжаться, все это не так однозначно, особенно на фоне действительных трагедий, происшедших за последние 5—7 лет, которые унесли в мирное время тысячи, если не миллионы жизней, когда правили не вожди, а лидеры и демократы. Кто будет отвечать за моральный и нравственный террор, господствовавший в эти годы, за трудноисправимые травмы и глубокие межи, варварски прорытые между нациями и народами, просто между людьми, под барабанный бой языкоблудов, выдававших себя за ангелов, творящих общечеловеческие ценности. Эти ценности не заключаются, к счастью, в порнографии и откровенной проповеди низменных человеческих страстей, на которые делали ставку эти ангелы. Конечно, после долгих лет пропаганды и стремления быстро сформировать человека с большой буквы, идеология маленького человека получила отклик в душах людей, истосковавшихся и уставших от прожектерства, но это не значит, что все отрицают силу духа, мужество и смелость, беззаветную преданность Отчизне, товарищу, другу, близким.

Сколько лжи и клеветы выливалось на коммунистов, на партию! Происходило то, что происходило в далеком прошлом: «Весь громадный фельетон, растянувшийся на два номера, набит сплетней и личными намеками. Тут сообщается читателю рабочему о «раздражительности» и «очаровательных остротах» одного марксиста, «сверхчеловеческих» замашках другого, «цинизме» третьего. Все споры объясняются «личными счетами», «брюзжанием из-за местничества», «борьбой за власть» в партии. А под рукой пускается слушок, достойный казенной печати, что во всем виноваты...» коммунисты, готовые «засорить головы сплетней, дрязгой, личностями и таким образом...» затуманить голову. К тому же, если «это

сплетня обозленного ренегата»[1]. «Неистовствующие, свирепствующие, бешенствующие, щелкающие зубами, обливающие нашу партию непрерывным дождем поносящих и погромных словечек, не обвиняют ни в чем нас прямо, а намекают»[2]. Так же и в настоящее время.

«Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства есть глупейший и вздорный предрассудок *помимо* уничтожения классов. Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, будто мы хотим одного человека сделать равным другим. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты — и именно основатели современного научного социализма Маркс и Энгельс — говорили: равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка интеллигента, который иногда добросовестно кривляется, вывертывает слова, а содержания нет,— пусть он называет себя писателем, иногда ученым и еще кем бы то ни было.

И вот мы говорим: мы ставим себе целью равенство как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет нашу цель. Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество. Конечно, при толковании слова социализм в известном смысле можно назвать его социалистическим, но это будет казуистика, спор о словах. Социализм — это есть первая стадия коммунизма,— но спорить о словах не стоит. Ясно одно, что пока остается классовая разница между рабочим и крестьянином, мы не можем говорить о равенстве, не остерегаясь того, чтобы не попасть, как вода на мельницу буржуазии. Крестьяне — это есть класс патриархальной эпохи, класс, воспитанный десятилетиями и столетиями рабства, и в течение всех этих десятилетий крестьянин существовал

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 115.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 324.

как *мелкий хозяин,* сначала подчиненный другим классам, потом формально свободный и равный, но *собственник и владелец предметов питания.*

И вот тут мы подходим к вопросу, который больше всего вызывает нареканий со стороны наших врагов, который больше всего родит сомнений среди неопытных и невдумывающихся людей и который больше всего отделяет нас от тех, кто желает считаться демократом, социалистом и кто обижается на нас за то, что мы его ни демократом, ни социалистом не считаем, а называем сторонником капиталистов...

Положение крестьянина таково по его быту, условиям производства, условиям его жизни, условиям его хозяйства, что крестьянин — полутрудящийся, полуспекулянт.

Это — факт. Из этого факта вы не выскочите, пока не уничтожите деньги, не уничтожите обмен. А для того, чтобы это сделать, нужны годы и годы устойчивого господства пролетариата, потому что только пролетариат способен победить буржуазию»[1].

И идея раскаяния взята оттуда, из прошлого, из рассуждений эсеров. В свое время в их газетах писали: «Позвольте, от нас ждут раскаяния; ждут, что мы будем каяться. Ни в чем, никогда! Нам каяться не в чем! Нас обвиняют в том, что мы были в блоке, в соглашении с Антантой, с империалистами. А вы, большевики, разве вы не были в соглашении с немецкими империалистами? А что такое Брест? А разве Брест не есть соглашение с империализмом? Вы соглашались с империализмом немецким в Бресте, мы соглашались с империализмом французским,— мы квиты, нам каяться не в чем!»[2]. Нет, не были квиты, лукавили они, когда наступил час, их потомки предъявили счет коммунистам и потребовали от них раскаяния.

Происходило, как в свое время описывал Бухарин: «Некоторые из особенно ретивых, особенно усердных и особенно лицемерных империалистических крикунов, в первую очередь бывшие властители дум «империалистической России», переступя все грани зоологического бешенства, договариваются до того, что считают Советскую

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 353—354.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 340—341.

власть воплощением царства «дьявола», «сатанократией». Наши социал-демократические противники с усердием, достойным лучшей участи, распространяют злостную басню, будто мы в полуазиатской стране, издревле привыкшей к восточному типу деспотии, создали режим, который ни капли не отличается от режима Хорти и Муссолини... Так, нажимая на различные клавиши, люди разыгрывают одну и ту же мелодию»[1].

Введение президентского правления, перевод Верховного Совета СССР в парламент — антиконституционные акты. Проведение выборов в инспирированной накаленной политической обстановке, когда в основном депутатами стали демократы, а рабочие и крестьяне были вышиблены из депутатского корпуса, уже говорило о «мягком перевороте», изменении природы существующего строя. Это свидетельство о полном забвении ленинских указаний, что «только рабочие Советы могут быть орудием достижения целей пролетариата, и конечно, те, кто не понял этого до сих пор, суть злейшие реакционеры, будь то самый ученый человек, самый опытный политик, самый искренний социалист, самый настоящий марксист, самый честный гражданин и семьянин»[2].

Кстати, идея президентства не нова. Еще в ноябре 1936 г. на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, когда принималась Конституция СССР, подчеркивалось: «предлагают дополнение к 48-й статье проекта Конституции, в силу которого требуют, чтобы председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР избирался не Верховным Советом СССР, а всем населением страны. Я думаю, что это дополнение неправильно, что оно не соответствует духу нашей Конституции. По системе нашей Конституции в СССР не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением, наравне с Верховным Советом, и могущего противопоставлять себя Верховному Совету. Президент в СССР коллегиальный,— это Президиум Верховного Совета, включая и председателя Президиума Верховного Совета, избираемый не всем населением, а Верховным Советом, и подотчетный Верховному Совету. Опыт истории показывает, что такое построение верховных органов

[1] *Бухарин Н. И.* Указ. работа. С. 369.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 65.

является наиболее демократическим, гарантирующим страну от нежелательных случайностей»[1]. К сожалению, этот опыт истории был проигнорирован и этим были получены не только нежелательные случайности, но и разрушена страна.

Этого тогда некоторые не понимали, но нашлись через десятилетия люди, называвшие себя коммунистами, которые, кичась своей образованностью, запутались сами и запутали других.

Верховный Совет СССР превратился в парламент, штампующий законы, которые не выполняются, царит антикоммунистическая истерия, подтверждая то, что «парламент извращается в публичный дом, где шайка буржуазных политиканов торгует оптом и в розницу «народной свободой», «либерализмом», «демократией», республиканизмом, антиклерикализмом, социализмом и всеми прочими ходкими товарами. Газета извращается в общедоступную сводницу, в орудие развращения масс, грубой лести низменным инстинктам толпы и т. д.»[2].

И все же, аргументация демократов была не всегда безупречна, как казалась. Так, в наэлектризованную общественную обстановку была подброшена идея так называемого здравого смысла, раздутая миллионными тиражами средствами массовой информации. В этом здравом смысле больше предрассудков, гнусностей «перестройки», чем рассудка, ибо, как смеялся еще Гегель: «**всякая** философия идет *дальше* «здравого смысла», ибо здравый смысл не есть философия. До Коперника было *против* здравого смысла говорить, что земля вертится»[3]. До демократов было против здравого смысла говорить: назад к старине, назад к дореволюционной России, назад к капитализму!

Опошление вопроса, производимое при помощи благовидной ссылки на простой здравый смысл в рассуждениях политологов, идеологов, апологетов необуржуа, основывается на том, что обходится молчанием особый период разрушения страны, после которого начинают строиться даже «партии здравого смысла», сочиняются стихи и наукообразные фолианты. Происходит как в «Похвале глупости» Э. Роттердамского:

---

[1] *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. С. 569.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 10.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 244.

«Впрочем, и между самими науками превыше всего ценятся те, которые ближе стоят к здравому смыслу, иначе говоря, к глупости. Ведь поэты, как говорит пословица — вольный народ, все дело которого в том и состоит, чтобы ласкать уши глупцов разной чушью и нелепыми баснями.

Из того же теста испечены и те, кто рассчитывает стяжать бессмертную славу, выпуская в свет книги. Все они очень многим мне обязаны, в особенности же те, которые марают бумагу разной чушью, ибо, кто пишет по-ученому и ждет приговора немногих знатоков, не опасаясь даже таких судей, как Персий и Лелий, тот кажется мне достойным скорее сожаления, чем зависти. Поглядите, как мучаются такие люди: прибавляют, изменяют, вычеркивают, переставляют, переделывают заново, показывают друзьям, затем, лет эдак через десять, печатают, все еще недовольные собственным трудом, и покупают ценой стольких бдений (а сон всего слаще), стольких жертв и стольких мук лишь ничтожную награду в виде одобрения нескольких тонких ценителей. Прибавьте к этому расстроенное здоровье, увядшую красоту, близорукость, а то и совершенную слепоту, бледность, завистливость, воздержание, раннюю старость, преждевременную кончину, да всего и не перечислишь. И наш мудролюб мнит себя вознагражденным за все эти тяготы, ежели похвалят его два-три таких же ученых слепца.

Напротив, сколь счастлив сожитель, послушный моим внушениям: он не станет корпеть по ночам, он записывает все, что ему взбредет на ум и окажется на кончике пера, хотя бы даже собственные свои сны, ничем не рискуя, кроме нескольких грошей, истраченных на бумагу, и зная заранее, что чем больше будет вздора в его писаниях, тем вернее угодит он большинству, то есть всем дуракам и невеждам. Что ему за дело, ежели два-три ученых, случайно прочитавших его книгу, отнесутся к нему с презрением? Что значит голос немногих умных людей в этой огромной и шумной толпе?»[1].

Так что не так уж и безобидна политика и тактика здравого смысла. Не решая старых проблем, не будучи в состоянии решить их, а следовательно, не устраняя их,

---

[1] *Роттердамский Э.* Похвала глупости. С. 72, 103—104.

идеологи здравого смысла отчаянно ругают социализм, называя его блажью, бредом, про таких нельзя не «повторить известного стиха: «они не предали, они устали свой крест нести: покинул их дух гнева и печали на полпути». Такие именно люди, которые «не только устали, но и предали»[1]. Они говорят, показывая на западные витрины: социализм это бред, а вот так называемый не любимый вами капитализм — рай — вперед к нему, господа, в борьбе, затянув покрепче пояса, проложим путь себе. Как просто, как здраво и понятно! Хотя на самом деле ничего не понятно.

Политическое положение прояснилось с поразительной быстротой. Верили горбачевскому руководству партии, верили потому, что хотелось верить, верили потому, что темно еще было ближайшее политическое будущее, верили потому, что политические сумерки оставляли место всяким двусмысленностям, всяким колебаниям, всякому всему. Потом эта вера стала рушиться на глазах. Народ устал ждать. Он не уставал ждать десятки лет, но он устал теперь в несколько месяцев. У честолюбивой оппозиции оживились старые иллюзии, казавшиеся похороненными, и появившаяся возможность реванша за прошлое одухотворяла массированную кампанию лжи, клеветы, осмеяния и издевательств, в том числе и теми, кто «заработал» в свое время на усвоенных ими обрывках марксизма кандидатские и докторские степени, высокий социальный статус и даже популярность и теперь стал зарабатывать новые деньги, новую популярность и новый статус на ожесточенной войне против марксизма, совершая все новые и новые акты политического предательства и перерождения.

В то же время взаимные упреки были только симптомом, неопровержимо свидетельствующим о крупных недостатках «механизма», о том, что несмотря на все желание «старой государственной власти», желание устроиться, ужиться, поладить, приспособиться, «приспособления» все же не выходит. Вот в чем была суть, вот где была канва. Опять старая истина становилась новой: «мелкобуржуазным демократам свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 124.

углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов примирения обеих борющихся сил вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил»[1].

Но руководство партии, партийная номенклатура жила заботами только сегодняшнего дня, отдавалась беспомощно течению — плывите, дескать, как плывется, как «все» плывут, а обобщениями насчет того, к чему это приводит и приводить должно, заниматься не следует,— не умея или не желая понять связь между «вчера» и «завтра». Это вопиющее противоречие формой и сущностью, между фразой и делом, между явно лицемерным существованием якобы коллективной партийной мысли и фактическими действиями верхушки партии вносили большое разложение в партийные ряды.

Чтобы помочь делу, надо прежде всего понять его. Этого как раз и не было. Кто был способен думать, не давая оглушать себя криком, руганью, склокой, шантажом, тот не мог не видеть, что партия гибнет. Но примиренчество и соглашательство взяло верх. Это была беда. Старая истина стала новой: «Роль примиренцев в эпоху контрреволюции может быть охарактеризована такой картиной. Большевики с великим трудом двигают вверх по крутой горе наш партийный воз. Ликвидаторы-голосовцы изо всех сил тащат его назад, под гору. *На возу* сидит примиренец. Вид у него умильный, умильный; лицо — сладенькое, сладенькое, совсем как у Иисуса Христа. Вся фигура — воплощенная добродетель»[2].

««Соглашатель» трусливо прячется, когда борьба разгорается. Когда победил революционный народ... «соглашатель» вылезает из норы, хвастливо охорашивается, языкоблудствует вовсю и кричит до исступления... Когда побеждает контрреволюция — соглашатель начинает осыпать побежденных лицемерными увещаниями и назиданиями... Одним словом, политическая совесть и политический ум «соглашателя» состоит в том, чтобы пресмыкаться пред тем, кто сейчас сильнее, чтобы путаться в ногах у борющихся, мешать то одной, то другой сто-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 272.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 352.

роне, притуплять борьбу и отуплять революционное сознание народа...»[1].

И в наши дни нашлись и ликвидаторы, и соглашатели, и «коммунисты-демократы» и другие. Разбухший «внутрипартийный плюрализм» плевал на партию, делал свое дело. «Невыносимость политического положения,— говорил Бебель,— становившаяся все более и более ясной для рабочих, отражалась, естественно, на их настроении. Все требовали перемен. Но так как не было налицо руководящих элементов, вполне сознательных, ясно видящих цель, к которой надо стремиться, и пользующихся доверием, так как не было крепкой организации, сплачивающей силы, то настроение пропало даром. Никогда движение, великолепное по своей сущности, не оканчивалось более безрезультатно. Все собрания были переполнены, и кто говорил всех резче, тот становился героем дня»...[2].

И спустя 80 лет эта старая истина продемонстрировала свою вечную свежесть, вопреки бормотаниям современных лидеров-реформистов, обижавшихся на коммунистов, на партию, которая якобы не поддается реформе, безнадежно консервативна и т. д. и некому было им показать зеркало и ответить пословицей: «На зеркало неча пенять, коли...»

Предварительный анализ приводит к мысли, что надежда меньшевиков, белогвардейцев и других врагов в 20—30 годах о перерождении сбылась в КПСС. Видимо, можно и говорить о термидорианстве Политбюро ЦК КПСС, то есть контрреволюционных его действиях. Термидорианцы, как известно, были контрреволюционерами, которые проделали после французской буржуазной революции контрреволюционный переворот. Во всяком случае много указаний именно такого поворота событий, тут и авантюризм, и «сверхчеловеческие» прыжки в политике, и «левая» и «правая» крайности, хотя и с разных концов, но привели партию к отрыву от рабочего класса и колхозного крестьянства, подорвали к ней доверие — привели к краху.

Говорят, что августовские события 1991 г. погубили КПСС. Думается, что не совсем так. Конец партии на-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 289.

[2] Цит по *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 313.

чался с выхода из нее прежде всего рабочих. Так, только в 1990 г. из миллиона выбывших половина были рабочие. Создание стачкомов было ни что иное, как недоверие к партии, мощные шахтерские забастовки потрясли устои партии, она была обречена. И «бывают такие «случаи» в политике, когда сущность известного порядка вещей обнаруживается с необыкновенной силой и ясностью как-то вдруг, по сравнительно мелкому поводу»[1]. Таким поводом (как-то вдруг) стали августовские события 1991 г., которые как молния осветили действительность ярче, чем что бы то ни было. Опять старая истина стала новой: «не признавать того, что есть — нельзя: оно само заставит себя признать»[2].

В такие дни познаются люди. Горбачев сдал партию на милость внутренней оппозиции и международного империализма. Окончательный политический итог разыгравшейся борьбы оказался таков, что несмотря на массовость, многомиллионность, несмотря на полную организационную, формальную самостоятельность, несмотря на партийную особенность, КПСС на деле оказалась не в силах наложить на ход событий печать своей партийности и самостоятельности, оказалась настолько слабой, что в общем и целом, по последнему счету, в окончательном итоге, ее политический крах стал историческим фактом. КПСС — партия всего народа — погибла, но народ особенно об этом не сожалел. Суровая правда состоит в том, что в ходе так называемой перестройки было сделано много, практически все с точки зрения достижения конца начала, положенного XX съездом КПСС, конца начала, заложенного в Программе партии образца 1961 г., конца КПСС как политической силы, действовавшей с 1952 по 1991 г.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 184.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 161.

ЖИЗНЬ УЧИТ
(вместо послесловия)

Жизнь идет через поражение партии. Жизнь пошла этим путем. И когда говорят: КПСС потерпела крах, позорное банкротство, это надо уметь понимать. Это значит: обанкротился и умер оппортунизм, ревизионизм, потерпела крах партия под названием КПСС. Новое название партии, новая ее программа, тактика и практика привели ее к гибели. 1952 и 1961 гг. породили 1982—1991. Колесо истории (истории оппортунизма) сделало еще один оборот.

Когда говорят, что за социализм, что за Союз, которые развалились за три года,— это, по крайней мере, неточно. Точнее вести отсчет с XX съезда. В эти тридцать лет шло постепенное, но неуклонное подтачивание социализма, его вульгаризирование, искажение, перерождение. Апогей кризиса наблюдался особенно в последние пять-шесть лет, когда все вышло наружу, показало то, что есть. Строили как будто коммунизм, а пришли к доморощенному мелкобуржуазному социализму, который воочию продемонстрировал, что «этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество, или — вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны»[1]. Причудливые переплетения первого и второго случаев происходят и в наши дни.

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные произведения/В 3 томах. Т. 1. М., 1983. С. 130.

Далеко неслучайно апологеты реставрации капитализма усиленно насаждали миф о практической ликвидации социализма в 30-е годы, намеренно запутывая, добиваясь своей заветной цели. Старая истина опять стала новой: «России в конкретной исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко *начать* социалистическую революцию, тогда как *продолжать* ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам»[1]. Конечно, усилия партии прежде всего ломались об эти трудности, но не только. Практически сорок лет шло кризисное развитие социализма, шло перерождение партии из коммунистической в номенклатурно-бюрократическую организацию, занимавшуюся «тонкой работой» подделки марксизма-ленинизма, извращением его. Иными словами, «как это обычно бывает, когда власть попадает в руки доктринеров, и те и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, что им предписывала доктрина их школы»[2].

Измена основным принципам марксизма-ленинизма: замена государства диктатуры пролетариата общенародным государством, превращение ленинской партии нового типа, партии рабочего класса в партию всего народа, игнорирование объективных законов классовой борьбы, крупные ошибки в стратегии и тактике социалистического строительства привели КПСС к краху. Это расплата, это возмездие за измену делу рабочего класса, за предательство старших поколений революционеров, коммунистов, всего советского народа, которое обагрено обильной кровью и многочисленными жертвами. Тяжелый урок состоит в том, что «только партии, опирающиеся на определенные классы, сильны и уцелевают при всех и всяких поворотах событий. Открытая политическая борьба заставляет партии связываться теснее с массами, ибо без такой связи партии — ничто... Объективные условия общественной жизни и борьбы классов сильнее добрых желаний и писанных программ»[3].

Проблема проблем — мирное строительство. Как оказалось, социализм, становление новой цивилизации, ос-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 47.

[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные произведения/В 3 томах. Т. 2. М., 1983. С. 200.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 350—351.

нованной не на частной собственности,— мучительно сложное дело, сопровождающееся рядом опасностей и заблуждений. Оказалось, социалистическое созидание нельзя вести кавалерийскими наскоками, мобилизациями и импровизациями. Нарушение закономерностей развития этого общества, этой новой цивилизации, доселе неизвестной миру, непременно возвращает все на круги своя, как неоднократно предупреждали классики научного коммунизма. И сейчас преобладающей чертой является непонимание связи между перерождением КПСС и ее детищем мелкобуржуазным социализмом, между революционными созидательными действиями и контрреволюцией, неспособность взглянуть на все пережитое нами как на одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике. Это вывод жизни. Урок кризиса, развернувшихся событий.

Говорят, во всем виноват марксизм, во всем виноват ленинизм, что это догмы, устаревшие, нежизненные. Сотни и тысячи раз их опровергали и в сто первый, в тысяча первый раз продолжают опровергать. И можно спросить теперь: что же внесли нового в эту теорию те громогласные «ниспровергатели» и «обновители» ее, которые подняли в наше время такой шум? Позабыв или вовсе не зная о том, что «не вокруг изобретателей нового шума; вокруг изобретателей новых ценностей вращается мир; неслышно вращается он»[1]. Обновители никак эту теорию не опровергли, они только пошли на попятную, перенимая обрывки мелкобуржуазных учений, стали апологетами буржуазных партий, которые не устают изыскивать новые приемы для травли коммунистов. Опять старая истина стала новой: «Мы знаем, что на нас посыплется за эти слова куча обвинений: закричат, что мы хотим превратить социалистическую партию в орден «правоверных» (помните, как в наше время ополчились на И. В. Сталина за его сравнение партии с орденом меченосцев — *С. С.*), преследующих «еретиков» за отступление от «догмы», за всякое самостоятельное мнение и пр. Знаем мы все эти модные хлесткие фразы. Только нет в них ни капли правды и ни капли смысла. Креп-

---

[1] *Фридрих Ницше.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., издательство Московского университета, 1990. С. 115—116.

кой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они черпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности; защищать такую теорию, которую по своему крайнему разумению считаешь истиной, от неосновательных нападений и от попыток ухудшить ее — вовсе еще не значит быть врагом *всякой* критики. Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которые социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются в *частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»[1].

Думается, все случившееся — образец того, до чего довели марксизм-ленинизм, до какой пошлости можно довести самую революционную созидательную теорию (Н. Хрущев, Л. Брежнев, М. Горбачев и др. вслед за К. Каутским, Л. Троцким и др.). Актуальной, наиболее жизненной остается задача: «...Мы хотим, чтобы нас меньше почитали, но зато прилежнее читали! Следовало бы поменьше хвалить Маркса да поприлежнее читать его, или, лучше, посерьезнее вдумываться в то, что́.. читает»[2], «...поменьше бы нас хвалили, побольше бы вникали в тактику большевиков, побольше бы знакомились с ней!»[3]. Этот кризис дает предметные уроки, к чему приводит искажение, неумение применить эту науку. Значит, речь должна идти о новых путях и новых методах обучения этой науке, а не об отказе от нее.

Говорят, социализм потерпел поражение. Великий Октябрь будто бы ошибка истории. Совершенно очевидно, что революция не похоронена, есть похороны тех «революционеров», которые проводили пагубную политику, стратегию и тактику, жизнь опять старую истину

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 183, 184.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 131.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 42.

сделает вечно новой: «...есть социализм умирающий, и социализм, который должен возродиться, но это умирание и это возрождение представляет из себя именно беспощадную борьбу с течением оппортунизма, не только идейную борьбу, но и удаление из рабочих партий этого уродливого нароста, исключение из организаций определенных представителей этой, чуждой пролетариату, тактики, полный разрыв с ними. Они не умрут ни физически, ни политически, но рабочие порвут с ними, столкнут в яму прислужников буржуазии и на примере их гниения будут воспитывать новое поколение»[1].

Но сейчас власть переродилась в буржуазную. Бушует мелкобуржуазная стихия. Первая страна социализма развалена, на этих развалинах свирепствует антикоммунистическая истерия. Льется кровь. Где страдания, там религия. Вновь заполняются церкви. В наши дни оплевывание марксизма есть непременное условие популярности в демократических кругах общества. Кто был богат, тот стал еще богаче, а кто был беден, тот теперь в буквальном смысле слова обнищал, задыхается под игом насаждающегося дикого рынка. Каждый из новых правителей уверяет, что его воодушевляет благо народа. Ликуют прямые враги партии и социализма. Чем больше свирепствует реакция, тем больше в сущности задерживает она неизбежное экономическое развитие, тем успешнее готовит более широкий подъем действительно демократического движения. Сегодняшняя власть также прокладывает себе путь через старые истины, она «ясно показывает, что, когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами. Эту истину история русской революции показала еще и еще раз после того, как больше сотни лет история революции показывала нам, что таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах»[2].

Задачи, которые поставлены перед первой страной социализма ходом истории и объективным положением широких масс, все еще не решены. Элементы нового, общенародного политического кризиса не только не

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 13.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 10.

устранены, а, напротив, еще более углублены и расширены. Наступление этого кризиса опять поставит рабочий класс во главе общенародного движения. Он не заставит себя ждать. Как учит история, рабочий класс часто уступает буржуазной демократии первенство выступлений на банкетах, во всевозможных союзах и движениях, с трибуны представительных учреждений, но никогда не уступает и не уступит первенства в серьезной, великой революционной борьбе масс. Не так скоро и не так легко созревают условия для взрыва этой борьбы, но они зреют и назревают неизменно. Социализм «вырастает» решительно из всех сторон общественной жизни, ростки и основы его есть решительно повсюду, «зараза» (если употребить излюбленное буржуазное слово) проникла очень и очень прочно и пропитала собой организм общества целиком. Если с особой тщательностью «заткнуть» один из выходов,— «зараза» найдет другой выход, иногда самый неожиданный. Жизнь возьмет свое. Одним словом, наступает очередь мысли и разума.

Но безнравственно подрумянивать истину. КПСС закономерно потерпела крах. Перерождение правящей партии в первой стране социализма — печальный факт. Ужас этого перерождения ужаснее войны, ужаснее стихийных бедствий. Снявши голову по волосам не плачут. Только сердцем не поможешь. Предстоит начинать с начала, с ленинского начала. Теперь рабочему классу предстоит создать новую, действительно марксистско-ленинскую, партию, не поддаваясь путанице, которая сегодня идет. Многие называют себя социалистами, народниками, конгрессистами, социал-демократами и т. д. В свое время «Энгельсу пришлось высказаться об этом в связи с вопросом о *научной* неправильности названия «социал-демократ».

В предисловии к изданию своих статей 1870-х годов на разные темы, преимущественно «интернационального» содержания... предисловии, помеченном 3 января 1894 года, т. е. написанном за полтора года до смерти Энгельса, он писал, что во всех статьях употребляется слово «коммунист», *а не* «социал-демократ», ибо тогда социал-демократами называли себя прудонисты во Франции, лассальянцы в Германии.

«Для Маркса и для меня,— продолжает Энгельс,— было поэтому чистейшей невозможностью употреблять для обозначения специально нашей точки зрения выражение столь растяжимое. В настоящее время дело обстоит иначе, и это слово («социал-демократ») может, пожалуй, сойти (...), хотя оно и остается неточным (...неподходящим) для такой партии, экономическая программа которой не является просто социалистической вообще, а прямо коммунистической,— для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а, следовательно, также и демократии. Названия *действительных* (курсив Энгельса) политических партий, однако, никогда вполне не соответствует им; партия развивается, название остается...»[1].

И КПСС в названии оставалась, хотя «развивалась» к перерождению, к вырождению в партию, противоположную своему названию.

«Диалектик Энгельс на закате дней остается верен диалектике. У нас с Марксом, говорит он, было прекрасное, научно-точное, название партии, но не было действительной, т. е. массовой пролетарской партии. Теперь (конец XIX века) есть действительная партия, но ее название научно неверно. Ничего, «сойдет», лишь бы партия развивалась, лишь бы научная неточность ее названия не была от нее скрыта и не мешала ей развиваться в верном направлении!

Пожалуй, иной шутник и нас, большевиков, стал бы утешать по-энгельсовски: у нас есть действительная партия, она развивается отлично; «сойдет» и такое бессмысленное, уродливое слово, как «большевик», не выражающее абсолютно ничего, кроме того, чисто случайного обстоятельства, что на Брюссельско-Лондонском съезде 1903 г. мы имели большинство... Может быть, теперь, когда июльские и августовские преследования нашей партии республиканцами и «революционной» мещанской демократией сделали слово «большевик» таким всенародно-почетным, когда они ознаменовали кроме того столь громадный, исторический шаг вперед, сделанный нашей партией в ее *действительном* развитии, может быть, и я поколебался бы в своем апрельском

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 81.

предложении изменить название нашей партии. Может быть, я предложил бы своим товарищам «компромисс»: называться коммунистической партией, а в скобках оставить слово „большевики".

Но вопрос о названии партии несравненно менее важен, чем вопрос об отношении революционного пролетариата к государству»[1].

Конечно, вопрос о названии партии несравненно менее важен, чем проблема государственной власти диктатуры пролетариата, тем не менее, учитывая печальный факт перерождения КПСС, принимая во внимание, что, как и II Интернационал, КПСС старые слова „социализм" и „коммунизм" опозорила, есть смысл вернуться к «всенародно-почетному» с ленинских времен, не скомпрометировавшему себя ленинскому названию новой партии.

Наступила новая эпоха. Старые ситуации не повторяются в прежнем виде. Новая ситуация более сложна. Вновь социализм ищет свою дорогу, ищет себя. Теория марксизма-ленинизма, принципиальные основы ее миросозерцания не случайно, а неизбежно, вопреки клевете и яростным нападкам, выдвинулись теперь на одно из первых мест в нашей жизни. История повторяется. Как известно, между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным — с другой, лежит целая полоса господства оппортунизма II Интернационала. Теперь между Лениным и Сталиным, с одной стороны, и крахом КПСС — с другой, пролегла целая полоса господства оппортунизма партии всего народа, приведшая к тяжелейшим последствиям. И новому поколению марксистов-ленинцев предстоит очистка авгиевых конюшен КПСС, фактического оппортунизма в условиях социалистического развития. Безусловно, марксистско-ленинский метод в этой чистке создаст и выкует новых действительных марксистов-ленинцев, поможет восстановлению нарушенного единства между теорией и практикой, ликвидирует разрыв между ними, вновь возродится ленинская партия нового типа, партия рабочего класса, всех трудящихся. Все это будет не случайно, а неизбежно, так как после краха КПСС во всех классах

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 81—82.

общества, среди самых широких народных масс пробудился интерес к глубоким основам всего миросозерцания, вплоть до вопросов религии и философии, вплоть до принципов марксистско-ленинского учения в целом. Не случайно, а неизбежно массы, втянутые кризисом в острую борьбу, все больше тянутся к общетеоретическому знанию. Если в первые десятилетия социализма учила революция, то теперь учит жизнь, и она многому еще научит.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Срым Сапаргалиев

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ
(КРАХ КПСС)

Редактор *С. Паскевич*
Художник *Л. Тетенко*
Художественный редактор *Г. Горелов*
Технический редактор *Л. Конькова*

ИБ № 5294

Сдано в набор 23.11.93. Подписано в печать 19.03.94. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,61. Уч.-изд. л. 8,36. Тираж 3000 экз. Заказ № 1890.

Ордена Дружбы народов издательство «Қазахстан» Министерства печати и массовой информации Республики Қазахстан, 480124, г. Алматы, проспект Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Министерства печати и массовой информации Республики Қазахстан, 480124, г. Алматы, проспект Гагарина, 93.

В издательстве «Казахстан»
в разделе «История. Исторические науки»
в третьем квартале 1994 года
выходит книга:

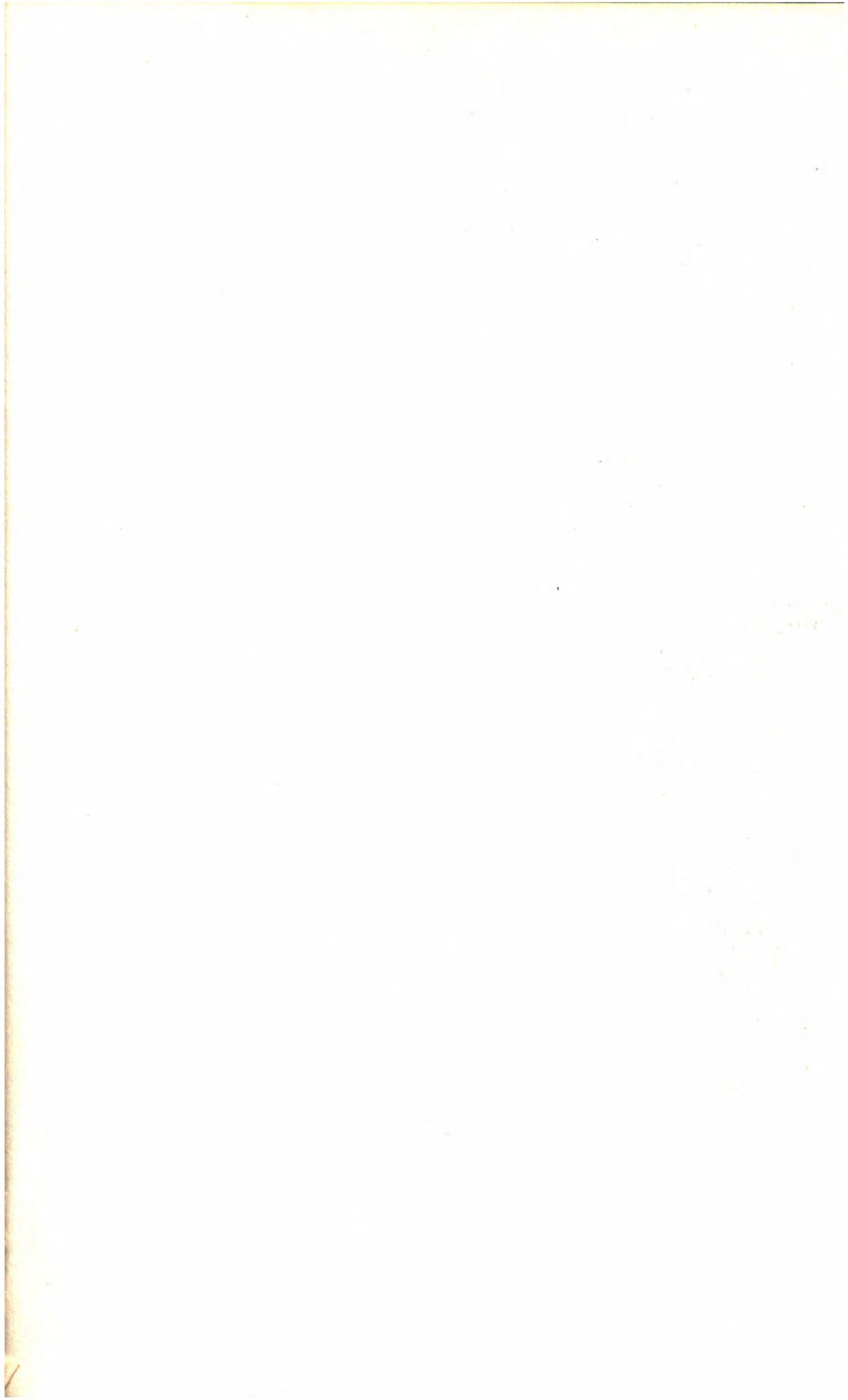
Казахи. Историко-этнографическое исследование.— 25 л.— Рус. яз.

Книга содержит подробный исторический материал об этнических процессах, традиционных способах ведения хозяйства, жилище, одежде, обычаях, верованиях казахского народа. Дает общее представление о корнях казахского народа, его традиционной и духовной культуре.

В издательстве «Казахстан»
в разделе «История. Исторические науки»
в третьем квартале 1994 года
выходит книга:

Кан Г. В. **«Корейцы Казахстана»**— 15 л.— Рус. яз.

Книга посвящена исследованию «белых пятен» в истории Казахстана — насильственному, массовому переселению корейцев из Дальневосточного края в Казахстан, построена исключительно на архивных материалах, которые до настоящего времени оставались строго засекреченными. Предназначена для широкого круга читателей, всем, кто интересуется проблемами современной истории Казахстана.

Срым Сапаргалиев